

Владислав Деревяшкин

ХРОНИКИ РУНЫ

ТРИЛОГИЯ

Владислав Деревяшкин
Хроники Руны. Трилогия

«Издательские решения»

Дервяшкин В.

Хроники Руны. Трилогия / В. Дервяшкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907967-1

Добро пожаловать в неповторимый и волшебный Мир Руны! Здесь властвует магия, которой способен противостоять лишь острый меч. Колдуны будут чинить преграды, но мудрость эльфов и белых магов поможет их избежать. За горным перевалом станут поджидать кровожадные тролли и великаны-людоеды. Гарпии, мутанты, вампиры, призраки и твари из Темного Круга — все это есть в сказочном мире Руны. В трилогию «Хроники Руны» вошли романы «Проклятие чародея», «Хранители Ока Петры» и «За Последней Чертой».

ISBN 978-5-44-907967-1

© Дервяшкин В.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ.	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	22
ГЛАВА ПЯТАЯ	27
ГЛАВА ШЕСТАЯ	34
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	40
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	52
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	60
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	68
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	76
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	83
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	91
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	98
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	104
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	111
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	117
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	123
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	129
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	134
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Хроники Руны Трилогия

Владислав Деревяшкин

© Владислав Деревяшкин, 2018

ISBN 978-5-4490-7967-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ. ПРОКЛЯТИЕ ЧАРОДЕЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мрачный лес не желал выпускать беглецов. На ветках не было ни единого листочка. Черные, как будто после пожарища, обугленные сучья напоминали руки мертвецов, готовые в любую минуту схватить за горло или расцарапать лицо. Гнилые корни выпирали из земли, похожие на щупальца гигантского осьминога. Рик Бернс споткнулся, потерял равновесие и упал, ударившись локтем о лежащий камень. Боль была настолько сильной, что онемело предплечье. Книга, которую молодой человек сжимал в руке, отлетела в сторону. Быстро встав, он поднял бесценный фолиант и вновь побежал. Страх гнал его прочь из проклятого леса. Позади него раздался крик. Рик обернулся и увидел, что Харт, его верный слуга, исчез, как будто растворился в воздухе. «Магия», – подумал Бернс». Но дело было вовсе не в колдовстве, которым владели грууны, странный народ, населявший эти земли уже не одно тысячелетие. Все вышло куда прозаичней. Харт угодил в волчью яму. Острые колья насквозь проткнули его несчастное тело. Рик прочитал короткую молитву за упокой души старого слуги, умершего нелепой смертью.

– Беги, не останавливаясь, – прокричал на полном ходу Батист. – Надо самим уносить ноги, пока эти твари еще от нас далеко.

Рик крепче сжал в руках драгоценную книгу и припустил во весь дух за приятелем.

В боку нещадно кололо, ужасно хотелось пить, ноги зудели от напряжения. Но он должен бежать. Он просто обязан выжить и доставить книгу магистру Ордена в срок, иначе людей не спасти – они все умрут в муках от страшной и неизлечимой болезни. А в этом старинном фолианте как раз есть заклинание, которое может остановить распространившуюся по королевству заразу. По крайней мере, так утверждал Его Высокое Магичество. Ход мыслей Рика прервал очередной вопль. Это Батист угодил в расставленную груунами ловушку. Старого пирата с силой подбросило вверх. Одна нога болталась в воздухе, другую плотно стягивала веревка в области лодыжки. Сам он висел вниз головой на добротном суку.

– Рик, беги, забудь про меня, – хватая ртом воздух, прохрипел пират. – Ты должен доставить книгу любой ценой, иначе наши жизни будут отданы напрасно.

– Ты же знаешь, я не могу тебя бросить, – лорд кинулся на помощь другу.

Он уже доставал нож, чтобы перерезать веревку, как дерево ожило. Ветки потянулись к Батисту и притянули его к стволу. Пират закричал. В его глазах стоял ужас. А потом случилось то, что Рик меньше всего мог ожидать. Дерево начало втягивать в себя попавшего в западню человека. Вот в стволе исчезли ноги, за ними туловище. Голова задержалась на несколько секунд, и губы пирата умоляюще прошептали Риду: «Беги!». Голова морского разбойника дернулась и скрылась в стволе.

Рик побежал, хотя сил уже не было. Вдалеке виднелся просвет – долгожданная опушка. Еще несколько минут, и он покинет этот ненавистный лес с его страшными обитателями. Справа мелькнула серая тень, послышался скрежет, как будто кто-то кусочком металла карябал по стеклу. Рик знал этот звук. Он слышал его неоднократно, с того самого момента, когда взял книгу с алтаря и выбежал с друзьями из Таинаки – древнего святилища груунов. Почти всю дорогу звук преследовал их. За несколько минут до гибели Харта скрежет пропал, и Рик уж было подумал, что эти твари отстали, но, видимо, он ошибался. Теперь уже слева мелькнула другая тень, и лорд услышал очередной скрежет. «Как они это делают», – с содроганием подумал Рик и прибавил темп.

Вскоре тени мелькали повсюду. Скрежет раздавался со всех сторон. Неприятный звук резал слух, проникал в мозг, вызывая в нем странные вибрации. Возникало желание остановиться, бросить эту проклятую книгу, из-за которой погибли все его друзья, разбить себе голову камнем, всадить в сердце нож – сделать с собой все, что угодно, лишь бы не слышать эти звуки. Внезапно он осознал, что уже никуда не бежит, а крепко зажмурившись, стоит на коленях, заткнув уши руками. Сознание будто раздвоилось. Он увидел себя мальчишкой, беззаботно играющим в песке на берегу реки, родовой замок, которым владело не одно поколение Бернсов, родителей, умерших от проклятой чумы. Сознание показало ему еще некоторые картины из его жизни, а потом вернулось к действительности.

Противный скрежет пропал. Он открыл глаза и увидел их... Несколько десятков высоких уродливых существ смотрели на него. Рик содрогнулся. Он понял, что проиграл, и сейчас с ним произойдет нечто ужасное, куда страшней, чем обычная смерть.

Толпа расступилась. К Рику, стоящему на коленях перед чужеродной для всего человечества расой, подошел колдун, облаченный в длинный серый плащ. В трехпалой руке он держал книгу заклинаний, в другой сжимал посох. На его вершине мерцал мистический камень алого цвета, не принадлежащий этому миру.

– Ты взял то, что тебе не принадлежит, – обратился колдун к Рику скрипучим голосом.

– Мне нужна эта книга, чтобы спасти мой народ от смерти, горя и страданий, – прохрипел Рик. – Я обещаю, что верну ее, после того, как заклинание работает.

– Забудь об этом, – ответил колдун. – Вы, жалкие человечешки, никогда не получите эти знания. Вы все умрете. Но за свою дерзость тебя постигнет смерть более ужасная, чем твоих соплеменников в нашем священном лесу.

Колдун навел посох на Рика, и камень ярко разгорелся. Из него вырвался кроваво-красный луч и ударил человека в грудь. Все тело охватило обжигающее пламя. Рик закричал от невыносимой боли. Магический огонь медленно, сантиметр за сантиметром, начал пожирать каждую клеточку его тела. Племя груунов во главе с колдуном бесстрастно смотрели на мучения чужеземца. Рик бился в смертельной агонии, но не умирал. Он молил своего бога Тога о пощаде, чтобы тот смилостивился над ним и даровал ему быструю смерть. И Всевышний как будто услышал. Внезапно небо заволочли тучи, прогремел гром и сверкнула яркая молния, навсегда прекратив человеческие страдания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С раннего утра замок гудел словно улей. Слуги перешептывались по углам и гадали, зачем король вызывает молодого лорда. Питера Бернса нельзя было назвать завсегдатаем королевских балов и вечеринок. Он был во дворце всего один раз, будучи совсем еще мальчишкой. Пит присутствовал на коронации Его Величества Родерика V, где и присягнул на верность короне. При дворе семейство Бернсов представлял отец Питера, Роджер Бернс, граф Лентийский. Этот почтенный дворянин был доверенным лицом государя и главным советником короны, из-за чего большую часть времени проводил не у себя в замке, а в резиденции монарха. Особенно он дневал и ночевал во дворце в последнее время, когда над Катерией нависла страшная угроза – чума. Она косила людей направо и налево, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей. Пока болезнь свирепствовала в провинции. Всего за каких-то две недели население десяти деревень королевства практически вымерло. Монарх всерьез опасался, что рано или поздно чума доберется и до столицы королевства – Эстрад.

Как победить эту заразу, никто не знал: ни королевские провидцы и астрологи, ни лекари и философы. Даже магистры ордена «Стальной розы» не могли дать ответ на этот вопрос. Но нашествие чумы для Родерика не было из ряда вон выходящей новостью. Она «гуляла» по королевству с определенной периодичностью – раз в пятьсот лет, выкашивая 80 процентов всего населения. Орден пытался на первых порах бороться с напастью – маги проводили священные обряды, читали заклинания. Один раз с чумой даже удалось справиться – болезнь отступила перед человеческой магией. Но это было лишь затишье перед бурей. Зараза с удвоенной силой вновь накатила на страну.

Затем служители Тога, эти напыщенные церковники, заявили, что справятся с проклятой напастью. Но их молитвы, песнопения и богослужения не дали никаких результатов. И вот ровно спустя пятьсот лет, когда чума свирепствовала с особой яростью, магистр Эстрада нашел в библиотеке старинный манускрипт. На сильно потрескавшемся пергаменте выцветшими от времени чернилами маг ордена сумел прочесть, что чуму можно победить с помощью книги груунов. Якобы в ней хранится заклинание, которое избавит катерийцев от этой заразы раз и навсегда.

* * *

– Разрешите войти, Ваше Величество? – обратился к королю Питер Бернс, слегка приоткрыв дверь.

Глава Катерии молча кивнул. В тайной комнате дворца вместе с королем находилось еще несколько доверенных лиц. В уютном кресле у стеллажей с книгами сидел отец Питера и курил трубку. Аромат табачного дыма из далекой Ландии витал в воздухе. «Словно молельня Тога, где еженощно воскуривается фимиам в честь божества и многочисленных святых», – подумал Пит. Напротив Роджера за небольшим столиком пристроился Его Магичество Патиас. Он нервно выбивал барабанную дробь по столешнице скрюченными от артрита пальцами. Рядом с королем стоял молодой эльф, принц Уалдо, принадлежащий к клану «Серебряной Луны».

Питера немало удивило присутствие остроухого. Представители этого гордого народа были редкими гостями в королевстве. Они предпочитали не выходить лишний раз из своих священных лесов, и уж тем более появляться среди людей. Видимо, произошло что-то очень

важное, раз эльф объявился в Эстраде. Сам же владыка Катерии Родерик V восседал на небольшом троне, инкрустированном слоновой костью и драгоценными камнями.

– Садись, Питер, разговор будет долгим, – обратился король к молодому Бернсу. – Догадываешься, зачем тебя позвали?

– Нет, Ваше Величество, – ответил Питер. – Но если нужно постоять за Отечество, я готов хоть сейчас разделаться с врагами.

– Сядь, горячая голова, – ухмыльнулся правитель. – Недруги, слава Тогу, пока не помышляют перейти наши границы. Но вот внутренний враг, который не сегодня-завтра возьмет наши города и подступит к дворцу, меня всерьез беспокоит.

– Его Величество говорит о чуме, сынок, – пробасил старый лорд. – В деревнях люди мрут как мухи. И мы не в состоянии им ничем помочь.

– Но я не понимаю... Если даже орден бессилен что-либо сделать, то какая от меня может быть помощь.

– Скажи ему, Патиас, – обратился король к магистру. – Ты, как никто другой, владеешь всей информацией и объяснишь парню его миссию, да и язык у тебя, старый болтун, хорошо подвешен.

– Мой мальчик, ты, конечно же, знаешь, что наше королевство раз в пятьсот лет одолевает чума, – магистр прокашлялся и продолжил. – Она свирепствует на нашей земле не один год, унося в могилу тысячи человеческих жизней. Зараза никогда не добиралась до нашей прославленной столицы. Всегда свирепствовала в провинции. Но в прошлый раз ее волна докатилась и до Эстрада. Тогда королевство лишилось своего правителя и почти всех членов ордена. У нас есть все основания опасаться, что на этот раз не уцелеет никто, и Катерия перестанет существовать как королевство.

– Чего я не понимаю, так это одного: почему чума свирепствует именно на нашей земле, а другие государства Руны не подвержены ей? – спросил Питер.

– Я расскажу историю, которая вот уже на протяжении многих веков тщательно хранится от ушей обычных людей, – магистр вновь принялся постукивать пальцами. – Много, очень много веков назад предок нашего короля повздорил с одним чародеем по имени Дейтмар. Нанял его на службу, чтобы тот расправился с груунами, которые поработили почти все земли к востоку и западу от нас. Владыка пообещал колдуну щедрое вознаграждение – 200 тысяч золотых пистолей. Когда чародей силой своей магии вышвырнул завоевателей обратно в их мертвые леса, король отказался платить сполна. Он дал Дейтмару всего тысячу золотых монет, помахал чернокнижнику ручкой и скрылся в своих покоях. Сказать, что колдун был в бешенстве – значит ничего не сказать. Однако он не стал разбирать дворец по камушкам, хотя думаю, с легкостью мог это сделать. Стоя у дверей королевской опочивальни, он произнес проклятие и ушел прочь. Позже об этом рассказала стража, охранявшая покои государя. Король не придал сему факту никакого значения, а только с облегчением вздохнул, что так легко избавился от чародея и остался при своих золотых. Инцидент быстро забылся, а на следующий год пришла чума, и тогда монарх вспомнил о проклятии Дейтмара. Родственники короны обошлись малой кровью – у правителя умер брат да парочка его любовниц, которые на тот момент находились

не в Эстраде, а в королевском поместье у северной границы страны. А вот жители периферии серьезно пострадали. Крестьян осталось совсем мало. Землю обрабатывать было некому. Начался голод. Понадобилось почти сто лет, чтобы королевство встало на ноги. Дальше нет никакого смысла рассказывать, ибо все повторяется снова и снова с одним и тем же сценарием.

– Но я так и не возьму в толк, чем я конкретно смогу помочь? Я воин, и у меня нет магических способностей, а мечом чуму не остановишь.

– Сынок, – вмешался в разговор отец Питера. – Пятьсот лет назад магистр ордена нашел в библиотеке древнюю рукопись. Она повествует о тех давних событиях. Но в ней упоминался один момент, о котором мы и слыхом не слыхивали. Автор рукописи уверяет, что когда силой магии груунов отправили обратно в смрадные леса, их колдун прихватил с собой книгу заклинаний, принадлежащую тому самому чародею. Уж не знаю, как ему удалось это сделать, но так оно, похоже, и было.

– В рукописи также сказано, что в книге содержится заклинание, которое может нейтрализовать проклятие, – перебил старого лорда магистр. Если его прочитать, чума навсегда оставит в покое жителей королевства. Так, неизвестный автор дал нашему многострадальному народу лучик надежды.

– Пятьсот лет назад, сынок, твой предок Ричард Бернс был послан королем на поиски этой книги. С ним отправился отряд верных ему людей. Но никто не вернулся назад. В последний раз их видели в Пограничном Королевстве, когда им предстояло пересечь Последнюю Черту. Больше вестей о них не поступало. Может, отряд добрался до святилища груунов, где и сгинул, а может, они погибли от рук великанов или попали в плен к китоврасам – мы не знаем. Места за Последней Чертой дикие, и с отрядом могло случиться все, что угодно.

– Вы хотите, чтобы я продолжил дело, начатое моим предком? – спросил Питер.

– Ты силен, вынослив, отлично владеешь мечом, сын. Но у тебя есть право выбора. Мы не собираемся никого неволить. Если ты откажешься, твое решение примут, и никто не посмеет обвинить тебя в трусости. Все мы прекрасно понимаем, что ты можешь не вернуться из этого опасного путешествия.

– Я воин, и мой долг служить королю и своему народу, – ответил Питер. – Лучше рискнуть жизнью и попытаться избавить людей от мучительной смерти, чем сидеть в стенах замка и ждать милости от богов. Я согласен исполнить эту миссию. Кто составит мне компанию в пути, Ваше Величество – королевская гвардия, наемники или это будет одиночное путешествие?

– Отряд должен состоять максимум из десяти человек, не больше, – ответил Родерик. – За Последней Чертой много людей будут привлекать ненужное внимание. А маленькой группой вы сможете незаметно проскользнуть и достичь цели. С тобой отправится пятерка «Бешеных Псов». Эти ребята – отчаянные рубаки, и один из них стоит нескольких королевских гвардейцев. Я знаю, что ты водишь дружбу с малым народцем и племенами нечеловеческой расы. Среди них есть отличные воины. Так что остальных товарищей по оружию можешь выбрать сам. Несколько дней на сборы, и в дорогу.

– Кстати, когда минуете Ренин, загляните в Юлонские леса, в гости к нашим дорогим эльфам, – посоветовал Роджер.

– Его высочество Уалдо выделит нам людей? – обратился Питер к эльфу. – Что же, отличные лучники нам не помешают.

– Увы, – покачал головой остроухий. – Вряд ли кто из моего народа согласится сопровождать вас. Но мы вам поможем знаниями. Наш клан является хранителем карты Последней Черты. Ее нарисовал мой почтенный предок, в те незапамятные времена, когда эльфы еще водили дружбу с обитателями этих мест. Руководствуясь картой, вы избежите возможных неприятностей и в кратчайший срок доберетесь до страны груунов.

– Благодарю, принц, – Пит уважительно склонил голову.

– Вот, мой мальчик, возьми это с собой, – магистр встал из-за стола и протянул молодому человеку свиток и какой-то предмет. – Это карта, которая поможет тебе не сбиться с пути и без помех дойти до Пограничного Королевства.

– А это что еще такое? – Питер вертел в руках шестиконечную звезду.

– Амулет, – ответил Патиас. – Пятьсот лет назад он был создан магами нашего ордена и наделен огромной силой. Их было всего два. Один в путешествие за книгой груунов взял твой предок Рик, второй берешь ты.

– И какой от него толк?

– Говорят, что грууны охраняют свою книгу в святилище Таинаки под магическим колпаком. Если войти внутрь него, человек мгновенно превратится в кучку пепла. Этот амулет способен нейтрализовать чужеродное колдовство. Правда, всего на несколько секунд. Впрочем, этого времени тебе хватит, чтобы взять с алтаря книгу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Привет, мой старый друг! – Питер протянул гному руку и поморщился от ответного рукопожатия. – У тебя не ладонь, а настоящие тиски. Что же, рад видеть тебя в добром здравии, Расмус.

Он решил пригласить гнома в это опасное путешествие, но не знал, согласится ли бородач пуститься с ним в эту авантюру.

– Сто лет тебя не видел, – ответил гном. Расмус поставил на огонь чайник и убрал со стола и лавки чертежи. – Присаживайся.

Питер был в горах Калтас, в одной из заброшенных шахт. Несколько лет назад Расмус открыл в себе задатки изобретателя, тут же осознав, что ему до смерти надоело орудовать киркой, добывая руду и быть вечно чумазым, как крестьянская свинья. Тогда-то он и решил уединиться от своих соплеменников.

Изобретения Расмуса пользовались в Катерии огромной популярностью. Взять хотя бы знаменитый замок с секретом, который не мог вскрыть даже самый опытный взломщик. Правда, пока этим изобретением пользовался только король, так как даже самым зажиточным гражданам королевства замок оказался не по карману. Зато дворяне охотно покупали у гнома пояса верности для своих жен и детские заводные игрушки.

– Над чем сейчас работаешь, бородатый затворник? – поинтересовался Питер.

– Все тебе расскажи, – ответил гном. – А вдруг ты засланный разведчик? Еще проткнешь мое пивное пузо мечом, да и утащишь новейшие разработки. Эй, чего глаза выпучил, шучу я.

– У тебя всегда были дурацкие шутки, – ухмыльнулся Питер. – Никогда не знаешь, где ты говоришь правду, а где пытаешься сострить.

– Какие есть, – буркнул Расмус. Чайник засвистел, и гном пригласил гостя к столу. Разлив по чашкам ароматный чай и поставив на стол кукурузные лепешки с медом, изобретатель уселся на скамью. – Ты же знаешь, Пит, у меня нет от тебя никаких секретов. Мое последнее изобретение бесценно. Что ты скажешь на это? – Гном вылез из-за стола, подошел к сундуку, открыл его и достал миниатюрный арбалет.

– Обычный арбалет, – Пит взял в руки оружие и прицелился в гнома. – Только маленький он какой-то.

– Эта штукавина – изобретение века. Любой король даст мне за него половину своего государства, да еще красавицу дочку в придачу. Видишь вот эту трубку с увеличительным стеклом?

Питер кивнул, все еще не понимая, куда клонит гном.

– Возьми арбалет в руки и взгляни внутрь трубки. Да не направляй на меня, дубина ты стоеросовая. С левой стороны есть маленький рычажок. Перемести его чуть в сторону.

– Что за чертовщина? – Питер не поверил собственным глазам. Очаг, где дымился чайник, был метрах в десяти от стола. При взгляде в трубку расстояние резко сократилось, и чайник оказался всего в нескольких сантиметрах от молодого лорда. – Колдовство, да и только.

– Никакого колдовства здесь нет ни на грош, а наука чистейшей воды, – усмехнулся Расмус. – Над этим чудо-арбалетом я работал целый год.

– Но я все еще не могу взять в толк, как он функционирует? – Питер задумчиво почесал затылок.

– Все очень просто, – гном взял в руки оружие и пустился в объяснения. – В конструкторские дебри я тебя посвящать не намерен – всех тонкостей все равно не поймешь. Если говорить в общих чертах, то эта трубка называется прицелом. Он оснащен линзой, на которую я нанес насечку в виде маленького креста. Так в чем его преимущество перед обычным арбалетом? Представь, что далеко впереди тебя с десятком неприятелей. Один ты с ними явно не справишься. Так к чему геройствовать и ждать врагов с обнаженным клинком, когда у тебя есть пара-тройка драгоценных минут и мой арбалет. Ты смотришь в прицел, наводишь крестик на врага, БАХ... и вот он уже лежит с болтом в горле, ну или в сердце, смотря, куда ты целился.

Для наглядности, гном взвел арбалет, зажмурил левый глаз, взял на прицел чайник и спустил курок. Болт пробил металл, и брызги кипятка разлетелись во все стороны.

– Вот бы мне такую штуку в дорогу, – с завистью произнес Питер, под впечатлением забыв о цели своего визита.

– А куда это ты собираешься? – недобро прищурившись, спросил гном. – Не посветишь меня в свои планы?

– Охотно, старина, – улыбнулся Пит.

* * *

Питер шел по весеннему Траунскому лесу, напевая незатейливый мотивчик. Высоко в ветвях щебетали птицы. Впереди упала шишка – это в ельнике резвились белки. Слева мелькнула чья-то маленькая призрачная фигурка и скрылась в зарослях орешника. «Лесной дух, а может, фея», – подумал Питер.

Лес жил собственной жизнью. Его обитателям было все равно, что в королевстве свирепствует чума. И он не винил их за это равнодушие. Разве не человек вырубает священные рощи маленького народца и истребляет лесных существ? Но в каких бы злодеяниях не обвиняли людей, чума была для них слишком суровым наказанием.

Король дал ему всего несколько дней, чтобы набрать команду. Но кто согласится рисковать собственной шкурой ради этого сомнительного предприятия. Дорога опасна и трудна. Нужно пересечь страну, пройти через соседние королевства, как-то ухитриться пробраться незамеченными через степи, где кочуют кровожадные гои, постараться не столкнуться с племенем людоедов на перевале Тапир, который ведет как раз к Пограничному Королевству.

А дальше Последняя Черта и один Тог ведает, какие неприятные сюрпризы могут ожидать человека в этой глухомани. Да и где гарантия, что отряду удастся добыть книгу у груунов.

Он прекрасно понимал, что не все его друзья могут пойти вслед за ним в неведомые земли навстречу неизвестности. Гном дал добро, и Питер был очень рад этому. Некоторые штучки-дрючки, изобретенные рудокопом, могли сыграть немаловажную роль в этом опасном спектакле. Взять хотя бы арбалет. На расстоянии им можно перестрелять с добрый десяток китоврасов или сбить на лету особенно настырных гарпий.

Сейчас Питер направлялся в гости к Драчуну. Он, как и все вудсы, жил в землянке.

Свое знакомство с представителем этого малочисленного народа Бернс как раз свел в Траунском лесу.

Как-то Питер охотился на лис. Молодого лорда сопровождал только его верный пес. Высматривая нору, он услышал неподалеку звериный рев. За ним последовало боевое улюлюканье, которые издают вудсы в момент опасности или перед боем. Питер понял, что кто-то из этого лесного народца повстречался с медведем. Рев становился все яростней. Он кинулся на звук и увидел такую картину: огромный медвежатина сгреб лапищами невысокого худенького человечка. Еще немного, и зверь раздавит хрупкое тело в своих объятиях. Вудс сопротивлялся, как мог. В свободной руке он сжимал небольшой охотничий ножик, которым кромсал медвежью плоть. Впрочем, косолапому такие уколы не приносили особого вреда. Не теряя времени, Питер вскинул лук и выпустил стрелу. Почти сразу за ней последовала другая. Медведь взревел и немного ослабил хватку. Юркий вудс вырвался из смертельных объятий и резким ударом вонзил нож зверю в горло. С тех пор Питер и Драчун стали закадычными друзьями и часто охотились вместе, правда, не на медведей, а на свирей, мясо которых у лесного народца считается деликатесом.

Увлечшись воспоминаниями, Питер чуть было не пропустил землянку своего друга. Он тихонько постучал в дубовую дверцу. Ответа не последовало. Незванный гость открыл дверь и по земляным ступенькам спустился вниз в небольшое жилое помещение. Обстановка была донельзя убогой: печь, стол, скамья и кожаный тюфяк, набитый соломой. Комната оказалась пуста. Питер решил подождать Драчуна. Он прилег на тюфяк и не заметил, как задремал. Сквозь сон Пит услышал угрожающее шипение, и тут же вскочил с ложа.

– Приятель, я бы на твоём месте лучше вылез из моей берлоги, иначе мне придется натравить моего миленького, но очень злобного зверька, – раздался сверху голос. В подтверждение этих слов шипение повторилось.

– Драчун, ты что, хочешь убить того, кто спас твою шкуру от медвежьей хватки? Не знал, что я попал к тебе в немилость, – засмеялся молодой лорд.

– Пушистый, да это же старина Пит собственной персоной, – радостно заорал вудс.

Шипение прекратилось. На Питу сверху свалилось что-то мягкое и довольное урчащее. Это был домашний питомец Драчуна, камышовый кот. Правда, вудс всегда был против того, чтобы Пушистого считали обычным животным. Для лесного жителя он давно стал настоящим другом.

– Как поживаешь, котяра? – ласково спросил он у Пушистого и нежно почесал шею животного, отчего кот заурчал пуце прежнего. – Что, не признал меня в полумраке?

– Поднимайся ко мне, я тебе кое-что покажу, – закричал Драчун. – Видел, какого красавца мы с Пушистым сегодня добыли?

На земле валялась кабанья туша приличных размеров. Питер очередной раз подивился силище этого худенького человечка. Если бы он завалил такого кабана, ему понадобились бы как минимум два помощника, чтобы дотащить добычу.

– Да, вы с Пушистым друг друга стоите, – улыбнулся Питер.

– Ага, мы еще и не такого зверя заваливали, – засмеялся Драчун. – Наконец ты все-таки вырвался из своего душного замка и решил провести пару деньков на природе со своими друзьями. Ну и поохотимся мы теперь. Мясо впрок заготовим, чтобы зимой от голода желудки не сводило.

– Нет, не угадал Драчун, – Питер покачал головой. – Слышал про чуму?

Вудс кивнул. Камышовый кот сидел рядом с кабаном, карауля добычу и прислушивался к разговору друзей.

– Ну так вот, я собираю отряд в опасное путешествие, а твоя силища, владение оружием, да знание лесов и чащоб нам бы очень пригодилась.

– Во что это ты хочешь нас впутать с Пушистым, а, старина?

– Я сейчас все расскажу, а уж тебе решать, идти со мной или запастись на зиму мясом, – ответил Питер.

* * *

Взбираясь по горной тропе, он еле переставлял ноги, обходя валуны и небольшие завалы. Стоит ли говорить, что такая прогулка Питеру не доставляла никакого удовольствия. «Какого Шахира Смоки поселился на такой верхотуре», – ругался молодой лорд.

По своему обыкновению, гринчи селились рядом с водоемами. Они жили в тростниковых хижинах, ловили рыбу и охотились на речных крыс. Но Смоки был как раз не из таких. Когда он вступил в пору совершеннолетия, и ему предстояло выбрать спутницу, он гордо заявил, что не намерен всю жизнь угождать своей женой, нянчиться с соплевыми детишками, а также жрать рыбу и крысиное мясо. Видимо, в нем проснулся доселе дремавший дух неутомимого путешественника и авантюриста. Он собрал свои пожитки и помахал рукой разинувшим рот соплеменникам. Одни крутили пальцем у виска и говорили, что Смоки сошел с ума. Другие уверяли, что у парня явно затянулся переходный возраст, и он рано или поздно перебесится и вернется в семью. Были и такие, которые во всем обвиняли мать гринча: дескать, та сильно потакала его причудам, вот парень и сбрендил.

Смоки скитался по свету, исходил многие королевства вдоль и поперек, но так и не нашел то место, где можно было окончательно осесть и заняться чем-нибудь полезным.

Как-то проходя недалеко от Лентийского графства, у Безымянных гор он услышал странный звук – полурыв-полуписк. Любопытство гринча взяло верх. Он медленно подошел к подножию склона, откуда шел звук и осторожно раздвинул кусты. В зарослях лежал совсем еще крохотный детеныш грифона. Родителей поблизости не оказалось. Впрочем, Смоки это не удивило – грифоны часто бросали своих малышей на произвол судьбы. Он решил, что не даст бедняге умереть. Смоки огляделся по сторонам, а затем поднял голову вверх: высоко в горах он увидел площадку и темное отверстие в скале. «Должно быть, пещера». Высказав свое мнение найденышу, гринч взял малыша на руки и стал подниматься в горы. На высоте около 700 метров тропинка раздваивалась. Одна уходила вверх, а другая, более узкая, вела в сторону и шла параллельно обрыву – она и вывела Смоки к пещере. В ней-то он и решил осесть, обустроив жилище в стиле «заядлый холостяк» – минимум удобств, зато максимум свободного пространства.

Грифон понемногу подрастал и делал первые безуспешные попытки взлететь. А через три года после встречи со своим спасителем вымахал так, что долговязый Смоки уже не мог погладить орлиную голову своего любимца. Грифон присаживался, и только тогда получал порцию ласки. Вскоре крылья животного стали достаточно упругими, и он совершал полеты вместе с гринчем. Смоки ликовал от счастья, когда поднимался с грифоном в небо.

– Ох, Смоки, если бы мне не нужна была твоя помощь, я бы ни за какие коврижки не полез в твое логово, – сквозь зубы процедил Питер.

Он осторожно ступал по узкой тропке, что вела к пещере.

– Проклятие, ну почему именно я, – простонал молодой лорд, уставившись на свой сапог, который угодил прямо в дерьмо грифона.

Путник уже вышел на широкую площадку, как сверху донеслось разъяренное клокотание вперемешку с утробным рычанием, и огромная тень накрыла его. Подняв голову, Питер увидел огромного зверя: орлиная голова и две передние когтистые птичьи лапы плавно переходили в львиное туловище. Довершал тело длинный хвост, кончик которого был острым, как наконечник копья.

Грифон сделал небольшой круг над пещерой и пошел на посадку. Почувствовав под собой опору, чудище угрожающе надвигалось на Питера.

– Брось-ка свой меч, парень, иначе моя львиная пташка растерзает тебя на мелкие кусочки, – угрожающее крикнул всадник, не признав старого приятеля.

– Смоки, ты совсем сдурел, если перестал узнавать друзей, – Питер поднял руки в знак того, что у него самые благие намерения.

– Мне знаком твой голос, – засмеялся Смоки и соскочил с грифона. – Руби, не вздумай дурить, – обратился тот к зверю. – Кажется, это мой старый приятель, у которого я одно время гостил в замке, попивая знаменитое лентийское вино и хлопая служанок по попе. Я бы и сейчас не отказался промочить горло. Пит, ты случайно не захватил с собой бутылочку-другую?

– Привет, старый пьянчуга и развратник, – засмеялся Питер, обняв своего друга. – К сожалению, у меня с собой только фляга, да и в той не вино, а вода.

– Ладно, теперь, раз ты мой гость – выпивка за мной. Пойдем, я угощу тебя своим фирменным пойлом. Сам гнал. Мерзость редкостная, но самогон здорово прочищает мозги. Ну и курнем табачку, который я выменял у торговцев, что недавно проезжали в этой глуши. Заодно новости расскажешь, что в мире деемся. Да и вытри ты свой сапог, а то в пещере мне только грифоньего навоза не хватало.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На главной площади Эстрада было многолюдно. Здесь собрались крестьяне из окрестных деревень, городские ремесленники, солдаты, дворяне и еще бог знает кто. В последнее время такие сходки стали нормой. Народ приходил сюда с единственной целью: в спорах и порой пустых разглагольствованиях найти способ, как одолеть чуму.

На ступенях Храма Всех Святых стоял служитель Тога и говорил своим прихожанам о смирении. Священник вещал, что если люди отринут гордыню, то Всевышний, может быть, обратит внимание на своих рабов и не допустит чуму в города.

Напротив врат казначейства, брызжа слюной и размахивая руками, тараторил проповедник культа Кровавое Солнце. Он вещал горстке людей, что чумы сможет избежать лишь тот, кто пожертвует свое состояние на благо общине или принесет в жертву первенца.

Еще одна толпа зевак обступила заезжего астролога. Звездочет говорил что-то о глобальных катаклизмах, в которых погибнет больше половины подданных Катерии, а тех, кто выживет – добьет пресловутая чума.

Питер пробирался сквозь толпу, стараясь обойти одних и распихивая локтями других. Подаренный магистром Патиасом амулет приятно охлаждал грудь под рубашкой. С ним он почему-то чувствовал себя намного увереннее. Теперь опасное путешествие за книгой груунов уже не казалось ему таким безнадежным. А еще молодой лорд был рад тому, что в странствие вместе с ним отправляются его верные друзья. Взять хотя бы Драчуна. Вудс превосходно владеет техникой метания ножей. Он носит широкий пояс, в котором прячет с пару десятков заточек, звезд, сюрикенов и еще много всякой всячины. Что касается кота, то Пушистый не просто милое домашнее животное, а прекрасный боец, который в мгновение ока может выцарапать глаза противнику или прокусить шею. К тому же этот зверюга отлично плавает и лазает по деревьям. В опасную авантюру решил пуститься и Расмус. Гном обладает недюжинной физической силой и мастерски орудует топором. А уж этой сладкой парочке, как Смоки и Руби, просто цены нет. Они всегда дерутся в паре. Гринч восседает на животном, стреляя из трубки ядовитыми дротиками и рубя врага коротким мечом, а грифон тем временем пускает в ход свой страшный клюв, когти и хвост. Последний способен проткнуть насквозь самого матерого секача.

Внезапно охладивший кожу амулет стал нагреваться. Питер не мог взять в толк, что происходит с Оком Петры. В памяти всплыли слова магистра Ордена. Старик говорил, что таким образом амулет чувствует чужеродную магию и предупреждает своего владельца об опасности.

Пит почувствовал, как что-то сдавило его затылок. От боли потемнело в глазах. Через несколько секунд давление исчезло, зрение вернулось. Из толпы вышел человек и преградил ему путь. Незнакомец был одет в серый плащ. Накинутый на голову капюшон скрывал глаза. Схватив костлявой рукой Питера за плечо, человек произнес загробным голосом:

– У тебя есть то, что должно принадлежать мне.

Молодой лорд хотел освободить плечо от цепких пальцев незнакомца, но хватка была крепкой.

– Кто ты и что тебе нужно? – спросил Питер и не узнал свой испуганный голос. Он осознал, что перед ним стоял не просто зевака, каких было полно на городской площади, а колдун, маг или чародей. Ведь не зря амулет предупреждал его об опасности. Плечо онемело, он почувствовал, что не в силах пошевелить рукой.

– Отдай мне амулет, ибо эта вещь моя по праву, – зловеще прошептал колдун и протянул открытую ладонь.

Будто в гипнотическом сне, повинаясь чужой воле, Питер потянулся к цепочке. Неожиданно в голове прояснилось: «Боже мой, что я делаю? Зачем я собираюсь отдать Око Петры этому человеку?».

– Пошел прочь, грязный колдун, – Питер взял полностью контроль над своим телом и одернул руку, которая сжимала плечо.

Лицо незнакомца скривилось от злобы.

– Ты пожалеешь, что не отдал амулет, лентийский выкормыш. Еще свидимся, и помни, я слежу за тобой, – проскрежетал чародей и скрылся в толпе.

* * *

Подойдя к башне Ордена, Питер потянул за ручку дубовых ворот – те оказались заперты. Со двора слышались приглушенные голоса. Молодой лорд постучал железным молоточком по бронзовой пластине и стал ждать. Голоса смолкли. Открылось маленькое окошко, и в отверстии показалось бородатое лицо старца.

– Тебе кого?

– Я Питер Бернс, сын графа Лентийского. Мне нужно срочно поговорить с Его Магичесством. Он в башне?

– Милорд, магистр Патиас принимает дворян по четвергам, – ответил старик. – Приходите завтра, после полудня.

Окошечко закрылось, и разговор во дворе башни возобновился. Питер глубоко вздохнул и повторил попытку попасть на прием к главному магу королевства.

– Милорд, я уже сказал вам, что часы приема для знати...

– Дело государственной важности, – перебил Питер и достал из-под рубашки амулет.

Лицо старика вытянулось от удивления, и он прощамкал:

– Погодите минутку, я доложу магистру о вас.

Вскоре одна створка ворот со скрипом распахнулась, и Питер вошел во двор. Старика-мага нигде не было видно. Его провожатым оказался худой юноша с бледным лицом

и печальными глазами, который прислуживал Патиасу. Они поднялись по ступеням к железной кованой двери башни. Питер заметил, что на ней начертаны какие-то символы. Один из них оказался ему знакомым: треугольник, внутри которого был помещен глаз. Точно такой же знак изображен на амулете.

Поднимаясь по винтовой лестнице, молодой лорд любовался фресками на стенах. Известный художник изобразил здесь битву людей и груунов, бегущих китоврасов, пасущихся единорогов и еще много разных существ, которые Питеру не были знакомы. Миновав два пролета, где располагались кладовая, кухня и комнаты для прислуги, они остановились на третьем этаже. Служка открыл дверь, приглашая Питера войти.

– Справа по коридору пятая дверь, милорд, – пояснил юноша. – Его Магичество ждет вас.

– Спасибо, дорогой друг, – поблагодарил провожатого Пит, но паренька уже и след простыл.

Молодой лорд подошел к указанной двери и тихонько постучал.

– Открыто, входи, сынок, – раздался голос магистра.

Патиас принимал гостя в своих покоях. Он стоял у окна и пил вино.

– Вы делаете лучшее вино во всей округе, – магистр довольно причмокнул. – Сколько его пью, но все никак не могу насладиться этим великолепным вкусом. Ну да ладно. Прости старого болтуна, мой мальчик. Что привело тебя в башню? Хотел попрощаться со стариком до отъезда? Я тронут.

– Конечно, Ваше Магичество, и я надеюсь получить от вас благословение в дорогу, – ответил Питер.

– Считай, что оно у тебя уже есть, – улыбнулся Патиас и, воздев руки, произнес молитву.

– Однако мой визит к вам не ограничивается только этим. Сегодня на городской площади произошла одна не слишком приятная встреча.

Питер рассказал про незнакомца, возжелавшего заполучить амулет с помощью магии, которая на время подавила его волю.

– Я не могу поверить, – веселость Патиаса как рукой сняло, и он рухнул в кресло. Лицо его выражало неподдельный ужас, а кожа стала белая как мел. – Прошла не одна тысяча лет, а он все еще жив. Видимо, чтобы получить бессмертие, он продал душу Шахиру, Повелителю Бездны и вечному врагу нашего милостивого Тога.

– Ваше Магичество, о ком вы говорите?

– О том самом чародее, который прогнал груунов с нашей земли, и он хочет вернуть назад свою книгу, – ответил магистр.

– Но ему не нужна была книга, – возразил Питер. – Он требовал у меня, чтобы я отдал ему амулет.

– Как ты не поймешь, – Патиас был немного раздражен. – Ему нужен амулет, чтобы забрать колдовскую книгу из святилища груунов.

– Неужели настолько всемогущий чародей, обладающий такой магической мощью, не сможет справиться с колдуном груунов? – недоумевал молодой лорд. – Раньше ведь ему это удавалось.

– Все не так просто, – Патиас налил еще вина. – Грууны – пришельцы в этом мире. У них своя магия, и она чужда нашей. Есть предание, что когда-то давным-давно они пришли со звезд и поселились на Краю Мира. Там рос прекрасный лес, в котором водилось множество диковинных птиц и зверей. Они начали возводить магическую стену вокруг леса, чтобы никто не смог проникнуть в их логово. Но своей зловещей магией пришельцы убили все живое. Говорят, что некоторые могущественные чародеи пытались прорвать эту магическую блокаду, но все они потерпели поражение. Наша магия не в силах разрушить чары груунов. Вот поэтому бессмертному чародею и понадобился амулет, который способен на несколько драгоценных секунд нейтрализовать их колдовство. Без этого талисмана ему не проникнуть в святилище Таинаки. Так что будь осторожен, мой мальчик. Этот ублюдок не оставит тебя в покое. Чтобы завладеть реликвией Ордена, он будет преследовать ваш отряд вплоть до места назначения.

Патиас перевел дух и, промочив горло вином, спросил:

– У тебя все готово к дороге?

– Да, Ваше Магичество. Отправляемся завтра. Со мной идут пятеро Бешеных Псов и трое верных друзей. Все они отличные бойцы, и я доверяю им как себе.

– Что же, тогда в добрый путь, Питер. Надеюсь, что тебе удастся завершить миссию, который начал твой досточтимый предок.

– Я тоже на это надеюсь, – произнес Питер, выходя из опочивальни магистра Ордена «Стальной Розы».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Во дворе замка Бернсов были накрыты столы. Попрощаться с Питером пришли друзья, родственники и знать близлежащих поместий. Гном, вудс и гринч сидели за одним столом вместе с бешеными и опрокидывали в себя вино. Слуги суетились вокруг гостей, унося пустые кувшины, тарелки, и возвращались с полными подносами выпивки и снеди.

Роджер Бернс, граф Лентийский, давал сыну последние наставления в дорогу.

– Когда двинетесь в путь, старайтесь держаться пустынных мест. Не следует привлекать лишнего внимания к себе. У колдуна наверняка везде есть свои люди, которые будут докладывать ему о каждом вашем шаге. Если верить рассказам Патиаса, этот чародей, которого ты повстречал на площади, прескверный тип. Лично я несколько не сомневаюсь, что он запросто может нанять каких-нибудь головорезов, которые перебьют вас из арбалетов, как щенят, и завладеют амулетом.

– Я постараюсь следовать твоим советам, отец, – сказал Питер. – Но нас не так просто будет перебить. Со мной идут мои друзья и королевская элита – «Бешеные Псы».

– Относительно бешеных у меня нет сомнений, а что касается твоих так называемых друзей, – лорд нахмурил брови. – Им можно доверять? В гноме я более-менее уверен. Говорят, что он неплохой вояка. Но вот его изобретения меня немного пугают. Взять хотя бы тот арбалет, который способен приблизить цель, находящуюся на приличном расстоянии. Все это пахнет чернокнижием. А этот лесной бродяга, живущий в землянке? Я сегодня попытался поговорить с ним, но ни на один конкретный вопрос так и не услышал прямого ответа. Как будто общение со мной ему было в тягость. Он даже сейчас сидит так, словно его одолели мрачные думы. Скрытный тип. Гринч вообще отдельный разговор. У него на уме только пошлые шуточки, выпивка да бабы. В позапрошлом году, когда этот пройдоха гостил у нас в замке, он выпил чуть ли не половину годового запаса вина, отвлекал от работы слуг своей пустой болтовней и едва не обрюхатил твою кухню. Хорошая компания, нечего сказать.

– Эй, крошка, налей мне еще кубок славного лентийского, – во всю глотку заорал Смоки и от души хлопнул пышную служанку по заду.

– Ну вот, что я говорил, – Бернс старший схватился за голову. – Гуляка и повеса.

– Отец, ты немного преувеличиваешь, – постарался переубедить его Питер. – Смоки всегда следует золотому правилу: «Делу время, а потехе час». Когда речь идет о серьезном предприятии, он отнесется к нему со всей ответственностью и засунет свое сумасбродство куда подальше. А то, что гринч умеет от души повеселиться, так разве это плохо? В нашем путешествии Смоки и его грифону определена особая миссия: в случае опасности они будут прикрывать отряд с воздуха. И не обижайся на Драчуна, вудсы по своей натуре народ не особо разговорчивый. Но смею тебя заверить, он хороший товарищ. К тому же с ним отправляется Пушистый...

– Этот камышовый кот прокусил ухо моему псу, – с укоризной проговорил лорд. – Я бы назвал его не пушистым, а ершистым.

– Это очень добрый зверь, а Ласка сама виновата, нечего было скалить клыки.

– У кота тоже какая-то особая миссия? – ухмыльнулся Бернс-старший.

– В пути он будет за следопыта. К тому же Пушистый способен забраться на самое высокое дерево и в случае опасности дать нам знать.

– Каким это образом? Истошно замаякать? – засмеялся Роджер.

– Я не знаю, но Драчун и Пушистый каким-то образом понимают друг друга.

– Ну ладно, воля твоя. – Если уж ты выбрал себе в попутчики такую странную компанию, значит, знаешь, что делаешь.

К столу подошел гринч.

– Вааашеээ сияяательство, – язык Смоки заплетался от вина. – Я неенадолго ууукраду я вас Пиииита и времееенно возьму под своююую опеку. Весеелье в самом разгаааре, а он соовсем трезвий.

Старый лорд тихонько застонал и безразлично махнул рукой.

* * *

Он сидел в глубокой яме недалеко от Таинаки. Стояла ночь, луна и звезды практически не освещали его убогую темницу. Здесь царил полумрак и мертвенная тишина. Питер поднялся и размял суставы. Мышцы затекли – видимо, он долго провалялся без сознания. Голова раскалывалась.

– Чем это они меня так шандарахнули, – молодой лорд растер пальцами виски. – И как я здесь оказался. Еще вчера я находился в замке, а сейчас сижу в этой сырой яме. И где все: Расмус, Смоки, Драчун? Куда подевались бешеные? Неужели они все погибли? О Тог, почему я ничего не могу вспомнить! Неужели с помощью магии грууны стерли мне часть воспоминаний?

Он тихонько позвал своих друзей по имени, но никто не откликнулся.

Тишина и безысходность действовали на нервы, сводили с ума. Питер принялся мерить шагами яму.

– Один, два, три, – он отсчитывал шаги вслух. – Пять, семь, десять.

На одиннадцатом шаге он остановился и поглядел вверх. Удивительно, он прошел несколько метров, а отверстие по-прежнему оставалось на месте. Казалось, оно двигалось вместе с ним. От такого открытия его прошиб холодный пот.

– Этого просто не может быть, – шептал он. – Что за ерунда здесь творится.

Он сделал еще с десяток шагов – отверстие, как послушная собачонка, следовало за ним. Питер закричал. Это был рев зверя, загнанного в западню безжалостными охотниками, рев

узника, который ждет приговора в камере смертников, рев безумца. Нервы окончательно сдали, и он побежал, и бежал до тех пор, пока не рухнул без сил. Все попытки выбраться из заколдованного круга оказались тщетными – Пит лежал на земляном полу и смотрел на такой далекий спасительный выход. Вдруг отверстие загорела чья-то фигура.

– Строптивный сопляк, – прошипел до боли знакомый голос. – Я же приказывал тебе отдать амулет, но ты решил распорядиться его силой сам. Теперь ты умрешь, так же, как и твой нерадивый предок пятьсот лет назад. А чума уничтожит все королевство, потому что мое проклятие сильно, а без книги заклинаний ваши жалкие маги с ним никогда не справятся.

– Где мои друзья? – голос Питера был хриплым.

– Они мертвы, – колдун зловеще захохотал. – Но ты скоро отправишься к ним. Знаешь, что с тобой сделают грууны за то, что ты хотел украсть книгу? Это будет медленная и мучительная смерть от магического огня. Но я могу свершить акт милосердия и избавить тебя от страшной кончины.

– Откуда такое великодушие? – язвительно осведомился Питер.

– Не хочу доставлять этим невежественным дикарям такого удовольствия. – Они этого не заслуживают.

Колдун исчез, и на пол темницы что-то упало. Послышался шелестящий звук, затем раздалось шипение.

«О, Тог, это колдовское отродье сбросил в яму змей», – Питер оцепенел от ужаса, а потом истошно закричал.

* * *

Проснувшись от ночного кошмара, Питер встал с кровати и на трясущихся ногах подошел к столу. Он зажег лампу, взял кувшин с водой и принялся жадно пить. Вода, стекая по подбородку, обливала грудь и тяжелыми каплями падала на пол.

До рассвета оставалось еще три часа. Спать совершенно не хотелось – кошмар был настолько реален, что отбил все желание к сновидениям. Пит открыл створки окна, выглянул наружу и вдохнул ночной воздух. Где-то пел соловей, выводя рулады, которым бы позавидовал любой королевский менестрель. Рядом с окном пролетела летучая мышь. Ночная охотница выискивала майских жуков, что кружили возле плодовых деревьев замка. Питер отшатнулся и поспешно закрыл ставни. Он вновь подошел к столу, выдвинул ящик, достал карту Руны и принялся ее изучать.

«Отряду предстоит неблизкий путь. Нужно пересечь несколько королевств. С дружественными государствами проблем не возникнет, но вот с недругами Катерии надо держать ухо востро. Миновать незамеченными границу давнего врага будет непросто. Придется идти лесами, пробираться через пустоши и болота», – размышлял Бернс.

Питер взял перо, обмакнул его в чернила и поставил крестик напротив Ренина. Это место не сулило путникам ничего хорошего.

Вражда между катерийцами и ренинцами длилась ни один век. За последнее столетие государства воевали друг с другом трижды. Войны всегда разгорались на религиозной почве. Два народа никак не могли поделить святыню, что хранится в Катерии. Это обруч, который по преданию Тог подарил Пакалю – первому человеку Руны, в знак своей благосклонности. Ренинцы полагали, что обруч должен храниться в их главном храме. Они утверждали, что якобы Пакаль жил на том самом месте, где находится столица Ренина – Ажраз. Но сколько бы они ни шли войной, им никогда не удавалось выиграть ни одной битвы. Близлежащие государства всегда выступали на стороне Катерии, давая ренинцев численным превосходством. Хотя в последний раз враг чуть было не выиграл битву. Но союзники чудом удержали оборону и погнали завоевателей до Ажраза, чуть было не сровняв столицу с землей. Король Латар запросил пощады и подписал мирный договор, поклявшись на священной книге Кависти покончить с религиозными распрями раз и навсегда. Однако, несмотря на перемирие, два государства вот уже десять лет находятся в состоянии холодной войны. Поэтому отряду заходить в города Ренина было опасно.

«Значит, нужно идти в обход. Однако легче сказать, чем сделать. С одной стороны болота, с другой озеро Палсу, которое может помериться размерами с морем. Можно, конечно, перебраться на ту сторону, наняв небольшой парусник или на худой конец рыбацкий баркас, но водоем патрулируют пограничные галеры, а значит, есть большая вероятность нарваться на ренинских матросов», – рассуждал Пит.

Изучая карту, Питер поставил очередную метку в форме креста. Еще одно неприятное местечко – Призрачные горы. Перейти их можно только через пещеры Шахира, представляющие собой настоящий лабиринт. Стоит лишь зайти не в тот коридор, и можно блуждать по ним до скончания века, ну или пока не умрешь от голода или жажды. Пещеры пользуются в народе дурной славой. Говорят, что их населяют злые духи, которые наводят на человека морок, тем самым сбивая с верного пути.

– Можно обойти Призрачные горы стороной, но такой крюк займет не одну неделю, – Питер не заметил, как заговорил сам с собой. – А времени у отряда не так уж и много – нужно доставить книгу груунов до начала зимы. Если не подоспеть к этому сроку, чума унесет жизни половины подданных королевства.

Третий крест молодой лорд начертил рядом с городом Мертвых. Две тысячи лет назад Сперониум был духовным и экономическим центром рунийской цивилизации. Сюда приезжали торговать купцы со всего мира. В городе находилось более сотни храмов, посвященных различным богам. Десятки тысяч паломников шли сюда, чтобы поклониться святыням и вознести молитвы. Кто хотел обрести знаний, также ехал в Сперониум. Здесь было множество школ, университетов и семинарий. Тут обучали будущих целителей, магов, жрецов, оракулов и астрономов.

Город процветал, налоги рекой текли в казну, а граждане не испытывали ни в чем нужды. Но вскоре все изменилось. В Сперониуме появился странный человек, пришедший под видом состоятельного паломника. Заходя в каждый храм, он оставлял жрецам щедрые пожертвования. Неизвестным духовным меценатом заинтересовался царь. Владыку Сперониума взяла зависть, что городскую казну обходит эта золотая жила, а все деньги оседают в карманах и без того богатых храмовников. Он пригласил паломника к себе во дворец. В знак своей признательности чужестранец подарил правителю алмаз, величиной с человеческий кулак и еще

с пару десятков камней поменьше. Царь был настолько потрясен щедрыми дарами, что согласился исполнить любое желание гостя. Паломник поведал владыке, что является смиренным служителем Шахира – бога мрака и бездны. Он испросил у царя разрешение построить здесь храм своему повелителю. Монарх не увидел в просьбе ничего плохого – одним храмом больше, одним меньше, и вручил грамоту на возведение молельни. Когда святилище темному божеству было построено, в Сперониуме начали происходить страшные вещи. Неподалеку от молельни Шахира городская стража обнаружила несколько расчлененных тел. Затем кто-то начал похищать младенцев. А когда девственницы внезапно стали беременеть, народ заподозрил неладное и обвинил во всем чернокнижника. Служителя Шахира и его немногочисленных приспешников линчевали прямо на городской площади, а храм разрушили. Однако на этом беды жителей города не закончились. Девы, ставшие жертвой «непорочного зачатия», разродились в одну ночь. Но новорожденные не походили на обычных младенцев. Это были маленькие чудовища, с когтями, клыками и небольшими рожками на голове. Вначале они растерзали своих матерей. Затем крохотные монстры вышли на городские улицы, где врывались в дома, чтобы убивать. За одну ночь твари погубили половину Сперониума. Купцы спешно покидали проклятый город, вслед за ними сломя голову бежали паломники. Городская стража была перебита. Оставшиеся в живых люди сплотились перед лицом опасности, но безрезультатно. Монстры обладали нечеловеческой силой и убивали каждого, кто вставал у них на пути. Сперониум опустел. На его улицах лежали горы гниющих трупов. Кровожадные твари подбирались к дворцу правителя. Царь вместе с десятком гвардейцев забаррикадировали все входы в центральную залу. Дети Шахира грызли толстые доски, царапались о камень, но так и не смогли подобраться к людям. Тогда монстры стали издавать истошные звуки с целью свести с ума затаившихся горожан. Первым не выдержал капитан королевской гвардии. Он отошел к дальней части залы и разбежавшись, разбил себе голову о стену. Через несколько часов после этого один из гвардейцев вонзил себе кинжал прямо в сердце. Настал тот день, когда царь остался один в окружении трупов. Тогда правитель мертвого города принял решение – умереть так, как подобает гордому владыке. Он разобрал выход и распахнул настежь створки дверей. Одна из тварей с окровавленным лицом бросилась на царя. Тот вскинул кинжал и проткнул насквозь тельце маленького уродца. Он замахнулся для второго удара, но другой монстр опередил правителя, вцепившись клыками тому в запястье. Остальные дети Шахира с молниеносной быстротой бросались на последнего живого человека Сперониума, выдирая из плоти куски мяса. Несколько секунд, и от монарха остался хорошо обглоданный скелет.

Ходят слухи, что в мертвых стенах города до сих пор обитают эти злобные твари и нападают на заблудших в дороге путников.

Но, несмотря на все ужасы, которые рассказывают про Сперониум, отряду не удастся обойти его стороной. По словам магистра Патиаса, в царской библиотеке должна быть подробная карта Края Мира. Это древний пергамент, который хранился в Сперониуме многие века – еще до прихода груунов. В то время земли Края Мира не были проклятыми, и там вместе с китоврасами, великанами и прочими народами, не относящимися к человеческой расе, селились люди.

– Что же, придется убедиться на собственной шкуре в правдивости всех этих рассказов о детях Шахира, – невесело улыбнулся Питер и, свернув карту Руны, спрятал ее в походную суму.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Светало. Несмотря на такой ранний час, во дворе замка было многолюдно. Пятеро бешеных стояли у ворот. В нескольких шагах от них у колодца тихо переговаривались Смоки и Драчун. Грифон был привязан у крепкого дуба. Пушистый сидел на толстой ветке векового дерева и с невозмутимым видом вылизывал шерстку, как будто собирался прикорнуть часок-другой. Гном в задумчивости мерил шагами двор, вынашивая очередную новаторскую идею.

Питер вышел из замка. На ступеньках сына ждали родители – Роджер и Афелия. У его матери были красные глаза – женщина проплакала всю ночь. Роджер выглядел бодро, но Питер знал, что это показное – отец сильно переживает, но его светлость никогда не позволит дать волю своим чувствам на людях. Афелия со слезами бросилась на шею сына. Ее сотрясали рыдания. Женщина не могла вымолвить ни слова.

– Матушка, не плачь, вот увидишь, я скоро вернусь, и мы снова будем гулять по яблоневому саду, и кормить озерных лебедей, – попытался утешить мать Питер. – Ты только обещаешь кое-что сделать к моему приезду.

Афелия перестала рыдать и спросила сына дрожащим голосом:

– Что ты хочешь, мой дорогой?

– Когда я вернусь, в этих краях уже будет лежать снег. Свяжи мне теплый свитер, который согреет меня долгими зимними вечерами.

– Я свяжу тебе не только свитер, но еще носки, шапку и длинный шарф, – лицо матери немного посветлело.

– Береги себя, мой мальчик, – крепко обнял сына Роджер Бернс. – Слушай свое сердце и почаще обращай мольбы к милосердному Тогу. Я верю, что он сохранит тебя в пути и приведет к победе. Езжайте с богом.

– Смоки, – обратился Питер к гринчу. – Отвязывай Руби, пора в дорогу.

Драчун не стал дожидаться приглашения и дал Пушистому знак спускаться. Тот прыгнул вудсу на плечо и громко замурлыкал. Гном уже стоял у ворот, держа под уздцы гнедую кобылку.

– Батя, твои парни готовы?

– Да, милорд, – ответил Питеру десятник бешеных. – Мои псы, если нужно, хоть сейчас разорвут глотки груунам.

– Ну, тогда все по коням, – дал команду молодой лорд. – Матушка, отец, ждите нас не раньше начала зимы.

Питер прищпорил коня и выехал за ворота навстречу неизвестности. Его небольшой отряд двинулся следом за ним.

– Храни вас Тог, – прошептала Афелия, благословляя путников.

Когда отряд скрылся, она повернулась к мужу. Роджер сидел на ступеньках и плакал. Женщина подошла к нему, села рядышком, обняла его за плечи и произнесла:

– Они вернутся, материнское сердце никогда не обманывает.

* * *

Отряд ехал по заброшенному тракту. По одну сторону дороги раскинулся лес, по другую – некошеные луга.

– Почему мы поехали именно по старому тракту? – не унимался гринч. Он сидел верхом на грифоне и грыз кусок черствого сыра. – Тут же на десятки миль вокруг ни одной живой души. День близится к концу, а нам еще не попалось ни одного вшивого трактира, ни самой занюханной деревеньки.

– Тебе лишь бы брюхо набить, да какую-нибудь деревенскую дурочку испортить, – усмехнулся гном.

– Ты же знаешь, нам ни к чему лишние пересуды, – обратился к Смоки Питер. – На главном тракте сейчас слишком многолюдно. Крестьяне бегут из деревень поближе к столице, в надежде, что чума не заберется так далеко. Простой люд уж очень болтлив. А у бессмертного колдуна повсюду могут быть шпионы. Лучше держаться подальше от любопытных глаз.

– Но милорд, – вмешался в разговор десятник, – нам все равно придется заходить в город или деревеньку, чтобы пополнить запасы провизии.

– Верно, Батька, – согласился Питер. – Но это будет не скоро, а за это время мы покроем приличное расстояние. Надеюсь только, что колдун не станет следовать за нами по пятам, строя козни.

– Не люблю я колдунов, – буркнул правая рука Батьки, Дуболом. – Ох уж эти мне их магические штучки-дрючки. Все они какие-то скользкие да гаденькие. Нет бы выступить в открытом поединке. Да какой там. Только и знают, что пакости на расстоянии делать. Помню, как-то в последнем походе, когда у самого Ажраза ренинцы дали нам бой, я нос к носу столкнулся с их магом. Премерзкий, скажу вам, тип. Я тогда своей верной дубинкой уложил молодого лейтенанта, а чародей как раз поблизости был. Идет на меня, глаза выпучил, губами что-то шепчет, руками какое-то заклинание начал плести. Ну я не стал дожидаться, да и раскроил его ядрену черепашку.

– Помню, помню, – улыбнулся Весельчак. – Тогда твой удар стал решающим и противник дрогнул, лишившись магической поддержки. Нам лишь оставалось добивать остатки вражеского войска. Вот только говорят, что ты случайно убил мага.

– О чем это ты, Весельчак? – с наигранным притворством поинтересовался Пакостник.

– Ну-ка, расскажи поподробней, – поддержал товарища Лис.

– Да после этой битвы слушок прошел, что Дуболом просто-напросто испугался ренинского мага, бросил со страху дубину и наутек, – посмеиваясь продолжил рассказ Весельчак. – А дубинка так удачно отлетела, что попала прямо волшебнику по темечку.

Отряд разразился дружным хохотом.

– Ты чего мелешь, пустобрех, – разозлился Дуболом. – Я вот тебя сейчас самого дубинкой огрею, будешь знать, как меня в трусости обвинять и придумывать всякие небылицы.

– Да ты эту историю уже сотый раз всем рассказываешь, – ухмыльнулся Весельчак. – Тоже мне, герой нашелся. А будешь и дальше бахвалиться, я всем девицам Эстрада расскажу, что ты еще и в штаны со страху на поле боя наложил.

– Ну держись, – заорал Дуболом.

Весельчак пустил коня в галоп и понесся впереди всего отряда. Его обиженный товарищ поскакал за ним. Догнав обидчика, Дуболом отвесил ему хорошего тумака, да такого, что тот чуть не свалился с седла. Вернувшись к остальным, заметно погрузневший Весельчак тер затылок:

– Сила есть – ума не надо, шуток совсем не понимаешь.

– А ты разумей в следующий раз, как и над чем потешаться, – ответил Дуболом. – А то я ж тебя знаю. Сейчас ты это в шутку сказал, а по пьянке и взаправду девкам растреплешь, кто тогда со мной в постель-то ляжет?

– Прямо как дети малые, – засмеялся вудс. – Ладно, мы с Пушистым на разведку. Скоро стемнеет, а еще нужно место для ночлега отыскать.

– Смотрите, далеко не забредайте, – крикнул Питер.

* * *

На небе уже появились первые звезды, а Драчун и Пушистый еще не объявились.

– Прошло уже больше часа, где их Шахир носит, – Питер заметно нервничал.

– Успокойся Пит, если в ближайшие десять минут не объявятся, мы с грифоном отправимся на поиски, – сказал Смоки. – Я-то их сверху в такой темноте вряд ли угляжу, а вот Руби видит ночью так же хорошо, как и днем.

– По-моему, никого искать не нужно, – объявил Расмус.

– С чего ты взял, бородатый? – спросил у гнома гринч.

– В нашу сторону кто-то чешет, и я предполагаю, что это Драчун.

– Как это ты определил? – изумился Батька.

– Природа меня наградила не только умом, но и отменным слухом, – не без гордости ответил гном.

Через пару минут из темноты вынырнул вудс. На его плече закогтился камышовый кот.

– Где тебя носит, – возмутился Питер. – Мы уже собирались вас разыскивать.

– Да что мы, дети малые, чтобы потеряться, – ответил Драчун. – Мы нашли отличное место для ночлега. В лесу, с полмили отсюда, есть избушка лесника. Там нас уже ждут ужин и выпивка.

– Драчун, я же говорил, что при необходимости нужно избегать встреч с людьми.

– Не знаю, как вы, милорд, а мне уже надоело спать на сырой земле, – возмутился Дуболом. – Эдак недолго себе чего-нибудь отморозить.

– Ага, гляди, а то и вправду отморозишь это самое место, потом ни одной девке не будешь нужен, – сострил Весельчак.

– Ты опять нарываешься на тумачи, – угрожающе прорычал Дуболом.

– Так, горячие парни, хорош препираться, – остановил ссору Батяка. – Милорд, может, воспользуемся гостеприимством? Неплохо было бы выспаться в тепле и поесть нормальной жратвы.

– Ладно, – сдался Питер. – Похоже, Смоки, сбылась твоя мечта. Это, правда не трактир, зато крыша над головой будет. Драчун, ну чего ухмыляешься? Давай, показывай дорогу.

* * *

Они шли по хорошо утоптанной тропке в лесу. С лошадей пришлось слезть – ветви деревьев настолько низко нависали, что всадникам то и дело пришлось бы уворачиваться, чтобы ненароком не выколоть себе глаза.

Тропинка была не слишком широкой, поэтому путники выстроились в колонну по одному и зашагали вслед за Драчуном и Пушистым. Кот, как всегда, сидел на плече своего друга. Единственный член отряда, которому оказалось тесно в лесу, был грифон. Тот постоянно задевал низко растущие ветки и цеплял боком о стволы, сдирая кору. От недовольства Руби издавал злобный клекот.

– Чего эта твоя пташка разворчалась? – спросил у вудса шедший позади грифона Батяка. – Ненароком мне еще достанется. Вон как хвостом машет.

– Тесно ему здесь, вот и ворчит, – ответил Смоки. – Он себя только в небе как дома чувствует. А здесь ему развернуться негде. Да и не нравится ему лес. Помню, когда Руби совсем малой был – только летать начинал учиться, спикировал на ель, что росла неподалеку от нашего жилища. Чуть пузо суком не пропорол. Вот после этого случая деревья терпеть не может.

– Эй, лесовик, долго нам еще пехать? – крикнул Весельчак. – Ты пока место на ночлег искал, грибочков не перекушал? А то, может, тебе избушка лесника привиделась?

– Вот остряк-самоучка, – покачал головой Драчун. – Потерпи, немного осталось.

– Да сколько немного? – недовольно пробубнил Дуболом. – Уже полчаса землю топчем, а твоей хибары и не видать.

– Почти пришли, вон видишь, впереди огонек – свет от оконца? Скоро брюхо набьешь, и на боковую.

– Лично я ничего не вижу, – вставил свое словцо Лис.

– Я тоже никаких огней не наблюдаю, – поддержал товарища Пакостник. – Весельчак прав, хорошие, видно, грибочки были, да, вудс?

Кто-то из бешеных засмеялся.

– Да ну вас, олухи, – буркнул Драчун. – Сейчас все сами увидите.

Отряд вышел на большую поляну, посреди которой находилось озерцо. Через водоем был перекинут мост, упирившийся прямо в крыльцо хижины лесника. Дверь отворилась, и на пороге показался худой старец. Лесник помахал рукой всей честной компании. Когда отряд перешел мост, Батка начал давать распоряжения:

– Лис, Весельчак, расседлайте лошадей, пусть попасутся возле озера, тут травка молодая, сочная. Заодно на дежурство встанете, приглядите, а то мало ли чего. Вдруг лихие люди какие забредут или стая волков поблизости шастает.

– Добрый господин, это без надобности, – обратился к Батке старик. – Места здесь спокойные, разбойников отродясь не было. А волки, конечно, в лесу водятся, но они сюда не забредают. Зверье тут пугливое, даже хищники предпочитают от людей держаться подальше.

– Старик прав, – вставил свое словцо Смоки, набивая табаком трубку. – Хотя если что, на случай опасности, Руби даст знать.

– Знаешь, почему я еще жив, гринч? – задал вопрос Батка и сам же на него и ответил. – Потому что доверяю своим ребятам. Грифон может и не учуять опасности, а вот у моих воинов нюх, как у собаки. Не зря нас прозвали псами.

– Как зовут тебя, почтенный? – спросил Питер.

– Варух, ваше сиятельство, – ответил старик.

– А что, Варух, пиво у тебя есть? – поинтересовался Расмус. – А то уже обычная вода поперек горла стоит.

– Да откуда, почтенный гном, в этом захолустье взяться пиву, – лесник развел руками. – Но вот винца для дорогих гостей немного отыщется. Милости прошу в дом.

– Тогда вперед, – дал команду десятник.

– Ох ты, Всевышний, – Варух отшатнулся от двери.

– Что случилось, дедуля? – с ухмылкой спросил Весельчак.

– Да в дом какой-то зверюга проскочил, – ответил старик, открывая пошире дверь. – Точно, не померещилось. Да это же камышовый кот. Вот гаденыш, аж на стол залез, сейчас еще мясо утащит, ну я его ухватом.

– Не тронь, – прикрикнул Драчун. – Это мой зверь, и он такой же полноправный член отряда, как и любой из нас.

– Да, отче, – подтвердил Питер. – Это животное отменный боец и стоит любого королевского гвардейца.

– Ну и компания у вас, спаси Тог, – засмеялся лесник, приглашая путников к столу.

В доме было тепло и пахло ароматными травами, которые свешивались со стропил.

– Я редко принимаю гостей, а поэтому очень скучаю по общению, – завел разговор лесник, разливая по кружкам вино. – Ближайшая деревня отсюда в милях десяти, и я там бываю нечасто, раз в месяц. Тамошние крестьяне нелюдимы. Да и сам по себе народ темный – особо не поговоришь. Обменяешь шкуры и вяленое мясо на муку, сыр, пряности, вино, и обратно к себе в эту глухомань.

– Мясо и шкуры? – недоверчиво переспросил Батька.

– А что, раз я старик, значит, не могу зверья добыть? – ухмыльнулся Варух. – Рука моя тверда и силки еще могу поставить. Ну-ка, положи ладонь на стол и растопырь пальцы.

Лесник взял со стола остро наточенный нож, которым только что нарезал на доске ломтиками мясо.

– Это еще зачем, – Батька одернул руку и спрятал ее под стол, поняв, что удумал старик. – Мне рука целая нужна.

– Смелых значит, не найдется, – улыбнулся старый охотник.

– Держи мою пятерню, – захмелевший Дуболом положил растопыренную ладонь на стол.

– Совсем спятил? – Весельчак покрутил пальцем у виска. – Он тебе сейчас пару пальцев отрежет, мигом из бешеных вылетишь. Нам калеки не нужны.

– Никакой я не сумасшедший, и сам знаю, что..., – не успел Дуболом договорить, как нож в руке лесника забегал между пальцев.

– Вот это да, – не поверил своим глазам Батька. – Молодца! Не завидую тому, кто перейдет тебе дорогу.

Дуболом убрал руку, посмотрел на пальцы, и, убедившись, что они в целости и сохранности, с уважением пожал леснику руку.

– Это старый фокус, который я еще во времена своей молодости показывал на главной площади Эстрада, чтобы заработать на кусок хлеба. Ну да ладно, час уже поздний. А денек сегодня выдался не из легких. Старческим костям отдых нужен. А вы ежели хотите, то сидите. Еды и вина еще много. Только про товарищей ваших не забудьте.

– Эй, Дуболом, пойдем ребят сменим, пусть поедят да погреться, – предложил Пакостник.

– Там у меня комнатка небольшая, специально для дорогих гостей, – сказал лесник, указывая рукой в сторону. – Кроватей не имею, но соломенных тюфяков – хоть отбавляй. Ну, а я, с вашего разрешения, на печку полезу.

Старик проворно взобрался на печь и тут же спрыгнул обратно на пол. По комнате разнеслось злобное шипение. Из-за шторы показалась недовольная морда кота.

– Пушистый, ну как тебе не стыдно, это место нашего радушного хозяина, чье мясо ты уминал за обе щеки, а ну слезай, – приказал Драчун.

Кот сиганул с печки прямо на стол, едва не опрокинув кувшин с вином. Старик залез на печь и поманил зверя к себе:

– Если будешь себя хорошо вести, прыгай обратно, на двоих места хватит.

Котяра довольно мяукнул и одним прыжком оказался на теплой печи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Питера разбудил громкий крик. Молодой лорд вскочил с лежанки, уставившись на ошалелого Дуболома, стоящего посреди комнаты.

– Волки, чтоб их Шахир побрал, – заорал бешеный во всю луженую глотку. – Давайте быстрее на подмогу, а то всех лошадей загрызут.

Отряд кинулся к дверям. Питер замешкался, отыскивая меч, который кто-то в спешке задел ногой, и оружие отлетело в конец комнаты. Он выбежал из сторожки, застегивая на ходу пояс с ножами.

На поляне выли и скалили зубы никак не меньше двадцати волков. Две окровавленные туши лежали в паре метров от крыльца. Пакостник яростно размахивал клинком, описывая замысловатые круги, пытаясь защититься сразу от трех животных. Один из них прыгнул и тут же упал замертво – голова покатила к озеру и с громким плеском плюхнулась в воду.

Грифона обступили со всех сторон. Однако такое количество врагов его несколько не беспокоило. Один из хищников решил атаковать, но Руби точным ударом пробил клювом оскаленную пасть. Нападение сзади также не принесло успеха – хвост грифона насадил волка аккуратно посередине туловища и отшвырнул его прочь. Гринч достал трубку, и ядовитый дротик угодил в матерого хищника, который подбирался к Руби сбоку. Волки разделились и начали кружить по двое-трое вокруг неожиданно объявившихся людей.

Лошади дико ржали и вставали на дыбы, пытаясь пуститься вскачь. Но от панического бегства животных удерживали веревки, которыми они были привязаны к деревьям. Впрочем, скакунам ничего не угрожало. Хищники сосредоточили все внимание на людях, а лошадей как будто не замечали.

С воинственным кличем на волков бросился Расмус. Он размахнулся боевым топором и ударил особо наглому волчару. Тот повалился со страшной раной в боку. Вудс отмахивался от наседавших на него двух хищников большим мясницким ножом. Волки попались на редкость проворные: пока один пытался подкрасться к нему сзади, другой едва не сомкнул челюсти на запястье, сжимавшем оружие. Если бы не Пушистый, Драчун мог остаться калеккой, а то и вовсе лишиться жизни. Кот бросился с крыши дома на врага, запустив острые когти в морду дикому зверю и выцарапал глаза. Вудс перехватил нож и ловко перерезал горло второму волку.

Батька колотил хищников грозной на вид палицей. Шипастый шар кромсал волчьи тела, вырывая куски мяса. Неожиданно на десятника упал волк и повалил его с ног. Батька принялся душить его руками, но тут вовремя подоспел Дуболом, который раскроил дубиной череп зверя. Удар был настолько силен, что волк отлетел на несколько метров.

На середине моста Лис орудовал двумя саблями, стоя на перилах, широко расставив ноги. Бешеный выбрал такую удобную позицию неслучайно. Хищники в прыжке бросались на воина, где в воздухе их встречала острая сталь, отправляя окровавленные тела на дно озера. В ночи Лис казался факиром из далекого Минада. Он как будто парил над мостом, исполняя смертельный танец с клинками, сверкавшими серебром в свете полной луны.

За домом лесника Весельчак сцепился с вожаком стаи. Волчара попытался достать клыками до горла бешеного, но тот вовремя подставил под раскрытую пасть руку, второй обхватив хищника. Питер увидел борьбу и поспешил на помощь. Вожак почуял опасность и, освободившись от захвата, цапнул Весельчака за бок. Но уйти не успел – Питер ударом меча перерубил волку позвоночник.

Оставшаяся в живых стая пустилась наутек. Волки растворились в ночном лесу, как будто их и не было вовсе. Лишь мертвые тела хищников напоминали о битве, да кровоточащая рана Весельчака.

– Все живы? – прогремел голос десятника. Быстро пересчитав отряд, Батька довольно кивнул. – Дуболом, Лис, Пакостник – на страже, остальные все в дом. Весельчак, ты как?

– Ерунда, жить буду. Так, куснул маленько, и все.

– Варух, есть чем рану обработать? – крикнул Батька забегая в сторожку. Но в доме никого не было.

– Вот дела, похоже старик слинял, – сделал вывод Питер.

– Кто-нибудь видел лесника, когда напали волки? – спросил Батька.

– Я видел, – ответил гном. – Он одного волчару ножом проткнул, а второй следом на него накинудся и...

– Зря он в драку полез, – вздохнул Смоки. – Его бы никто не упрекнул в трусости.

– Сразу видно, старый воин, – пробасил Батька. – Я это понял, когда он свой фокус с ножом показывал. Думаю, старик специально полез в бойню, чтобы умереть, как подобает солдату, а не в одиночестве на холодной постели.

– Я обработаю рану и перевяжу Весельчака, а ты, Батька, дай приказ своим парням, пусть найдут тело лесника, – Драчун вытер пот со лба. – Надо все-таки старого воина в последний путь проводить, как подобает.

– Твоя правда, вудс, – ответил десятник и вышел из хижины.

* * *

Варуха решили не предавать земле, как того требует Кависти. Волки могли вернуться в любой момент и раскопать могилу. Эти вольные жители леса иной раз не брезгают и мертвечиной. Поэтому Бешеные Псы положили тело лесника на печь, прикрыли шкурами, заколотили окна, дверь, и тронулись в путь.

На небе уже забрезжил рассвет, и когда отряд вышел из леса на старый тракт, уже совсем стало светло. После битвы с волками в голову лезли противоречивые мысли. Первым на этот счет высказался Питер:

– Никто не заметил странную особенность в поведении волков?

– Что вы имеете в виду, милорд? – спросил Батька.

– У меня сложилось впечатление, что кто-то четко руководил их действиями.

– Я это сразу понял, – сказал вудс. – Как будто волки нападали по четко отработанной схеме. Разбились на небольшие группы и окружили каждого из нас. По сути, они не давали нам собраться вместе, хотели загрызть по одиночке. Прямо таки не звери, а опытные вояки.

– Неужели все-таки это его проделки? – вслух подумал Питер.

– Ты про колдуна? – поинтересовался гном.

Бернс кивнул.

– Я все-таки думаю, что Дейтмар руководил действиями зверей. Магистр Патиас предупредил, что чародей продал душу Шахиру в обмен на бессмертие и тайные знания. Тогда на площади он подавил мою волю настолько, что я чуть не отдал ему амулет. А с животными фокусы с сознанием, я слышал, проделывать куда проще.

– Милорд, – обратился к Питеру Дуболом. – Если этот колдун такой могущественный, то почему у него ничего не вышло там, на площади?

– Полагаю, что амулет защитил меня от чар Дейтмара. Когда он потерял надо мной контроль, то был просто в бешенстве и напоследок дал понять, что будет постоянно следить за всеми моими передвижениями.

– Но как он узнал, что мы находимся в сторожке лесника? – недоумевал гринч. – Тракт заброшен. За те дни, что мы шли по нему, нам не встретились ни одна живая душа.

– Откуда мне знать, Смоки, – пожал плечами Питер. – Все колдуны, будь то белый или черный, черпают свои силы от природы и подчиняют ее себе. Если он подчинил себе волю волков, то запросто мог отдать приказ любым обитателям чащобы следить за тем, что происходит в округе. Лес от старой дороги всего в десятке метров. Где гарантия, что и сейчас из-за деревьев за нами не следят волчьи глаза?

– Да уж, дела, – покачал головой Весельчак. – Если это так, то у меня теперь с этим колдуном свои счеты. Из-за него я едва не лишился жизни.

– Кстати, как бок? – справился о здоровье друга Лис.

– Немного побаливает, а в целом неплохо.

– А ну-ка покажи, – попросил Пакостник. Весельчак приподнял рубаху. – Эгей, так у тебя кровь через повязку просочилась, видно, хорошо волчара клыками поработал.

– К вечеру сделаем привал, – сказал Питер. – Заодно посмотрим, насколько рана оказалась серьезной.

– Да ерунда, милорд, – отмахнулся Весельчак. – Рана пустяковая. Немного покровит да перестанет.

* * *

– Никто не против зайчатины? – осведомился Драчун, выезжая из леса к отряду с добычей. Однако ему никто не ответил. Пушистый бежал следом за лошадьё вудса.

– Предлагаю чуть отклониться в сторону, – сказал Смоки. – Мы с Руби нашли неподалеку небольшой овраг. С воздуха обследовали местность на несколько миль вперед – вроде все спокойно – ни тебе волков, ни колдунов.

– Вудс тоже спокойное место нашел, а оно вон чем все закончилось, – пробурчал Дуболом.

– Да откуда же я знал, – начал оправдываться Драчун.

– Хватит, Дуболом, вечно ты всем недоволен, – упрекнул того Батька. – Давай, гринч, показывай дорогу.

Идти пришлось недолго. По краям овражка росли кусты и чахлые деревца. Рядом журчал ручей. Батька и Питер расседлали навьюченных лошадей и пустили пощипать траву. Кот припал к воде и принялся лакать.

– Да, – многозначительно сказал Лис, когда снял повязку с Весельчака.

– Что там у него? – крикнул Пакостник разводя костер.

– Странное что-то, – ответил Лис. – Обычно рана начинает гноиться через два-три дня, а тут и суток не прошло.

– Видимо, волчья слюна была ядовитой, – попытался состричь Весельчак.

– Сильно болит? – спросил Расмус, немного надавив пальцем на край раны.

– Сдурел, бородач, – завопил Весельчак, заметно побледнев. – Я тебе что, подопытный в знахарской школе? Еще живой пока.

– Извини, – убрал руку гном. – Ты оказался прав. В волчьей слюне действительно была какая-то зараза. Рана и впрямь сильно загноилась.

– Как бы мне этого не хотелось, все же придется свернуть с намеченного пути, – сказал Питер.

– О чем это вы, милорд? – не понял Весельчак.

– В пятидесяти милях отсюда есть город Монервиль. Остановимся там, нужно показать твою рану лекарю.

– Не стоит из-за меня терять драгоценное время, – запротестовал бешеный. – В пути заживет.

– Это мое последнее слово, Весельчак, – отрезал Питер. – Я не собираюсь с тобой больше спорить. Отряду нужен здоровый воин, а не мертвец.

Костер разгорелся в полную силу. Драчун разделявал заячьи тушки. Пушистый смотрел голодными глазами на мясо, расхаживая вокруг костра и урча в предвкушении пиршества.

– Эй, Смоки, не хочешь мне помочь? – спросил вудс.

– Нет уж, увольте, – гринч посмотрел на тушки и поморщился. – Я же не мясник какой-нибудь.

– Ой, чистоплюй нашелся, – ответил гном, подсаживаясь к вудсу. – Как лопать, так ты у нас всегда в первых рядах, а когда до готовки дело доходит, сразу я – не я, и кобыла не моя.

Гном взял заячью тушку, натер ее солью и нанизал на небольшой вертел. В воздухе запахло жареным мясом. Драчун кинул разделанную тушку Пушистому. Котяра на лету схватил свою законную долю и принялся ее терзать. Разделавшись с зайчатинной, он растянулся у костра и задремал.

– Ну, кто тут самый голодный? – вудс махнул рукой, подзывая товарищей. – Налетай, пока не остыло.

Отряд уселся возле костра и отдал ужину должное.

– Ну ты и кулинар, вудс, – Дуболом облизал жирные пальцы. – Такого вкусного жаркого я давненько не пробовал.

– Это еще что. Я и не такое приготовить могу, – гордо заявил Драчун.

– Значит, решено, ты и будешь кашеварить. Думаю, никто не против? – спросил Лис.

В знак согласия все дружно взревели.

– Давайте укладываться, – Питер вытер руки о платок. – Завтра рано вставать. Батька, я первым на страже постою, не против?

– Что вы, милорд, отдыхайте, мы с ребятами сами управимся.

– Вы дежурили в прошлый раз, теперь наша очередь. Драчун, будь готов, через пару часов тебя разбуду, заступишь в наряд. Смоки, ты следом, а Расмус тебя сменит.

Питер встал и пошел на обход. Все было спокойно. По оврагу гулял слабенький ветерок, играя с пламенем костра. Ручей пел свою вечную журчащую песню. В траве без умолку стрекотали кузнечики и цикады. Все это действовало на Питера умиротворяюще. Он обошел лагерь кругом и сев возле догорающего костерка, подкинул поленьев. Вверх взметнулись языки пламени, во все стороны разлетелись снопы искр.

Молодой лорд пустился в путешествие по воспоминаниям. Он вновь вернулся на городскую площадь, когда произошла неприятная встреча с колдуном. Этот человек нагнал на него страха. Впрочем, его напугал не сам чародей, а исходившая от него темная сила, которую молодой лорд не мог понять.

Питер всегда относился с неприязнью к черным магам. Когда он был еще мальчишкой, то часто гостил у своего дяди в одной из провинций Катерии. Как-то они пошли на ярмарку, где выступали циркачи, акробаты и прочие артисты. Среди них был темный чародей, который показывал магические фокусы. Один из них врезался в память маленькому Бернсу на всю жизнь. Чародей взял курицу и отрубил мясницким ножом ей голову. Кровь брызнула прямо на зрителей. Птица забилась в агонии. Затем он соединил разрубленные части воедино, что-то прошептал, и на удивление зевак голова вновь приросла к шее: вот только с обратной стороны. Тогда, столкнувшись с темным колдовством, Питер испытал одновременно жуткий страх, отвращение и неприязнь. В тот раз на площади его посетили точно такие же чувства. Как будто некая могущественная тварь, пришедшая из мрачных глубин небытия, дотронулась до его души, окутав ее ядовитой слизью.

Питер содрогнулся от отвращения. Во рту пересохло. Он подошел к выюкам, достал флягу с вином и сделал несколько больших глотков.

«Теперь немного лучше», – отметил про себя Бернс и положил флягу обратно.

Пит пошел к лагерю, разбудил гринча, чтобы тот постоял на часах, а сам завернулся в одеяло возле костра и провалился в глубокий сон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Весельчак был совсем плох. Отрешенный взгляд на мертвенно-бледном лице. Его лихорадило, и бешеный с трудом выговаривал слова. За ночь рана стала еще хуже. Кровь сочилась не переставая. Он еле держался в седле и, казалось, в любую минуту мог свалиться с лошади. Батька велел Весельчаку не геройствовать, а пересесть к нему на гнедого, но тот упрямылся, не желая быть обузой. Тогда десятник отдал приказ, и теперь по обе стороны от раненого для подстраховки ехали Лис и Пакостник.

Бешеные гнали лошадей не разбирая дороги. Над отрядом кружил грифон. Смоки направил Руби вниз, и тот завис в паре метров от лошади Питера.

– В трех милях отсюда город, – заорал гринч. – Я вижу его башни.

Питер поднял вверх большой палец в знак того, что услышал и поскакал к Батьке.

– Как он? – прокричал молодой лорд, указывая на Весельчака.

– Я наблюдаю за ним весь путь, пока держится молодцом. Ему хоть и очень паршиво, но он крепкий орешек. Не зря в отряде бешеных его считают одним из лучших бойцов.

– Город уже совсем рядом, вон за теми холмами.

– Ну, тогда уж точно дотянет, – кивнул Батька. – Главное быстро найти лекаря.

– В Монервиле у меня живет близкая родня – сестра матери. У нее особняк в центре города. Пока Весельчак будет отлеживаться, можем воспользоваться тетушкиным гостеприимством. А то она всегда обижается, что любимый племянник ее редко навещает.

– У нас не так уж много времени, милорд, – ответил Батька. – Хотя выбора нет. Придется ждать, когда Весельчак встанет на ноги. Мы не можем уйти без него. Остается только надеяться, что его выздоровление надолго не затянется.

Подъехав к городу, отряд перешел через ров по опущенному мосту и остановился у распахнутых ворот. С каждой стороны стояло по стражнику, вооруженные алебардами.

– Кто вы такие и какова цель вашего визита в Монервиль? – пробасил один из них.

– Я Питер Бернс, граф Лентийский. А это, – он обвел рукой всю пеструю компанию, – мои люди.

– Простите, милорд, у нас приказ, военных сюда без пропуска не пускать, – второй стражник сделал два шага вперед и преградил путь в город. – А тем более еще с летающими тварями, которые распугают все население.

– А с каких это пор Бешеных Псов не пускают в города Катерии, – прогромыхал Дуболом, потрясая дубиной. – Лично мне не нужен никакой пропуск, чтобы войти. Совсем страх потеряли?

Только тут стражники обратили внимание, что у пятерки воинов на рукавах повязаны красные ленты с изображением черного орла – символ «Бешеных Псов». Один из солдат заискивающим тоном произнес:

– Парни, не серчайте, сейчас во всем разберемся. А ну, Ронат, сгоняй в караулку за дежурным лейтенантом, видишь, дело важное.

Ронат кивнул и во весь дух припустил за командиром. Его напарник сделал безразличный вид, но глаза выдавали играющее в них любопытство – не каждый день увидишь бешеных, которых сопровождают гном, вудс, гринч да еще и с грифоном впридачу. На последнем стражник задержал взгляд. Он отродясь не видывал этих тварей, которые жили высоко в горах. Смоки заметил, что его птичку бесцеремонно разглядывают, и показал солдату язык. Стражник вздрогнул от такой бесцеремонности и отвел взгляд. Гринч ухмыльнулся, достал из сумы трубку, набил ее табачком и принялся раскуривать.

Время шло, а лейтенант все не объявлялся.

– Ну что, почтенный, – обратился Батька к стражнику. – Долго нам еще ждать вашего командира. У нас здесь раненый, и если он умрет, я лично сдеру с тебя шкуру.

Стражник заметно побледнел, руки слегка тряслись. Казалось, если прозвучит еще одна угроза в его адрес, он выронит алебарду и грохнетя в обморок.

Такая реакция была вовсе не удивительной. Свое прозвище бешеные получили не с потолка. В бою они превращались в настоящих берсерков, не ведающих страха безумцев. Поэтому псов побаивались как напыщенные гвардейцы короля, так и городская стража. На счастье в воротах показался дежурный офицер, и стражник с облегчением выдохнул.

– Лейтенант Габриэль Латунис, – представился тот. – Чем могу служить?

– Офицер, – обратился Питер. – Я граф Лентийский. У нас спешное дело в Монервиле. Наш товарищ серьезно ранен, и ему нужна помощь, а стража не желает пропускать, ссылаясь на какой-то приказ.

– Милорд, это приказ главы городского Совета. Вчера ночью в город тайком пробрались шпионы Ренина и напали на дворец наместника Бонниты. Поэтому у меня четкий приказ не пропускать вооруженных людей в город.

– Даже если некоторые имеют на рукавах красные повязки? – взревел Батька.

Лейтенант сглотнул, но остался твердым приказу:

– Даже так. Без соответствующего пропуска или верительной грамоты вы в город пройдите только через мой труп.

– Держите, – Питер протянул гвардейцу бумагу.

– Что это? – спросил офицер, беря документ в руки.

– Это наш пропуск в любой город Катерии, лично заверенный его Величеством Родериком Пятым. Внизу подпись короля и печать. А теперь прочь с дороги, иначе клянусь Тогом, я лично сделаю из вас мертвеца, если наш друг не успеет к лекарю.

Лейтенант отшатнулся и закричал:

– Пропустите их, олухи. И впредь у приезжих спрашивайте документы, а не беспокойте своего командира по пустякам.

На городских улицах было полно народа. Люди занимались своими обычными делами: торговцы зазывали в лавки, менялы предлагали свои услуги, напротив административных зданий мальчишки – чистильщики обуви – обслуживали мелких чиновников. Городская стража изнывала от полуденного весеннего солнца и безучастно наблюдала за всем происходящим со стороны. Но стоило появиться отряду, как вся деятельность тут же прекратилась, и взгляды горожан уже не отрывались от пестрой компании. Особое внимание, конечно же, было уделено грифону. Редко кто из горожан видывал этого диковинного зверя, и уж тем более, никто не слышал, чтобы из него можно было сделать ездовую лошадь.

Весельчак сидел на одном гнедом вместе с Лисом. Бешеный был настолько слаб, что время от времени терял сознание, и если бы не поддержка товарища, то давно свалился бы на мостовую.

Отряд шел по одной из главных улиц к центру Монервиля. Чем дальше они удалялись от городских ворот, тем богаче были дома. Не дойдя пару кварталов до главной площади, они свернули в широкий цветущий переулок. По обеим сторонам расположились шикарные виллы, утопающие в зелени. В конце переулочка, немного в отдалении от домов Монервильской знати, стоял огромный особняк.

– Ну вот и добрались, – выдохнул Питер. – Лис, как раненый?

– Паршиво. Его по-прежнему лихорадит. Срочно нужен лекарь.

Отряд подъехал к особняку. Вилла была огорожена двухметровым каменным забором. На его вершине, через каждые 20—30 сантиметров, высились металлические кольца – защита от грабителей и других непрошенных визитеров. Питер соскочил с лошади и забарабанил по широкой двери, которая практически сразу отворилась. На путников глядело изумленное старческое лицо. В руке пожилой человек сжимал большие садовые ножницы.

– Ваша милость?! – воскликнул старик, не веря собственным глазам. – Неужели это вы? А я уж думал, что умру, так и не увидев вас. Как же давно вы не были у нас в гостях.

– Старый Масс, – молодой лорд обнял садовника, похлопав рукой по спине. – Ты еще всех нас переживешь. Я очень рад тебя видеть.

– Проходите, тетушка будет рада гостям, – садовник был удивлен товарищам Пита, но виду не показал. – С тех пор, как умер ее супруг, почтенный Райнис, она редко куда выходит.

– Питер, мой мальчик, – леди Фелиция, спустилась с крыльца, подбежала к племяннику и расцеловала его. – Как ты вырос, стал настоящим мужчиной. Я так думаю, это не просто визит вежливости. Что привело тебя в Монервиль?

– Тетушка Фелиция, ты, как всегда, прекрасно выглядишь, – Питер сделал пожилой даме комплимент. – Только позволь, я отвечу на все вопросы позже. Нам срочно нужна помощь. Среди нас есть раненый. Не могла бы ты послать кого-нибудь из слуг за лекарем?

– Сарун, голубчик, – графиня подозвала прятавшегося в темноте дверного проема дворцового. – Быстро беги к почтенному Михелю и скажи, что здесь очень нуждаются в его услугах. Да пошевеливайся, бездельник. Господа, а вы берите раненого и несите его на второй этаж, Нара вас проводит.

Лис и Пакостник взяли больного товарища под руки и пошли вслед за горничной в особняк. С Весельчака сняли одежду и уложили на широченную кровать с балдахином. Нара принесла воды и омыла лицо воина.

– Я сегодня уже умывался, – пошутил Весельчак и закашлялся. – Лучше дай попить, красавица.

Пока бешеный утолял жажду, в комнату вошел Михель. Лекарь сел на стул рядом с кроватью, осмотрел больного и обработал раны какой-то мутной жидкостью. Весельчак поморщился от боли. В дверях стояли Батька и Питер. Остальные воины толпились в коридоре.

– Господин Михель, как он? – поинтересовался Питер.

– Раны неглубокие и при должном лечении затянутся быстро. – Меня смущает сильное нагноение. Вы уверены, что его ранили всего пару дней назад?

Получив утвердительный ответ, лекарь задумался.

– Жизни и здоровью вашего товарища ничего не угрожает, – сказал Михель. – Конечно, промедли вы еще немного, и возможно, никакое лечение ему бы не помогло. А так я думаю, уже совсем скоро он встанет на ноги. Вы, как я понимаю, за главных? – Питер и Батька кивнули. – Значит так, я сейчас выпишу рецепт. В нескольких кварталах отсюда, на углу Жуковской улицы и Сиреневого проезда, есть аптека. Там вы купите все необходимые лекарства для вашего друга. Утром гноящиеся раны нужно присыпать порошком из корневищ аира болотного. В обед сделать компресс из отвара хвоща. А на ночь обработать язвочки мазью из семян коровяка и сливочного масла, наложив повязку. Перед каждой процедурой необходимо промывать раны крепкой чайной заваркой. Еще у больного наблюдается сильный жар и высокая температура. Давайте ему пить отвар шиповника, а также теплую воду с лимоном и медом. Четко следуйте моим предписанием, а я послезавтра зайду проведать больного.

* * *

Пройтись до аптеки, а заодно немного осмотреть город вместе с Питером вызвались Смоки, Драчун и Расмус. Пушистый было увязался следом, однако вудс велел коту оставаться в поместье. Тот в знак глубочайшего презрения поднял хвост и горделивой походкой направился к особняку. Руби лежал на лужайке, расправив крылья и грелся на солнышке, издавая

довольный клекот. Бешеные решили прогуляться до ближайшей таверны, оставив Весельчака на попечении Дуболома.

Питер не был в Монервиле уже несколько лет. Шагая по улицам, он отметил, что город сильно изменился. В прошлый свой визит к родственникам матери, он застал Монервиль мрачным и убогим. На дорогах повсюду валялся мусор, муниципальные здания требовали капитального ремонта, а нищие и калеки буквально наводнили город. Вечером на улицу выходить было вообще опасно – чуть ли не за каждым переулком мог прятаться грабитель.

Впрочем, самые опасные преступники были в администрации Монервиля, Совете Десяти и городской страже. Но главным коррупционером города слыл сам наместник – Януш, прозванный в народе Жадным. Он не стеснялся брать взятки и обворовывать городскую казну. Ему платили все: начиная с Гильдии Ремесленников и заканчивая Кланом Воров. Дело дошло до того, что он начал обирать городских попрошаек. Деньги, которые выделялись из королевской казны на благоустройство города, оседали в карманах Януша. Король прознал про все делишки монервильского наместника и казнил того без суда прямо у ворот ратуши на глазах у горожан. А чтобы другим не повадно было воровать, повесили еще казначея, капитана городской стражи, советника по гражданским делам и еще с десятков государственных служащих. На место Януша поставили нового наместника – троюродного брата кузины короля. Тот сразу начал наводить порядок в городе. Повысил втрое жалованье стражникам, которые от счастья разогнали всю преступность, вытеснив отбросы криминального мира за городские окраины. Город начал потихоньку благоустраиваться. На улицах разбили цветники, высадили деревья и кустарники, отремонтировали здания и дороги. Вскоре Монервиль стали называть не иначе как «Жемчужина Катерии».

Друзья как раз проходили мимо городской ратуши, над которой развевался флаг с изображением липы на желтом фоне – символом богатства и процветания. Рядом с административным зданием стояла виселица. Тут же собралась компания подростков – молодежь внимала речам пожилого человека в профессорской мантии. Преподаватель частной монервильской школы рассказывал историю казни Януша Жадного и его приспешников.

– На этой, что ли, виселице вздернули того самого наместника? – поинтересовался Смоки.

– Ага, на ней родимой, – ответил Питер.

– А чего не убрали-то? – Расмус почесал бороду, в задумчивости уставившись на орудие смерти.

– Видимо, в знак назидания потомкам, – улыбнулся Драчун. – Чтоб другим неповадно было. И если ты, Смоки, не перестанешь вести аморальный образ жизни, то такая участь может постигнуть и тебя.

– Замолкни, зануда, – гринч скорчил рожицу.

Миновав городскую площадь, Смоки зашептал что-то на ухо Питеру. Тот тихо рассмеялся и покачал головой. Гринч сложил ладони и умоляюще посмотрел на друга.

– Ладно, – сдался молодой лорд. – Пойдешь прямо по этой улице и завернешь направо. Увидишь памятник освободителям Монервиля, и через пару кварталов будет тебе счастье. Только чтобы вернулся дотемна. А то бегай потом ищи тебя неизвестно где. Дорогу к особняку найдешь?

Смоки кивнул, расплылся в улыбке и помчался в указанном Питером направлении.

– Что это у вас за секреты, – буркнул гном. – И куда этот паршивец, как ошпаренный, помчался?

– Ну ты что, Смоки не знаешь, – ответил Питер. – Приспичило ему в большом городе налево сходить.

– Главное, чтобы ни в какую переделку не попал, – сказал Драчун. – А то он вечно из-за баб во что-нибудь вляпывается.

– Это точно, – подтвердил Питер. – В последний раз, когда этот речной ловелас гостил в замке, то имел наглость переспать с моей кухней. Та, между прочим, была обручена с одним влиятельным герцогом. Смоки подвыпил и давай трепаться слугам о своей победе на любовном фронте. Ну а тех хлебом не корми, растрезвонили об этом на всю округу. Мой отец чуть дух из гринча не вышиб – гонялся за ним по всему замку с мечом. Дело, конечно, уладили. Герцогу пришлось наврать с три короба, что это местный юродивый, которого на день приютили в замке, и принесли жениху свои извинения. Тот извинения принял, но помолвку все же расторгнул. Так что Смоки в своих любовных приключениях может таких бед натворить, что не обрадуешься.

– Когда-нибудь гринч все же доиграется, – засмеялся Расмус. – Оторвет ему какой-нибудь ревнивец его кочерыжку.

* * *

Перед тем как выйти из особняка, Батка приказал своим людям снять с рукавов красные ленты, решив, что ни к чему привлекать лишнее внимание горожан. К тому же так было проще затеряться в толпе. Кроме знаков отличия, пришлось оставить и оружие. В Монервиле расхаживать с мечами могла только городская стража. Дворянам закон разрешал носить короткие кинжалы. А голытьбе так и вообще не позволялось таскать с собой какое-либо острие.

Лис долго ворчал и ни за что не хотел расставаться с саблями. Только после грозного предупреждения Батки бешеный с явным недовольством оставил оружие в доме.

Выйдя из особняка, они отправились на поиски приличного питейного заведения.

– Не пойму я что-то этот заштатный городишко, – недовольно пробурчал Лис. – Пропедали уже целый квартал, а ни одного кабака так на глаза и не попалось. – Здесь что, проживают одни трезвенники?

– А чего ты хотел, – ухмыльнулся Пакостник. – Здесь приличный район, в котором живут богатые горожане. Им тут трактиры без надобности. У них в погребах свои кабаки – бочки с дорогушим выдержанным вином.

– Скоро должны выйти к купеческому кварталу, – Батька указал рукой направление. – Милорд говорил, что там есть парочка неплохих трактиров, где подают приличное винцо.

– Я бы от пива не отказался, – Лис заметно оживился. – Не люблю вино. Это пойло для всяких графьев и баронов. А настоящий мужик должен глушить пиво, ну или на худой конец сивку.

– А я хоть рылом не вышел в графья, испить хорошего винца не прочь, – ответил Пакостник. – От самогона дурной становлюсь.

– Ну это смотря кто еще сивку гонит, – не согласился Лис. – Я вам так скажу. В Эстраде так ее вообще варить не умеют – вонючая, мутная и противная. С ихнего самогона с утра так голова трещит, что хоть сразу ее клади палачу на плаху. А вот в деревнях совсем другое дело. Там варят не на продажу, а для себя. Самогон чистый, что слеза младенца. Да и пьется легко, будто не сивку глушишь, а водицу из родника. А ты, Батька, что предпочитаешь?

– Да ничем не побрезгую, – осклабился десятник. – Хотя есть у меня один любимый напиток. Медовуха называется. Его делают у меня на родине. В мед добавляют воду, шишки, хмель и дрожжи. Сусло ставят в теплое место, где оно и бродит несколько дней. Потом процеживают, и пойло готово. Напиток по крепости едва превосходит пиво, но с ног медведя свалит.

– А вон и кабак, – Лис потер руки в предвкушении чем-нибудь промочить горло. – Что, заглянем?

– Ну, давай, посмотрим, чем там они народ травят, – ответил Батька и направился к таверне.

Пакостник с силой пнул по двери ногой. Та распахнулась и с грохотом ударилась о стену. Посетители повернули головы и в полнейшем недоумении уставились на вошедших.

– Мда, промашка вышла, – шепнул Батька товарищам.

Трактир, куда вошли бешеные, оказался не для простых монервильцев. Здесь собрались представители городской элиты. По одежде можно легко было определить, к какому сословию относится человек. В основном за столиками с накрахмаленными скатертями сидело купечество и мелкое дворянство. В углу расположились два офицера стражи. На балконных ложах, взирая на вошедших, перешептывались несколько молоденьких дамочек со своими напмаженными кавалерами.

– Почтенные, – обратился к бешеным трактирщик, стоящий за стойкой и вытирающий белоснежной салфеткой бокалы. – Моя таверна – самое приличное заведение в городе. Ее посещают сплошь уважаемые люди. Вы, я вижу, к таким не относитесь, иначе бы не стали открывать дверь с ноги. А посему я прошу вас покинуть это место.

От такой наглости бешеные даже не нашлись, что ответить. Первым из ступора вышел Лис и вытащил нож:

– Ты как разговариваешь, свинья?

– А ну спрячь, – рявкнул на товарища Батька и шепотом добавил, – в зале офицеры и знать. Хочешь, чтобы нас в темницу побросали, как самых захудалых преступников?

– Мы, видимо, ошиблись адресом, – извиняющимся тоном обратился к трактирщику Пакостник и направился к двери.

– Вот тебе за дверь и доставленные неудобства, – Батька кинул дукат трактирщику. Тот поймал серебряную монету, попробовал на зуб и быстро спрятал в карман фартука.

Бешеные вышли на улицу. Лицо Лиса было багровым от злости. У Пакостника остервенело дергался глаз. Один лишь десятник был спокоен, как ни в чем не бывало.

– Батька, а ты чего лыбишься-то? – спросил Лис, пытаясь совладать с собой.

– А я эту гниду пузатую проучил, вот и доволен.

– Тем, что целый серебряный с дуру отдал, – съязвил Пакостник. – На него можно было весь вечер винцо хлебать, да еще и на хорошую закуску осталось бы.

– А ты его рожу видел в тот момент, когда он дукат на зуб пробовал? – спросил Батька. – Он же понял, что лишился посетителей с деньгами, хоть мы и выглядели в его глазах как городское быдло. Знаешь, как он локти будет грызть. Эти баронские сынки по бокальчику закажут да отвалят. Какие тут с них барыши. Они ж от рождения все скупердяи. А мы могли сделать заведению неплохую прибыль.

– Ладно, чего разглагольствовать, пошли нормальный кабак искать, – поторопил друзей Пакостник. – А то уже скоро смеркаться начнет, а у нас еще в животе не булькает.

– Только пойдем подальше отсюда, в кварталы победнее, а то если нас еще раз попросят убраться, клянусь Тогом, я за себя не отвечаю, – пробурчал Лис.

Миновав пару кварталов и оставив позади богатые виллы, друзья оказались в районе, где селились горожане с небольшим достатком. Каменные домики мелких торговцев соседствовали с деревянными хибарами ремесленников. Пройдя мастерскую кожевников, они увидели приземистый трактирчик. В сгущающихся сумерках бешеные едва разглядели вывеску питейного заведения, на которой корявыми буквами было написано – «Пьяная лошадь».

– Уж теперь я точно упьюсь как конь, – хихикнул Пакостник.

Батька смерил товарища взглядом, но ничего не сказал. На этот раз Лис решил не прибегать к грубой силе, а толкнул дверь рукой. В трактире царил полумрак. Факелы по углам больше чадили, чем освещали помещение. Большинство столов были заняты. На грубо сколоченных скамьях сидела голытьба. В основном работяги, сводившие концы с концами, но присутствовали в зале и явные бандиты, судя по наружности. Из посетителей на вошедших никто не обратил внимания. Трактирщик махнул рукой службе, чтобы тот проводил гостей к свободному столику. Бешеные сделали заказ. Через несколько минут служка приволок на подносе половину жареного барашка и три кувшина с пивом.

– Неплохое пиво, – сказал Батка, вытирая пену с усов.

– Ага, – поддакнул Лис. – А вот мясо жестковато, у меня уже челюсть болит от жевания.

– А ты кусками глотай, – засмеялся Пакостник. – У тебя желудок, что мельница – все перемелет.

– Ты давай жуй, а то...

– Вот это я вас уделал, – заорал кто-то в дальнем углу зала. – А ну-ка сбросились мне на карман по три динара.

За столом сидело пятеро прощелыг – на вид отъявленные бандиты, и играли в кости.

– Ба, да тут и мне есть чем поживиться, – обрадовался Лис. – Пойду я, потрясу с них деньжата.

– Лучше не суйся, – посоветовал Батка. – Не нравятся мне эти ребята. Сейчас допьем, да обратно надо идти.

– Я быстро, – пообещал Лис. – Не успеете и глазом моргнуть, как я вернусь с полным кошельком.

Друзья махнули рукой и наполнили кружки пивом.

– Эй, мальчики, поразвлекся не желаете? – к столу подошла толстая размалеванная девка и бесцеремонно уселась на колени к Пакостнику.

– Ух, – выдохнул бешеный, – ты, я смотрю, девочка в теле. – Слезла бы с меня, а то еще раздавишь.

– Фи, мужлан, – трактирная девка встала и, завиляв широченными бедрами, направилась к соседнему столику.

– Коротышка, ты чего мухлюешь? – послышался гневный возглас одного из игроков.

– Да ты что, дружище, – Лис сделал невинную физиономию.

Бешеные повернулись к тому столу, где играли в кости.

– Да, точно мухлюет, я видел, как он пальцем кость перевернул, чтобы три шестерки вышло.

– Давай-ка этому кидале пальцы отрежем, чтоб больше жульничать неповадно было, – предложил один громила. Он выхватил из-за пояса огромный тесак и прижал ладонь с растопыренными пальцами Лиса к краю стола. Бешеный быстро освободил руку, резко выбил нож и, ухватив здоровяка за кисть, сломал ему два пальца. Громила взревел. Кто-то из его приятелей повалил стол, и компания начала теснить Лиса к стене.

– Ух, и люблю я трактирные разборки, – Пакостник вскочил из-за своего стола и бросился на подмогу к товарищу.

Посетители отбежали к стойке, чтобы понаблюдать за дракой со стороны.

Пакостник подсек одного из обидчиков Лиса ногой, одновременно выкрутив кисть. Нож упал на пол, и бешеный отшвырнул его в сторону. В этот момент Батька бросил полупустой кувшин с пивом в бандита. Противник упал на колени, схватившись за окровавленный затылок. Оставшиеся разделились. Один размахивал ножом перед физиономией Лиса, двое других бросились на Батьку и Пакостника. Лис в очередной раз увернулся от удара ножом и ребром ладони двинул бандюгана по шее. Тот потерял сознание и повалился на пол. Тем временем Батька поднял лавку и бросил ее в приближавшихся недругов. Один из них успел отскочить в сторону и метнул нож в Пакостника. Лезвие вошло в деревянную балку, всего в каких-то паре сантиметрах от бешеного. Второму нападавшему лавка угодила прямо в грудь. От удара тот повалился на Лиса. Бешеный не растерялся, он приподнял голову противника и ударил мордой о дощатый пол. Батька было хотел схватить оставшегося недруга за горло. Однако тот смекнул, что битва проиграна и сиганул в окно.

– Что, доигрался? – недобро сверкнул глазами десятник в сторону Лиса. – Предупреждал же тебя. Убираемся отсюда.

– Уважаемые, а кто мне заплатит за неудобства, – подал голос трактирщик. – Вы половину мебели разбили, а она, знаете ли, стоит недешево.

Лис подошел к сидевшему в углу громиле со сломанными пальцами и сорвав с пояса кошель, бросил его трактирщику. – Держи, думаю, здесь хватит, чтобы утешить твое горе.

– Делаем ноги, пока стража не нагрязнула, – сказал Пакостник, и друзья поспешили выйти из таверны.

Во дворе уже было темно. Фонари хоть и освещали улицу, все же не давали достаточно света. Те ориентиры, которые друзья запомнили днем, тщательно скрыла ночь. Бешеным пришлось потратить три часа, чтобы найти особняк. Несколько раз они сворачивали не в тот переулок и петляли по незнакомым местам.

– Кому не спиться в ночь глухую? – насмешливый голос донесся откуда-то из темноты.

Лис от неожиданности вздрогнул. Пакостник огляделся по сторонам, но никого не увидел. Батька вытащил кинжал и с вызовом крикнул незнакомцу:

– Ну раз ты такой смелый, выходи, заодно и посмотрим, какого цвета у тебя кишки.

– Ночью ты вряд ли разглядишь все оттенки моих внутренностей, – засмеялся невидимый собеседник и вышел из тени.

– Тьфу ты, гринч, чтоб тебя мухи засидели, – сплюнул Батька и засунул кинжал обратно за пояс. – Кого Шахира ты тут болтаешься?

– Да вот, возвращался кое-откуда и услышал знакомые голоса, – ответил Смоки. – А вы чего тут шарахаетесь в потемках?

– Засиделись в трактире и заплутали немного, – ответил Пакостник.

– Тогда пошли, наш особнячок как раз вон за теми домами. Через десять минут будем уже дома.

А дома все были на взводе. Питер был зол на гринча, который ушел в дом терпимости еще днем и до сих пор не объявился. Дуболом нервно мерил шагами комнату и хотел уж было отправляться на поиски загулявших товарищей, как вся честная компания ввалилась в гостиную.

– Смотрите, кого я привел, – довольно объявил Смоки. – Без меня эта троица блудила бы по всему Монервилю до рассвета, не подозревая, что вилла находится всего в двух шагах от их носа.

– Где тебя носит, старый развратник, – разбушевался Питер. – Я уже начинаю жалеть, что взял тебя с собой. Смоки, какого Шахира ты пропадаешь столько времени?

– Прости, Пит, – гринч понуро опустил голову. – Если бы ты видел, сколько там красивых девиц, ты бы меня понял. Я просто не мог позволить себе уйти, осчастливив лишь одну из всего гарема.

– Разрази меня гром, – Питер вытаращил на гринча глаза. – Я всегда знал, что ты не в меру любвеобилен, но не настолько же. У тебя что, было длительное воздержание? Ладно, Смоки, больше никаких хождений по блудливым девкам. Иначе я лично спущу с тебя шкуру.

– Ну, а вы где шатались? – взревел Дуболом. – Мы с милордом уж и не знали, куда вас идти искать.

– Извини, старина, – ответил за всех десятник. – Засиделись немного в трактире, да за временем не уследили. Как там Весельчак?

– Спит как младенец, – ответил Питер. – Тетушка Фелиция обработала раны, наложила повязку и напоила его целебным отваром. Жар спал, дыхание ровное. Думаю, что через пару дней будет как огурчик.

– Слава Тогу, – выдохнул Лис.

– У нас есть кое-какие новости, – откашлялся Питер. – Когда большинство из нас отлучилось, в особняк пожаловали гости. Приходил посыльный от наместника с официальным приглашением. Видимо, ему доложили, что в город прибыл странный отряд, да еще выполняющий королевскую миссию. По такому случаю нас всех зовут на торжественный прием в резиденцию градоначальника завтра вечером.

– Ну а чего ты такой кислый? – глядя на Питера скривился Смоки. – Радоваться надо. Халявная выпивка и девки.

– У тебя и так чуть ли не каждый день пойло и бабы, – сделал верное замечание гном.

– Не знаю, – ответил Питер. – Не нравится мне все это. Хотели проделать весь путь инкогнито, а тут уже весь город шепчется о нашей компании и строит догадки о цели путешествия. К тому же мы лично незнакомы с наместником, с чего бы такая вежливость?

– Оставь все сомнения на этот счет, – гринч был доволен как никогда. – В этот городишко не часто заходят такие знаменитые личности, как мы. Лично я ни за что не пропущу такое увеселительное мероприятие.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

– Я не стану надевать это, – Дуболом с презрением оглядел свой новый наряд. – Панталоны и сюртук пусть носят придворные щеголи. А я воин, и моя одежда – льняная рубаха, штаны, куртка из бычьей кожи да сапоги.

– Я сам хоть и дворянин, но привык к простой одежде, – поддержал Питер бешеного. – Но мы идем на торжественный прием, который, между прочим, организован в нашу честь. К тому же мы – люди короля, и нам не подобает выглядеть как неотесанные мужланы.

– Смирись, Дуболом, – Батяка примерял панталоны. – Мне тоже не нравится, что я буду выглядеть как разряженный павлин, но того требует этикет.

– Может, я лучше останусь в особняке и пригляжу за Весельчаком? – с надеждой спросил Дуболом.

– Нет, – отрезал десятник. – Сегодня с Весельчаком остается гном. Ему повезло больше – на его маленький рост размеров не нашлось. Так что сделай милость, заткнись и напяливай свой костюм. Через час мы должны быть у наместника.

Дуболом вздохнул и начал натягивать панталоны.

В другой комнате перед огромным зеркалом крутился Смоки. Питер вошел и скептически оглядел друга.

– Ну до чего же я хорош, – любовался собой гринч. – Как ты думаешь, Пит, я смогу уложить в постель дочку наместника? Говорят, она просто красotka.

– Только попробуй к ней приблизиться, – предупредил Питер. – Не хватало еще чтобы из-за твоего баловства нас всех повесили на городской площади.

– А почему это нас всех? – Драчун в сюртуке выглядел нелепо. – Там всего лишь одна виселица, как раз для Смоки.

Вдруг особняк огласил отчаянный рев. Крик доносился из соседней комнаты. Питер выскочил в коридор. Навстречу ему на всех парах неся Пакостник, убегая от разъяренного Дуболома. Бешеный, что есть силы, врезался в молодого лорда и, сбив его с ног, повалился сам. Дуболом издал радостный вопль победителя и всем недюжинным весом упал на товарища. Воины катались по полу, стараясь отвесить друг другу как можно больше тумачков и затрещин.

– А ну придурки, живо встали на ноги, – в гневе закричал Батяка, и его голос эхом прокатился по коридору.

Камзол Дуболома порвался в нескольких местах, а панталоны Пакостника разошлись по швам. Бешеные стояли, опустив головы.

– Что мне теперь с вами делать? – продолжил гневаться Батька, уперев руки в бока. – Вас в таком виде теперь на порог не пустят. Срамота! Остаетесь здесь и присмотрите за Весельчаком. И ни дай вам Тог еще что-нибудь учинить, даю слово – живо с позором вылетите из отряда.

– Что происходит? – леди Фелиция испуганно выглядывала из-за угла коридора.

– Простите, графиня. Просто один из наших товарищей панически боится крыс. Вот он и выбежал с криками из комнаты, – десятник указал на Дуболома.

Бешеный хотел было возразить, что он этим самым крысам голыми руками головы отрывал, но, увидев хмурое лицо Батьки, прикусил язык. Пакостник довольно ослабился. Это он нашел во дворе дохлую крысу, которую поймал Пушистый, и засунул ее в карман камзола Дуболома.

– Вот уж никогда бы не подумала, что воин испытывает панический страх перед грызунами, – тетушка Фелиция в недоумении покачала головой и пошла вниз.

– Гном, – обратился к бородачу Батька. – Ты за старшего. Присмотри за этими олухами, чтобы ничего не натворили. Если что, дай им хорошего пинка, чтобы не ерепенились.

– Это я могу, – улыбнулся в бороду Расмус. – Если что, получат сапогом так, что сидеть долго не смогут. Когда вас ждать?

– Я думаю, под утро, – ответил Питер. – Такие приемы быстро не заканчиваются. Так, кто еще не готов – поторапливайтесь, через полчаса за нами пришлют почетный эскорт.

* * *

Вилла наместника Бонниты располагалась в самом богатом районе Монервиля – «Утренняя Звезда». Здесь жили исключительно сливки общества. Возле его дома не было свободного места от карет и экипажей. Возницы придерживали лошадей, пока слуги помогали своим властительным хозяевам спуститься с подножек.

Экипажу, в котором ехали Питер и его друзья, пришлось остановиться чуть ли не за полквартала. Кучер в который раз извинился за причиненные неудобства, поминая при этом Шахира. Когда он в очередной раз открыл рот, Пит не выдержал жалостливого словоблудия и кинул тому дукат. Возница ловко поймал серебряный и расплылся в улыбке. Дождавшись, когда все выйдут из экипажа, Питер направился в сторону дома. Возле виллы их встретил советник Бонниты и дал знак следовать за ним.

Огромные дверные створки, ведущие в особняк, были распахнуты настежь. Оттуда лился яркий свет, и доносилась приятная музыка. По обеим сторонам стояли стражники Монервиля в алых плащах, накинутах поверх черных парадных мундиров с позолоченными пуговицами, и обыскивали вошедших.

– Прошу покорнейше простить за эту неприятную процедуру, но в связи с последними событиями..., – советник откашлялся. – Эти гнусные ренинские шпионы чуть не прикончили господина Бонниту.

Питер кивнул в знак того, что ничего не имеет против обыска. Все оружие они оставили в особняке, даже пояс со звездами и метательными ножами, с которым Драчун никогда не расставался, пришлось снять. Однако в голенищах сапог у каждого было припрятано по небольшому ножу. Питер по совету тетушки Фелиции даже оставил амулет, так как в дом наместника строго воспрещалось проносить с собой обереги и другие колдовские побрякушки. Особняк Бонниты был окружен магическим полем, которое реагировало на любое проявление волшебства оглушительным звоном.

После обыска Питер с друзьями прошли по небольшому коридору и попали в огромную залу. Ее пол устлала пиреянские ковры. Ступая по ним, у гостей создавалось ощущение, будто нога утопает в воздушном облаке. Один такой ковер стоил столько, что можно было безбедно жить целых полгода, посещая самые дорогие таверны и лавки Монервиля. Питер насчитал порядка двадцати таких ковров. Высоко над головой покачивались огромные люстры с серебряными подсвечниками, украшенные вычурными фигурками из розового, дымчатого, фиолетового, и с зеленым отливом хрусталя. От такого великолепия красок зала мерцала всеми цветами радуги. По углам журчали фонтаны, выполненные в виде скульптурных композиций из гранита. Столы ломились от яств, а вино лилось рекой. Слуги сновали между гостями, предлагая заморские вина и сладости.

От нарядов приглашенных рябило в глазах. Знать Монервиля всегда одевалась безвкусно. Ярко-зеленый цвет резко переходил в оранжевый, который в свою очередь соседствовал с лиловым. От мужчин несло духами похлеще, чем от их спутниц, а пудры и румян на лица не жалели ни те, ни другие. Питер, хоть и сам был знатного рода, но даже для него такая мода была неприемлемой. Драчун явно был не в своей тарелке и постоянно дергал шеей – верный признак нервозности вудса. Батка с омерзением поглядывал на весь этот балаган. Один только Смоки чувствовал себя как дома. Он как ни в чем не бывало схватил бокал с игристым вином с подноса у пробежавшего мимо слуги, и улыбнулся дамам, которые с интересом поглядывали на гринча.

– Кончай лыбиться, – прошептал Питер. – А не то их ревнивые мужья тебе уши отрежут.

– Эти провонявшие бабскими духами неженки только и могут, что вздыхать над платками да гнутья в реверансах, – ухмыльнулся гринч. – Куда им тягаться с великим Смоки.

– Нью и хфастун ты, – Лис набил полный рот пирожных.

– Тихо вы, – приструнил друзей Питер. – Если не ошибаюсь, к нам направляется сам господин Боннита. Лис, дожевывай быстрее свое лакомство, а ты, Драчун, сделай взгляд подобнее, мы должны произвести на наместника хорошее впечатление.

Боннита был низенький лысоватый мужчина средних лет с приветливой улыбкой. Однако цепкие и холодные глаза говорили о его жестокой натуре.

– А вот и те, о ком судачит весь город, – наместник остановил свой взгляд на гринче и вудсе, а затем обратился к Бернсу. – Граф Лентийский? Мое почтение. Рад видеть вас у себя дома. Кстати, мне доложили, что вместе с вами путешествует еще и гном. Что-то я не вижу здесь никакого коротышку с кривыми ножками.

– Он остался в особняке у моих родственников приглядывать за нашим раненым другом, – растерянно ответил Питер. Молодой лорд не ожидал такой бестактности со стороны чиновника столь высокого ранга в отношении своего боевого товарища.

– Очень жаль, – градоначальник сделал такой вид, словно проиграл в споре тысячу пистолет. – Хотя гринч и вудс тоже сгодятся. Все-таки не часто увидишь в цивилизованном обществе диких обитателей лесов и рек.

– Господин наместник, я не вполне понимаю, – начал было возмущаться гринч, который явно оскорбился тем, что его называли дикарем.

– О мой болотный друг, я не хотел вас ничем оскорбить, – Боннита сложил ладони в знак примирения. – Поймите меня правильно. Думаю, вы заметили, что я отличаюсь от всех этих ражженных павлинов, которые строго блюдут правила этикета и считают себя чуть ли не богами. Поэтому недоумение на их благородных физиономиях и гнусные шепотки за моей спиной доставляет мне немалую радость. А вы как раз выступаете неким катализатором. Они ставят себя выше других, а тут им приходится стоять на одной ступени, по их мнению, с существами низшего порядка, к тому же еще и одетыми по последней моде. Понимаете, о чем я?

– Я с удовольствием включусь в вашу игру, – по лицу Смоки было видно, что он задумал какую-то гадость.

Драчун хранил гробовое молчание. Он и так чувствовал себя здесь лишним, так еще должен выступать невольной игрушкой наместника, чтобы раздражать его благородных гостей своим присутствием.

– Кстати, отличный камзол, – обратился наместник к десятнику. – Вот только вы в нем выглядите как-то нелепо. Бьюсь об заклад, вам больше по душе солдатский мундир или походная куртка.

– Вы проницательны, ваша милость, – ответил Батька. – Я воин, и весь этот маскарад доставляет мне жуткие неудобства. К тому же он стесняет движения.

– Так снимите его, – посоветовал Боннита. – Будет лишний повод позлить гостей.

Десятник тут же скинул камзол и накинул его на плечи одному из разносящих напитки слуг. Тот от испуга уронил поднос. Бокалы разбились вдребезги. Капли шампанского попали на расфуфыренную девицу, и та завизжала так, будто ее платье забрызгали кровью. Слуга испуганно посмотрел на Бонниту, который от души смеялся над происходящим, а затем в недоумении устался на Батьку.

– Носи на здоровье, – подмигнул десятник.

Гости замолчали, и с нескрываемым презрением смотрели на Батьку.

– Господа, случилось маленькое недоразумение, – обратился к гостям наместник. – Но оно уже улажено. Возвращайтесь к прерванному веселью и наслаждайтесь приятным вечером.

Монервильская знать тут же отвернулась и принялась обсуждать поступок десятника.

– Ну а вы, милорд, что вас заставило путешествовать в такой необычной компании?

– Дело государственной важности, ваша милость, – ответил Питер.

– Ну конечно, – ухмыльнулся Боннита. – Я и не думал, что на службе у Его Величества состоят армии гномов, вудсов и гринчей вкупе с летающими драконами.

– С нами нет дракона, господин наместник, – пояснил молодой лорд. – Это грифон, которого гринч приручил еще детенышем.

– А, грифон, дракон, какая разница, – отмахнулся Боннита. – Вижу, вы не горите желанием посвящать меня в королевские дела. Разумно с вашей стороны. Болтуны всегда заканчивали свою жизнь на виселице или гильотине. Впрочем, ваша тайная миссия мне не интересна. Я пригласил вас по другому вопросу. Но об этом поговорим сглазу на глаз, без посторонних, так как моя просьба весьма деликатного характера. Вы не против, милорд, если мы на некоторое время оставим ваших друзей и поднимемся ко мне в библиотеку?

– С удовольствием, господин Боннита. Мне не терпится услышать вашу деликатную просьбу.

Библиотеке наместника мог позавидовать сам Родерик V, слывший во всем мире заядлым библиофилом. На высоких стеллажах стояли книги, возраст которых насчитывал не одну сотню лет. Питер пробежался по корешкам древних фолиантов и отметил, что некоторые из них посвящены чародейству. Боннита перехватил взгляд молодого лорда.

– Спешу вас заверить, я не занимаюсь магией. Эти книги принадлежали моему роду на протяжении тысячи лет и достались мне в наследство. Большинство рукописей я даже не просматривал, не говоря уже о том, чтобы их прочесть. Я же продолжил пополнять библиотеку наиболее редкими изданиями. Вот посмотрите.

Наместник достал с самой верхней полки толстый фолиант и прочел название:

– Правда о Последней Черте. Ну, каково вам, а? Это единственная в мире книга, которая приоткрывает завесу тайны самой загадочной земли Руны.

Питер не стал переубеждать Бонниту в том, что это единственный экземпляр, так как подобная книга хранится у эльфийского принца Уалдо из клана «Серебряной Луны».

– Да, действительно, очень редкий экземпляр, – согласился Питер.

– Мало того, эта книга – бесценна.

– Я могу взглянуть?

– Простите, мой юный друг, не можете, – глаза Бонниты сверкнули ледяным огнем и он прижал фолиант к себе. – Дело в том, что я очень педантичен насчет своей библиотеки и строго

придерживаюсь принципа – не давать книги посторонним. Я понимаю, что это всего лишь причуда, но ничего не могу с собой поделаться.

Молодой лорд не ожидал такой реакции и поспешно отдернул руку. В воздухе повисло напряженное молчание, от которого Питеру стало неловко. Он откашлялся и решил прервать затянувшуюся паузу.

– Вы, кажется, хотели меня о чем-то попросить...

– Ах, да. Но для начала, могу ли я предложить вам бокал хорошего бренди? – заулыбался наместник.

– С удовольствием, – ответил Питер, усаживаясь в кресло.

Боннита взял со стола графин и разлил бренди по бокалам.

– Что скажете? – поинтересовался наместник.

– Недурно, но я не эстет в таких делах. Хотя даже такой профан, как я, мог бы сказать, что этот бренди отличается от всех тех, что мне доводилось пробовать. Какой-то особый рецепт?

– Ничего особенного. Техника приготовления та же, что и в других областях. Просто кроме винограда мы, монервильцы, добавляем ягоды можжевельника. К тому же этот божественный напиток выдерживался 12 лет. Бьюсь об заклад, даже ваше знаменитое лентийское бренди не идет ни в какое сравнение изготовленному в Монервиле. Хотя Его Величество Родерик V другого мнения. Но как говорится – о вкусах не спорят, а особенно о королевских. Ну да ладно. Скажите, милорд, как долго вы планируете пробыть у нас в гостях?

– Пару дней, – ответил Питер, смакуя бренди. – Хотя может, и дольше. Все зависит от того, как скоро поправится наш товарищ.

– С вашим другом что-то серьезное?

– К счастью, опасность для жизни миновала. Его раны уже заживают. В Монервиле чудесные лекари, а их снадобья и мази поставят на ноги самого безнадежного больного.

– Да, лекари у нас превосходные, – с гордостью ответил Боннита. – Когда я занял пост наместника в этом городе, то в первую очередь очистил Монервиль от преступности и всякого рода жулья. Среди них было немало знахарей, которые только и делали, что занимались надувательством, выкачивая деньги из добропорядочных граждан.

– Город заметно преобразился. Последний раз я был здесь совсем еще мальчишкой. Тогда Монервиль был похож на трущобы.

– Навести порядок было не так уж и трудно, – Бонниту просто распирало от осознания собственной значимости. – Хотя признаюсь, если бы не господин...

Наместник осекся, как будто сболтнул лишнего и тут же перевел разговор.

– За всей этой болтовней я совсем забыл о своей просьбе.

– Я весь внимание, – ответил Питер.

– Дело очень деликатное и ответственное, – Боннита понизил голос, как будто его могли подслушать. – Я женю своего дорого племянника. Свадьба будет через неделю и...

– Господин наместник, я очень польщен приглашением, – перебил градоначальника Питер. – Однако мне вряд ли удастся присутствовать на этом знаменательном для всей вашей семьи событии. Я должен как можно скорей отправиться в дорогу.

– Я знаю, поэтому не настаиваю. А пока вы здесь, хотел попросить об одной маленькой услуге. Думаю, вы даже найдете ее чем-то забавной.

Боннита перевел дух, сделал глоток бренди и продолжил.

– Милорд, вы наверняка слышали, что в нашем славном городе существует один старинный обычай – перед свадьбой красть невесту из дома ее родителей.

– Подобный обычай существует у многих народов Руны, – ответил Питер. – И вы хотите, чтобы я выкрал невесту.

Боннита кивнул.

– Но почему именно я удостоился такой чести? – спросил молодой лорд. – С этим прекрасно может справиться кто угодно. Обычно такую миссию выполняют родственники жениха.

– Кроме меня и моей дочери, у племянника больше нет родственников. Его родители были убиты, когда мальчику едва исполнилось пять лет. Да и доверить такую важную миссию я не могу человеку с улицы. А вы совсем другое дело. Род Бернсов – один из уважаемых в королевстве. Будьте любезны, окажите мне такую услугу.

– Хорошо, – неохотно согласился Питер. – Надеюсь, что родня невесты будет в курсе происходящего.

– Безусловно. Мы все предусмотрели. Задняя дверь дома будет открыта. Вам только останется войти и выкрасть возлюбленную моего племянника. И помните, похищение должно выглядеть натурально. Если невеста поднимет шум, и на ее крик сбежится вся родня, то обряд не состоится, а значит, помолвка может быть расторгнута.

– Несколько странный обычай, – Питер нахмурил брови. – Впрочем, не мне судить об этом. Куда нам привезти девушку, господин наместник?

– Об этом не беспокойтесь, – глаза Бонниты недобро сверкнули. – У дома невесты вас будет ждать экипаж. Передайте связанную девушку моим людям и считайте свою миссию выполненной.

– Когда вы хотите, чтобы мы совершили обряд?

– Прямо сейчас, – ответил градоначальник. – К тому же здесь ваши люди. Они помогут вам в похищении. Карета уже ждет вас.

Как только за Питером закрылась дверь, из потайной комнаты вышел человек в сером плаще с накинутым на голову капюшоном.

– Мой господин, – обратился подобострастно Боннита. – Все сделано в точности так, как вы хотели.

– Прекрасно, наместник, – незнакомец хищно улыбнулся. – Но моя радость будет полной только в том случае, когда амулет окажется у меня в руках.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Темное дельце, – выразил всеобщее мнение Батька. Заговорщики прятались в тени дома, где проживала невеста племянника Бонниты.

– Шахир его задери, – выругался Смоки. – Может, плюнем на все, пока не поздно. Пускай наместник сам похищает девку, если уж так блюдет обычай.

Питер нервно сжимал кулаки, поглядывая на черные провалы окон особняка.

– Я никого не держу силой, – не поворачивая головы ответил Бернс. – Я дал слово Бонните и не могу отступить. Можете идти, попробую справиться один.

– О чем речь, дружище, – поддержал его Драчун. – Мне тоже не нравится участвовать в этом фарсе, но я товарищей в трудную минуту не бросаю.

– Каков план? – спросил Лис.

– По словам наместника, похитить девчонку не составит труда, – начал Питер. – Задняя дверь дома должна быть открыта. Смоки, ты караулишь у выхода. Мы проходим через кухню, далее идем по коридору, мимо комнат прислуги. Доходим до лестницы, ведущей наверх. Драчун – остаешься здесь. Я, Батька и Лис поднимаемся на второй этаж. Опочивальня невесты – третья комната направо. Лис, веревка у тебя?

Бешеный кивнул, доставая их сумки целый моток.

– Отлично. Батька, твоя задача, чтобы девица не закричала.

– Не беспокойтесь, милорд, даже и не пискнет. А что, если наткнемся на кого-то из слуг или домочадцев?

– Они вроде предупреждены, что мы придем за невестой, – ответил Пит. – Если вопросов больше нет, тогда вперед, на похищение красавицы.

Питер направился к дому. Товарищи пошли следом. Смоки опередил остальных и толкнул ворота – те оказались не заперты. Гринч пропустил всех вперед и тихонько притворил створки. К особняку вела каменная дорожка. Друзья старались идти как можно тише. Однако иной раз тишину нарушал хруст мелких камешков, которые попадались под подошвы сапог. Проходя мимо фонтана, Батька остановился как вкопанный.

– Ты чего? – шепотом спросил Лис.

Десятник приложил палец к губам и показал на скамейку. Рядом с ней, держась за руки, стояла влюбленная парочка. Смоки усмехнулся, поднял с земли толстую сухую ветку и бросил в молодых людей. Трое заговорщиков кинулись врассыпную. Смоки с Драчуном остались на месте. Возлюбленные даже не пошевелились.

Первым из кустов вылез Питер. За ним из беседки вышел Лис. Батька, отряхивая одежду от грязи, отвесил Смоки звонкий подзатыльник.

– А сразу не мог сказать, – десятник был явно на взводе. – Устроил тут балаган. Я что, по-твоему, вышел на увеселительную прогулку?

– Смоки, правда, кончай уже со своими шуточками, иначе отправишься назад, – предупредил Питер и дал знак товарищам следовать за собой.

Проходя мимо небольшого сада, похитителям невесты пришлось спрятаться в тени деревьев. Кто-то из слуг, дворецкий, а может быть, садовник, вышел через заднюю дверь и, усевшись на корточках, раскурил трубку.

– Вот невезуха, – зашептал Лис.

– Ну а чего мы прячемся как воры, если все и так знают, что девку придут похищать? – спросил гринч. – Я бы заодно у этого мужичка табачком разжился.

– Смоки, сделай милость и просто заткнись, – со злостью сказал Питер.

– Да все, умолкаю, уж пошутить нельзя, – обиделся гринч.

Слуга тем временем докурил и, выбив пепел из трубки, скрылся в доме.

– Придется подождать, – Драчун не сводил глаз с двери.

– Я уже не уверен, что все пройдет гладко, как вы говорите, – обратился Лис к молодому лорду. – Слуги должны спать, а они шатаются туда-сюда. К тому же мне кажется, что хозяйева не посвятили их во все это дело.

– Лис прав, – поддержал десятник боевого товарища. – Если какая-нибудь полоумная кухарка заметит наше присутствие в доме, крику будет на весь квартал. Поэтому нейтрализацию противника я беру на себя.

– Батька, только без крови.

– Милорд, за кого вы меня принимаете, – десятник обиженно потупил взгляд. – Одним нажатием пальца на болевую точку человека вырубает на 10—15 минут. А за это время мы не только невесту украдем, но и еще ее приданное прихватить сможем.

– Я думаю, курильщик уже улегся, а если что, то Батька подстрахует, – захихикал Лис.

– Айда, – Питер кивнул головой в сторону дома. – Смоки, ты, как и договаривались, стоишь у двери, и предупреждаю в последний раз – не вздумать дурить.

Гринч показал большой палец, улыбнулся и открыл дверь, пропуская друзей внутрь.

В коридоре, ведущим на кухню, было так темно, хоть глаз выколи. Батька шел впереди на случай, если на пути встретится тот, кого этой ночью могла мучить бессонница. Десятник

двигался на ощупь, раскинув руки и аккуратно переставляя ноги, чтобы ничего не задеть в темноте. Следом за Батькой шли Питер, Драчун и Лис.

– Я нащупал дверь, – шепнул товарищам десятник, и медленно ее приоткрыл. Та предательски скрипнула.

Похитители вошли в кухню. В помещении никого не было. Сквозь узкое окошко еле-еле пробивался лунный свет, освещая печь, столы и различную поварскую утварь. В углу что-то зашуршало.

– Крыса! – воскликнул Лис и прижался к стене.

– Тише ты, полоумный, – прошипел десятник.

– Прости, Батька, я просто до смерти их боюсь. Это еще с детства пошло. Я был совсем маленьким, когда меня укусила крыса. С тех пор этих тварей стараюсь обходить за милую.

– К Шахиру крыс, – проворчал Батька. – Пойдем искать лестницу.

– Да чего ее искать, вон она, в конце коридора, – Лис первым выбежал из кухни, миновав комнаты, где дрыхли слуги.

– Может, пойти с вами? – Драчун остановился у лестницы.

– Нет, оставайся здесь, и спрячься за ширмой, – посоветовал Батька. – Мы скоро будем с трофеем.

Вудс отодвинул ширму и прижался к холодной стене рядом с окном. Остальные поднялись на второй этаж. Повернув направо, заговорщики подошли к заветной двери. Батька тихонько ее распахнул и подал знак следовать за ним.

Комнату освещал слабый лунный свет. Разглядеть невесту на ложе с темным балдахинном было невозможно. Батька приблизился к широкой кровати, и уж было хотел аккуратно приподнять завесу, но... тут в абсолютной тишине раздался громкий щелчок. Кто-то снаружи запер дверь на ключ. Друзья переглянулись, и Лис осторожно потянул за ручку. Питер был полностью уверен, что это проделки гринча. Только он мог в такой ответственный момент так зло подшутить.

– Смоки, идиот, я с тебя шкуру спущу, – Пит был вне себя от ярости. – Немедленно открой.

– По-моему, мы в засаде, – Батька с силой сорвал балдахин. – Смотрите, здесь нет никакой спящей бабы.

– Надо выбить дверь, – предложил Лис. – Я бы не отказался перерезать глотку тому, кто запер нас в пустой комнате.

Послышался очередной щелчок замка, и дверь широко распахнулась. В комнату ворвались человек десять вооруженных людей. Это были солдаты городской стражи. Одни обнажили

короткие мечи, другие взяли «незваных гостей» под прицел арбалетов. Захваченным врасплох похитителям было понятно, что рыпаться в такой ситуации бесполезно. У бешеных и Питера имелись только ножи, а против отлично вооруженной оравы шансы с таким жалким оружием просто нулевые. Они даже не успеют их достать, как в мгновение окажутся наштипованными арбалетными болтами. Питер поспешил быстро уладить дело:

– В чем дело, господа? Как вы смеете угрожать нам оружием? И потрудитесь объяснить, почему в комнате нет невесты?

Вооруженные люди не шелохнулись. В комнату вошли еще трое человек. Одежда выдавала в них дворянское происхождение.

– А не слишком много ты задаешь вопросов, свинья, – ответил один из господ, брат невесты. – Тут спрашивать буду я.

– Поосторожней в выражениях, – зарычал Батька. – Перед тобой Питер Бернс, граф Ленгтийский, приближенный ко двору Его Величества Родерика V.

– Да нам плевать, кто это, – сплюнул на пол второй брат девушки. – Вы украли нашу сестру и за это ответите.

– Увести их, – приказал солдатам третий господин, отец невесты.

– Постойте, дайте мне все объяснить, – Питер поднял руки в знак того, что не желает никому зла. – Здесь явно вышло какое-то недоразумение. Мы здесь по поручению наместника Бонниты. Вы же сами хотели, чтобы невеста была похищена согласно древнему обычаю.

– Ты еще смеешь приплетать в свои грязные делишки господина Бонниту, – взревел отец. – Стража, отведите их в городскую тюрьму. С подонками, которые похищают людей, я буду разговаривать не в собственном доме, а в затхлой сырой камере.

Солдаты связали руки «похитителям» и вывели на улицу. У дома стоял эскорт.

«Все так, как и обещал Боннита. Только связанными оказалась не невеста, а мы», – подумал Питер.

– Свяжитесь с Боннитой, – Батька был вне себя от такой бесцеремонности. – Он вам все подтвердит. – Солдаты переглянулись, но один из братьев невесты приказал:

– Не разговаривать с ними.

– Давайте, лезьте в карету, чтоб вам пусто было, – скомандовал главный из стражников, судя по нашивкам, капрал. – На дворе глубокая ночь, а мне, вместо того, чтобы греть в постели молодую жену, приходится с вами вожжаться.

– Добро пожаловать в нашу компанию, – с дурацкой улыбкой приветствовал друзей Смоки, уже сидевший в карете со связанными руками. Рядом с ним в том же положении арестанта находился Драчун. Их охранял дюжий стражник со шрамом на щеке, проходившим от виска до подбородка. Верзила ковырял в зубах длинным кинжалом, доставая остатки мяса.

– А ну заткнулись все, – заорал капрал. – Погляжу я на тебя, речной дурак, как ты будешь радоваться в Мрачных Чертогах.

* * *

Городская тюрьма находилась на окраине города. Свое название она оправдывала лишь наполовину. Унылость и мрачноватое убожество этого строения никак нельзя было сопоставить с пышностью и убранством, с которым ассоциируется слово «чертог». Здание оказалось построено из темного камня, между которым обильно росли лишайники – верный признак того, что в тюремных застенках властвует сырость.

Пятерых арестантов провели в караулку, где стражники забрали у них все более-менее ценное. Капрал передал дежурившему офицеру оружие, найденное при обыске еще в особняке: пару метательных звезд Драчуна, кастет Смоки, кинжал Питера и ножи бешеных. А вот кошелек, который капрал срезал с пояса Питера, он явно решил оставить себе.

– Офицер, – обратился гринч к главному по караулке. – Этот тип конфисковал у нас кое-какие сбережения. Надеюсь, мы сможем получить их обратно после освобождения.

Офицер поднял на капрала глаза полные ненависти. Тот громко сглотнул и заметно побледнел – младшие чины не имели права утаивать ценные вещи арестованных, не поделившись со старшим по званию. Смоки был доволен подстроенной пакостью. И капрал вряд ли теперь отделается одним выговором. В этом случае его запросто могли разжаловать до обычного стражника и заставить патрулировать улицы до самой пенсии, а то и вовсе выгнать взащей с солдатской службы.

– Давай сюда, – ледяным тоном потребовал дежурный.

Капрал без возражений достал из сумы кошелек и бросил на стол. Офицер высыпал содержимое и разочарованно покачал головой.

– Всего-то с десяток динаров, а дукатов и того меньше. А я думал, дворяне носят в кошельке золотые пистолы.

Последняя фраза была обращена к Питеру.

– По какому праву людей короля задерживают и налагают арест на их имущество? – возмутился молодой лорд. – Я требую объяснений.

– Объяснять будете вы, по какому праву со своими головорезами похищаете влиятельных граждан Монервиля. Так что советую перед допросом хорошенько подумать и во всем сознаться, если не хотите сгнить в этой тюрьме. А прикрываться именем короля не советую – можно и голову на плаху положить. В камеру арестованных, – офицер отдал приказ стражникам.

Конвоиры повели друзей по тусклому коридору. Здесь, тщетно пытались разогнать тьму два факела, чадившие в начале и конце прохода. Стража остановилась возле двери, обитой бронзой, и завела арестантов в камеру. В тусклом свете факела, который держал один из солдат,

Питер разглядел все «убранство» камеры: никакой мебели не было и в помине, даже грубо сколоченной лавки, чтобы посидеть. Только несколько лежанок из соломы, расстеленных прямо на холодном полу. Стены были покрыты какой-то плесенью. С потолка о каменный пол били капли воды. В стене, рядом с потолком, было пробито маленькое оконце, через которое пролезет разве что кошка.

– Руки-то развяжи, – подал голос Лис. – А то затекли совсем.

– А мне бы водички попить, – попросил Смоки.

Тюремщики, ни слова не говоря, вышли из камеры и заперли дверь на ключ.

– Вот сволочи, – сплюнул Батька. – За что они нас в кутузку упекли?

– Может, завтра выпустят, когда узнают, что мы выполняли поручение наместника, – предположил Лис.

– Вряд ли, – Питер сел на соломенный тюфяк. – Я пытаюсь понять, что пошло не так и почему мы в конечном итоге оказались здесь.

– Милорд, можете в точности пересказать разговор Бонниты? – спросил Батька.

Питер кивнул и рассказал друзьям о беседе в библиотеке.

– У меня кое-что проясняется, – Батька кашлянул и продолжил. – Боннита – самый влиятельный в городе человек. Какой ему смысл приглашать нас на прием? Ладно бы вы, милорд, все-таки из графьев, но на кой ему сдались остальные. Мы же, по сути дела, босяки.

– Ты же слышал, чтобы позлить гостей, – ответил Лис.

– Лично я не заметил, чтобы мы кого-то уж прям так сильно раздражали, – Смоки пытался стянуть с рук веревки, но те прочно сжимали запястья. – Были, конечно, ряженные павлины, которых бесило наше присутствие, но большинство выказывало к нам неподдельный интерес. Я даже с каким-то пьяненьким бароном на брудершафт выпил.

– Есть еще кое-что, что меня насторожило в просьбе Бонниты, – вспомнил Драчун.

Все уставились на вудса.

– Помните, наместник хотел, чтобы на прием пришел весь отряд, и как он потом огорчился, узнав, что некоторые решили отсидеться дома.

– К чему ты клонишь? – спросил Батька.

– Не знаю, у меня нет объяснений, зачем Боннита хотел нас всех подставить. Но он явно рассчитывал на то, что мы все окажемся в тюрьме. Вот только у него ничего не вышло. Половина из наших все еще на свободе.

– Вот именно, все еще, – гринч сделал на словах Драчуна акцент.

– Вряд ли удастся арестовать остальных, – опроверг эту догадку Питер. – На месте похищения невесты попались мы, и остальные не при делах. Их будет трудно обвинить. А значит, нам и отвечать.

– Ни за что, – взорвался Батька. – Мы же не похищали эту девку.

– Конечно, ведь ее похитили до нас, а Бонните нужно было засадить нас в тюрьму, и я догадываюсь, зачем.

В камере на миг воцарилась полная тишина, затем десятник осторожно произнес:

– И о чем ваши догадки, милорд?

– Я точно не уверен, но думаю, что здесь замешан Дейтмар.

– Что? Бессмертный чародей, – воскликнул Смоки.

– Ты уверен? – с сомнением спросил Драчун.

– Сейчас картина начала немного проясняться. Я рассказал только о нашем разговоре с наместником, но упустил кое-какую интересную деталь, касающуюся его библиотеки.

– А причем здесь библиотека? – гринч наморщил лоб.

– Я очень люблю книги, и когда я вошел туда, то в первую очередь начал читать названия на корешках. По библиотеке всегда можно узнать, чем живет ее владелец.

– А колдун каким боком тут замешан, – не унимался Смоки.

– У Бонниты на стеллажах было немало трудов по магии и запретному чародейству. И у него имелся путеводитель по Последней Черте.

Лис присвистнул от такой новости.

– И еще, – продолжил Пит. – Когда наместник поведал мне о том, как он наводил в Монервиле порядок, очищая городские улицы от преступности, он невольно проболтался, что ему в этой чистке помогал какой-то «господин». Поняв, что сболтнул лишнее, Боннита сразу осекся и перевел разговор в другое русло.

– Дерьмо Шахира, – выругался Лис. – Неужели наместник действительно в сговоре с этим колдовским отродьем?

– Перед нашим отбытием магистр Патиас предупредил меня, что Дейтмар пойдет на все, чтобы добраться до своей книги. А для этого ему нужен амулет Ордена. И у этого сукина сына везде шпионы, и причем очень влиятельные. Так что меня несколько не удивляет, что Боннита может служить чародею.

– Стражники забрали у тебя Око Петры? – в ужасе воскликнул Смоки.

– Нет, – Питер понизил голос до шепота. – Я оставил его в особняке тетушки.

– А что мешает Бонните перевернуть особняк вверх дном, найти магическую штуковину и отдать ее чародею, – резонно заметил вудс.

– Он не посмеет. Графиня очень уважаемый в городе человек. К тому же, если Боннита наберется наглости и сунет свой нос в особняк, то вряд ли ему удастся отыскать амулет. Он спрятан очень надежно.

– Наместник может и не отыщет, а вот чародей почует амулет за сотни миль и с легкостью его заберет.

– Нет, Лис. Если даже Дейтмару удастся отыскать Око Петры, то он не сможет взять его сам. Кто-то должен выступить посредником между амулетом и колдуном. В противном случае чародея испепелит магия.

– Так вот почему наместник засадил нас в темницу, – догадался Батька.

– Именно, – ответил Питер. – Он рассчитывал, что амулет будет при мне. Стража налагает на него арест, причем не зная о его истинном назначении. Боннита забирает талисман и передает его Дейтмару. Чародей убивает сразу двух зайцев: без труда ликвидирует с помощью амулета магию груунов и возвращает себе книгу заклинаний, а мы тем самым временем гнием в тюрьме или того хуже – заканчиваем свои жизни на виселице.

– Вот только у этого засранца ничего не вышло, – злорадно ухмыльнулся Батька. – Мы ему еще попьем кровушки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

– Ну куда они подевались, – Расмус не находил себе места, меряя шагами комнату. – Уже полдень, а этих любителей шляться по приемам еще нет.

– Да успокойся, борода, – попытался подбодрить гнома Дуболом. – Небось лишку перебрали, вот и заночевали у наместника.

– Это вряд ли, – не согласился Пакостник. – Батька сколько бы не выпил, всегда имеет ясную голову.

– Еще немного подождем, и нужно отправляться на поиски, – Весельчак сидел, облокотившись на спинку кровати, и доедал куриный суп.

– Куда это ты собрался? – поинтересовался Пакостник. – Отлеживайся, пока есть такая возможность.

– Сколько можно валяться, – бешеный поставил пустую тарелку на прикроватную тумбочку. – Я в норме. Температуры нет, башка не кружится, рана перестала гноиться, разве что только немного зудит.

– Сказано тебе лежи, значит, лежи, – Дуболом погрозил больному кулаком. – Расмус, ты пригляди за ним, а мы с Пакостником прогуляемся до городской ратуши, поговорим с наместником. – Только смотри...

Бешеный недоговорил – в дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в комнату вошла тетушка Фелиция. Женщина выглядела встревоженной.

– Что случилось, мадам? – обратился к ней Пакостник. – На вас лица нет.

– Питер не объявлялся? – не ответив на вопрос, спросила пожилая леди.

– Сами ждем, – Дуболом пропустил графиню на середину комнаты. – Обещались прийти под утро. Вот собираемся пойти к наместнику, может, он знает, где наши гуляки.

– Вас к нему и близко не подпустят, – тетушка села на стул рядом с кроватью Весельчака. – Похоже, у Питера и ваших друзей возникли проблемы с законом.

– Что вы имеете в виду, мадам? – Расмус поддался вперед.

– Весь город гудит, что у племянника Бонниты похитили невесту. Девушку вытащили прямо из собственной постели, связали, и увезли в неизвестном направлении. Якобы похитители уже сидят в городской тюрьме.

– Так причем тут похитители и наши...

– Дайте мне закончить, – тетушка Фелиция смерила Дуболома гневным взглядом. – Я только что говорила с женой главного советника Бонниты. Она рассказала, что похитителей было четверо, и двое из них оказались не совсем обычными людьми.

– Гринч и вудс, – выпалил Пакостник. – Но какого Шахира они поперлись красть невесту.

– Этого я не знаю, – пожала плечами хозяйка дома. – Я сама отправлюсь поговорить с наместником и разузнаю, по какому праву моего любимого племянника посадили в тюрьму. Меня он не посмеет не принять. А вы сидите здесь и ждите новостей, я скоро буду.

* * *

– О нас что, совсем забыли? У меня кишки уже вовсю марш играют. Эй, как насчет пожрать? – заорал Батька во все горло.

– Кричать бесполезно, все равно никто не услышит, – Питер лежал на соломенном тюфяке и глядел на кусочек голубого неба, видневшегося через маленькое окошко камеры.

– Интересно, нас хоть ищут? – безнадежно спросил Лис.

– Думаю, что тетушка уже забила тревогу, да и парни не станут сидеть сложа руки, – уверил его десятник.

– Только чую, что нам отсюда просто так не выбраться, – Драчун подошел к двери и принялся стучать по ней носком сапога.

– Я сегодня даже глаз не сомкнул, – пожаловался Лис. – Паршивые крысы, так и шмыгали из угла в угол.

– А я спал как убитый, – гринч шумно зевнул. – И еще бы поспал, если бы не урчание в животе у Батьки.

– Лис, рядом с тобой огромная крыса, – Батька показал пальцем за спину приятеля и задрожал от страха.

Бешеный вскочил, отпрыгнул в сторону и, завизжав как девица, будто увидевшая в своей спальне паука, спрятался за Питера. Десятник заржал, схватившись за живот. Лис понял, что попался на шутку товарища и обиженно произнес:

– Батька, вот ты здоровый мужик, а шуточки у тебя, как у ребятенка.

– Тихо, кто-то идет, – вудс все еще стоял у двери и прислушивался к шагам в коридоре, которые становились все отчетливей. – Похоже, у нас гости.

В двери открылось небольшое окошко, и раздался гнусавый голос:

– А ну ты, лесная гнилушка, вали к остальным, чтобы я тебя видел.

Драчун, оскорбленный таким пренебрежительным отношением к себе, что-то пробурчал под нос и отошел к дальней стене. Тюремщик открыл дверь и поставил на пол поднос.

– Эй, приятель, – обратился Питер к стражу. – Когда городской обвинитель почтит нас своим присутствием? Мы не собираемся гнить в этой дыре за здорово живешь.

– Шахир тебе приятель, – огрызнулся тюремщик и вышел из камеры. В двери лязгнул замок и шаги начали удаляться. Десятник и Смоки одновременно кинулись к оставленной еде. Но гринч оказался более быстрым и уже нагнулся за подносом, как получил увесистый пинок.

– Куда вперед Батьки, – недовольно цыкнул десятник.

– Да что я, один собирался все умять, – обиделся Смоки и потер ушибленный зад.

– Знаю я твой аппетит, – Батька понес поднос к друзьям. – Дай тебе волю, ты в мгновение лося умнешь.

– Негусто, – заметил Лис, заглядывая в котелок. – Да и запашок еще тот. Интересно, это что, суп из лягушек?

– Не хочешь, не ешь, нам больше достанется, – Смоки взял с подноса ложку и зачерпнул варево. – А, по-моему, ничего. Отдает немного болотной жижей, но жрать можно.

– Да вы, речной народец, привыкли еду на болотной воде готовить, так что вам не привыкать, – Лис попробовал тюремную баланду и поморщился. – Дрянь редкостная, но брюхо набить чем-то надо. Когда еще удастся поесть.

– Пит, а ты чего? – Драчун махнул рукой, приглашая друга разделить трапезу. – Или брезгуешь?

– Да мне как-то не до еды. Неизвестность и полное бездействие меня просто угнетают.

– Милорд, – Батька подошел к Питеру и уселся рядом. – Нас всех гнетут те же самые чувства. Но это не повод, чтобы впасть в отчаяние. До того как попасть к бешеным, я был пиратом. Как-то во время очередного набега мы схлестнулись с купеческим судном, которое сопровождали «морские дьяволы». Эти королевские рубаки разбили нас в пух и прах. Меня и еще с десятков матросов взяли в плен. Когда мы стояли у виселицы на городской площади, королевский судья спросил каждого из нас о последнем желании. Мои кореша начали вымалывать себе свободу, чем вызвали немалое недовольство толпы. А я взял и попросил жареного поросенка и бабу. Народ, ожидавший над нами расправы, аж задохнулся от возмущения. А вот королю такая наглость явно пришлась по душе. Его Величество рассмеялся и подписал мне помилование. Понимаете, о чем я? Пока мы не в могиле, нужно брать от жизни все, будь то жратва, золото или женщины. Так что выкиньте из головы все ваши сомнения и поешьте, не то наш речной друг слопает все до последней ложки.

* * *

Наместник сидел в своем кабинете городской ратуши и был мрачнее тучи. Напротив него стояли начальник тюрьмы, дежурный офицер и капрал.

– Я еще раз повторяю, какие вещи вы изъяли у новых заключенных? – Боннита нервно покусывал нижнюю губу.

– Ножи, кастет, – проямлил офицер.

– Это я уже слышал, – наместник ударил кулаком по столу. – Меня интересует другое. Было ли при них что-то особенно ценное.

– При дворянине был кошелек с медью и серебром.

– Ты что издеваешься? – взревел Боннита. – Мне не нужны на службе идиоты. Хочешь всю оставшуюся жизнь мести улицы?

– Мой господин, я говорю правду, кроме монет ничего ценного мы не нашли, – голос офицера дрожал от страха.

– А ты чего мнешься, деревенщина? – Капрал вздрогнул, услышав гневный голос градоначальника. – Ты первым обыскивал высокородного сопляка. При нем был амулет? В твоих интересах сказать правду, иначе ты сгниешь на рудниках.

Капрал бросился к столу наместника и поцеловал его руку в знак преданности.

– Клянусь, при юнце не было никаких побрякушек, я..., – стражник не успел договорить и рухнул на пол с расквашенным носом.

– Слюнявый ублюдок, – Боннита вытер руку платком.

– Бордун, – обратился наместник к начальнику Мрачных Чертогов. – Ты уверен в своих людях? Эти шавки не могли погреть руки на том, что должно принадлежать мне?

– Они не лгут, ваше сиятельство, – ответил тот. – Я знаю их как облупленных.

– Шахир, – Боннита еще сильнее закусил губу, и из нее пошла кровь.

– Эта вещь настолько важна для вас, мой господин? – Бордун был в недоумении от всего происходящего.

– Тебя это не касается, – Боннита трясущимися руками налил себе бренди и сделал большой глоток. – Забирай своих шавок и вон отсюда.

Бордун, офицер и капрал вылетели стрелой из кабинета.

Через открытую дверь Боннита услышал женский голос – дама требовала, чтобы ее сию секунду пропустили к наместнику.

– Мадам, я вам в третий раз объясняю, что к нему сейчас нельзя, – секретарь Бонниты старался быть вежливым. – Господин наместник очень занят. И вообще, часы и дни приема прописаны для всех горожан, так что давайте я запишу вас, к примеру, на послезавтра.

– С каких это пор градоначальник принимает высшее дворянство строго по времени, или я что, похожа на плебейку? Пропустите меня, не то я за себя не отвечаю.

– Я сказал – нет, – секретарь повысил голос.

Леди Фелиция не растерялась и двинула наглеца ногой в коленную чашечку. Тот взвыл от боли и схватился за ногу. Графиня, не мешкая, вошла в кабинет Бонниты и без приветствия выпалила:

– По какому праву мой племянник томится в Мрачных Чертогах?

– Простите, господин наместник, – секретарь вошел в кабинет, потирая коленку. – Я пытался ее удержать, но...

– Закрой дверь с той стороны, – рявкнул Боннита, и помощника как ветром сдуло.

– Итак, я жду объяснений, – леди Фелиция взяла у стены стул и пододвинула его поближе к столу.

Боннита с опаской глядел на графиню. Вид у пожилой женщины не предвещал наместнику ничего хорошего. «Надо бы повежливее с ней, а то старая карга, чего доброго, глаза выщарапает», – подумал градоначальник.

– Леди Фелиция, ваш Питер со своими людьми обвиняется в похищении человека. Это гнусное преступление было совершено этой ночью в доме семьи Рамлес. Они пробрались в особняк как воры, взломали спальню миледи Марго и похитили невесту у моего дорогого и единственного племянника.

Боннита артистично закатил глаза и с грустью покачал головой. От него так и веяло притворством, что взбесило леди Фелицию еще больше.

– Перестаньте ломать комедию, – графиня не скрывала своего отвращения к градоначальнику. – И вообще, с чего вы взяли, что они похитили девушку?

– Их задержали прямо в спальне бедной девочки. Когда стража с родственниками ворвалась туда, ее не оказалось в постели.

– И что с того? Максимум, в чем их могут обвинить, так это в проникновении в частную собственность. Кстати, обвинения уже предъявлены?

– Пока нет. По закону мы должны провести проверку, опросить свидетелей, записать показания родственников, а уже потом...

– Тогда по какому праву вы держите их в тюрьме? – перебила графиня. – Вы забываете, что мой покойный муж был главою Совета Десяти, и я прекрасно знаю законы. До обвинения вы не имеете права держать подозреваемого за решеткой, если это лицо знатного рода. Немедленно отпустите Питера и его друзей. Я внесу за них выкуп.

Наместник понял, что его прижали к стенке и ничего другого не остается, как отпустить этого гаденыша Бернса.

– Конечно, мадам, – Боннита был мрачнее тучи. – Я собирался выпустить вашего мальчика уже сегодня. Просто были некоторые обстоятельства, которые требовали моего скорейшего вмешательства. Питер будет дома уже к вечеру. Но вот его сокамерникам придется остаться в тюрьме.

– Это еще почему? – возмущению графини не было конца.

– Вы же знаете закон, – ухмыльнулся градоначальник. – Высокое происхождение вашего племянника дает ему право покинуть Мрачные Чертоги до предъявления обвинения. Но вот его подельники, насколько мне известно, к дворянскому сословию не принадлежат. Мало того, двое из них вообще не являются людьми в полном смысле этого слова.

– Хорошо, – леди Фелиция встала и вышла из кабинета с гордо поднятой головой. Как только за ней закрылась дверь, из-за ширмы вышел человек в сером плаще с наброшенным на голову капюшом.

– Ты огорчаешь меня, Боннита, – прошипел Дейтмар. – Я уже жалею, что помог тебе когда-то укрепить твой авторитет в этом городе. Что же, это дело поправимо.

– Господин, прошу вас, дайте мне последний шанс, и я все исправлю, – залез безил градоначальник, опустившись перед чародеем на колени. – Молодому Бернсу некуда деваться. Из города ему и его компашке не выбраться. Я сейчас же усилю охрану городских ворот. Обещаю, рано или поздно – я добуду для вас амулет.

– Лучше рано, иначе твое тело отправится на корм червякам, – колдун откинул капюшон.

Боннита впервые увидел глаза своего хозяина, а точнее, их полное отсутствие. На наместника Монервиля взирали черные провалы пустых глазниц.

* * *

– Мой мальчик, – леди Фелиция с радостным криком бросилась к своему племяннику и заключила его в крепкие объятия. Часть отряда собралась в гостиной, ожидая прихода Питера.

– Тетушка, еще немного, и ты меня задушишь, – молодой лорд глотнул воздуха. – Ума не приложу, откуда в тебе столько силищи.

– Ты бы знал, как леди Фелиция врезала секретарю наместника, – Весельчак сидел в кресле ипил травяной чай. Выглядел он абсолютно здоровым, отдохнувшим и посвежевшим.

Питер недоуменно уставился на тетю.

– Он что, серьезно? Тетушка, благородным дамам не пристало опускаться до рукоприкладства, – шутиливо пожурил он леди Фелицию.

– Этот напыщенный индюк не хотел пропускать меня к Бонните. Потому он сам вынул меня пойти на столь решительные действия, – засмеялась пожилая женщина. – К тому же никакого рукоприкладства не было, я хорошенько ударила его носком туфли по колену. Бедняка так скрючился, что мне даже стало его немного жаль. Хотя, что и говорить – получил по заслугам. Ладно, хватит восхищаться моим героизмом. Есть хочешь?

– Съел бы целого быка, – признался молодой лорд.

– Нара, – позвала горничную леди Фелиция. – Принеси с кухни жареную куропатку, сыра, яблочный пирог и что там у нас еще осталось с обеда.

Служанка удалилась выполнять распоряжение хозяйки и быстро вернулась с полным подносом.

– Пит, что все-таки произошло? – задал волнующий всех вопрос Расмус. – И зачем вам понадобилось похищать невесту племянника Бонниты?

– Соловья баснями не кормят, – леди Фелиция жестом велела всем замолчать. – Пусть вначале поест.

Питер благодарно кивнул графине.

– Вот это вкуснотища, не то что те помои, которыми нас потчевали в Мрачных Чертогах, – облизнулся Бернс и набросился на еду. – А вы ко мне разве не присоединитесь?

– Мы только что отобедали, поэтому не стесняйся и ни в чем себе не отказывай, – Дуболом громко рыгнул, как бы подтверждая свои слова.

– Дубина неотесанная, – гном закатил глаза.

– Прощу прощения, – виновато произнес бешеный. – Я иногда забываю, что нахожусь в компании высокородных господ.

– Не бери в голову, – пожилая женщина улыбнулась. – По крайней мере, теперь я знаю, что обед тебе пришелся по вкусу.

– Тетушка, поведай мне о твоём визите к Бонните, пока я наслаждаюсь пищей, – с набитым ртом проговорил племянник.

Леди Фелиция рассказала Питеру все в мельчайших подробностях. Дослушав до конца, он отодвинул поднос с трапезой и, откинувшись на спинку стула, заявил:

– Знаете, друзья, мы в очень большой опасности. Эта история с похищенной невестой с каждым часом становится все интересней.

– Я все-таки не пойму, зачем вы похитили девушку, – леди Фелиция пристально посмотрела Питеру в глаза. – По сути, в этом нет никакого смысла. Деньги отпадают, ибо ты в них не нуждаешься. Личный интерес? Однако вряд ли ты хотел отбить невесту у племянника наместника Монервиля, так как ваше знакомство маловероятно. Или все-таки...

– Тетушка, никаких все-таки, – Питер взял с подноса кувшин и налил в кружку холодного молока. – Мы не похищали эту девицу. Когда мы зашли в спальню, ее уже там не было.

И Питер рассказал, все как было на самом деле, начиная с того момента, когда наместник пригласил его на приватную беседу в библиотеку и заканчивая сегодняшним освобождением из Мрачных Чертогов.

– Да уж, – первым пришел в себя Весельчак. – Парней надо как-то вытаскивать из тюрьги, иначе дело может плохо кончиться.

– Мало того, – поддержала бешеного графиня, – вам нужно срочно уезжать из города. – Боннита ни за что не успокоится, пока не добудет эту магическую вещь.

– Но как вытащить парней из заточения, – Питер был в растерянности. – Мы не можем взять ворота Мрачных Чертогов штурмом. Хотя...

– Что??? – одновременно спросили Весельчак и Дуболом.

– Если нашим друзьям удастся выбраться из камеры, они легко перебьют стражу и выберутся на свободу. Ночью в караулке дежурят всего два человека. Еще пара часовых на воротах. Столько же патрулируют территорию тюрьмы. Пока они поймут, что к чему, и доберутся до места, наши уже улизнут.

– Однако каким образом они выйдут из камеры, не через стену же пройдут, – усмехнулся Весельчак.

– Все подробности чуть позже, – улыбнулся Питер. – Расмус, ты у нас мастер на все руки. Сможешь изготовить отмычку?

– Да проще простого, – со знанием дела кивнул гном. – Понадобится только кое-какой инструмент.

– Рядом с домом садовника есть мастерская, – в графине проснулся дух авантюристки. – Думаю, достопочтенный гном, вы найдете там все, что нужно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

– Простите меня, милорд, но более сумасбродной идеи я в своей жизни не слыхивал, – Дуболом выглядел разочарованным. – Вы хоть понимаете, что предлагаете? Возложить спасательную операцию на кота. Как, скажите мне на милость, это глупое животное пронесет в тюрьму отмычку?

Пушистый зашипел на бешеного, оскалив белоснежные зубы.

– А киске не нравится, когда о ней неуважительно отзываются, – Весельчак протянул руку, чтобы погладить зверя, но тут же ее одернул, получив от кота лапой. – Уф, так он еще и дерется. Плохая киса.

– Хватит паясничать, – одернул Весельчака Расмус. – Питер дело говорит.

– Этот кот что, действительно какой-то особенный? – никак не мог взять в толк Дуболом.

– Пушистый не просто домашнее животное Драчуна, его друг и компаньон, а родственная душа, – пояснил Питер. – За те годы, что они вместе живут и охотятся бок о бок, эта парочка стала как-то понимать друг друга. В прошлом году я гостил у них в Траунском лесу. Вудс при мне давал команды своему зверьку, и тот в точности их выполнял. Котяра прекрасно понимает человеческую речь, и говорить при нем в дурном тоне я не советую.

– А вы уверены, что эта киска сможет перепрыгнуть через тюремную стену и уж тем более протиснуться в окошко, чтобы попасть в камеру? – Весельчака, как и Дуболома, мучили сомнения.

Пушистый подошел к Весельчаку, поскреб пол лапами в знак глубочайшего презрения и сиганул на люстру, висевшую в пяти метрах от пола, едва не опалив хвост о горевшие свечи.

– Вот это киска, – присвистнул Дуболом. – Беру свои слова обратно, господин кот.

Котяра завилал хвостом, явно довольный собой.

Питер взял тарелку, в которой лежали остатки пирога, выложил их на поднос, налил в нее молока и поманил Пушистого. Зверюга принялся шумно лакать, довольно мурча.

– Итак, отмычку нашим друзьям мы передадим через Пушистого. Наденем на кота вот этот ошейник, – Питер показал кожаную полоску с застежкой, на которой висел металлический предмет, похожий на иглу.

– Это и есть то, о чем я думаю? – Дуболом повертел в руках ошейник с отмычкой и отдал Питеру.

– Похоже, он сомневается и в моем мастерстве, – гном покосился на бешеного. – Слушай, махатель дубинками, может, хватит на сегодня сомнений. Пит, давай еще раз проговорим наш план.

Друзья сели вокруг стола. Леди Фелиция, до этого дремавшая у камина, заговорщицки подмигнула племяннику и пододвинула кресло поближе к гостям. Когда все внимание было приковано к Бернсу, он еще раз посвятил товарищей в тонкости своего отчаянного плана.

– Выходим, когда стемнеет. Пойду я, Расмус и кот. Дуболом, только без возражений. Ты с Весельчаком остаешься с тетей, на случай, если Боннита все же решится обыскать со своими ищейками дом. Как только мы дойдем до Мрачных Чертогов, в игру вступает Пушистый. Он проникает через стену во двор тюрьмы и находит нужную камеру.

– Так поиски до утра могут затянуться, – Дуболом все еще сомневался в стопроцентной реализации плана. – Как, по-вашему, зверюга найдет нужное окошко? И он точно понял, что надо делать?

Кот фыркнул, сделал на столе поворот на девяносто градусов и повернулся к бешеному пушистым задом, при этом как можно выше задрал хвост.

– Нет, вы только посмотрите, какие мы обидчивые, – засмеялся Весельчак.

– Камера находится на восточной стороне, поэтому поиски значительно сократятся, – Питер попытался убедить Дуболома. – К тому же Пушистому незачем прыгать в каждое окно. У него острый слух, и он без особого труда определит нужную камеру по голосу пленников.

– Главное, чтобы Пушистый нашел Драчуна в добром здравии, иначе остальные долго будут соображать, зачем к ним послали кота.

– Чирей тебе на твой длинный язык, – Питер погрозил кулаком гному. – И так попали в передрагу, что врагу не пожелаешь, а тут ты еще раскаркался. Пушистый, расскажешь наш план Драчуну, и можешь обратно линять через окно, сделаешь?

Кот звучно мяукнул, важно прошелся по столу и улегся рядом с леди Фелицией. Графиня почесала его за ухом, и Пушистый блаженно замурлыкал.

– Если все пройдет гладко, и нашим арестантам удастся улизнуть из тюряги, нужно как можно быстрее добраться до особняка, – сказал Питер.

– На своих двоих далеко не уйдете, – Весельчак потянулся за остатками пирога.

– Так никто и не говорит, что мы будем добираться пешком, – Питер поближе пододвинул поднос бешеному. – Возьмем лошадей. Двоих оседлаем, а третью поведем в поводу. Больше брать не имеет смысла. Не стоит привлекать лишнее внимание целым эскортом. Ко мне сядет гринч, вудс поедет с Расмусом, а на третьей кобылке Батька с Лисом.

– А если по дороге все же повстречается любопытный патруль? – резонно заметила графиня. – Весь план может пойти насмарку. Возьмете мою карету. Это куда удобнее, а главное, безопаснее. К тому же экипаж с фамильным гербом Бернсов стража не посмеет остановить.

– Мадам, я вами восхищен, – Расмус, сидевший рядом с леди Фелицией, наклонился и поцеловал ей руку.

Графиня, как того требует этикет, сделала легкий кивок головой в знак признательности и улыбнулась.

– Я признаю, что план ни так уж и безнадежен, – Дуболом наконец-то прозрел. – Но каковы наши дальнейшие действия? Мы не можем сидеть в особняке вечно, пользуясь гостеприимством графини. Надо уходить из города. А судя по вашим рассказам, Боннита нас так просто не выпустит.

– Милорд, Дуболом прав, – согласился с товарищем Весельчак. – Нам нечего и думать, чтобы покинуть Монервиль через городские ворота. К тому же, не сегодня, так завтра наместник наверняка установит слежку за домом. А тогда все шансы на бегство приравниваются к нулю. Да и скоро всем станет ясно, кто содействовал нашим друзьям побегу из тюрьмы. Леди Фелицию еще обвинят в укрывательстве преступников. Чтобы на графиню не пали подозрения, нужно уходить сегодня же ночью. Но вот каким образом покинуть город незамеченными – ума не приложу.

– Может, воспользуемся грифоном, – предложил гном. – Подъедем поближе к городской стене, и он каждого из нас переправит по воздуху.

– Не пойдет, – замотал головой Питер. – Это воздушное путешествие займет уйму времени, да и риск, что нас заметят дежурившие на стенах лучники, очень велик. К тому же Руби не под силу будет поднять в воздух лошадей, а без них мы далеко не уйдем.

– Есть один вариант, но о нем поговорим немного позже, – графиня перестала чесать кота и встала из-за стола. – Во времена постоянных войн с Ренином мой прадед приказал слугам вырыть туннель, на тот случай, если вражеские войска захватят город, и мы бы могли беспрепятственно выбраться из него. Землю приходилось вывозить целыми телегами за пределы Монервиля, подальше от любопытных глаз. Работы держались в строжайшем секрете. Если бы об этом стало известно наместнику, нас бы обвинили в трусости и измене. Один раз все же подозрения пали на нашу семью. Какой-то егеря увидел, как слуги сваливают землю недалеко от лесных угодий, и доложил градоначальнику, обвинив нас в колдовстве. Однако его слова не были приняты всерьез и егерю за клевету отрубили голову. Работа шла ни один месяц, но туннель все же был вырыт. Однако никто из нашей семьи так ни разу им и не воспользовался. Когда я была совсем еще девчонкой, я спускалась туда со своим отцом. Но далеко мы не заходили. Поэтому я не знаю, в каком состоянии сейчас находится подземная галерея.

– Тетушка, ты в который раз выручаешь нас из беды, – Питер обнял графиню и поцеловал в щеку. – Однако ты не сказала, куда ведет этот туннель.

– В подвале есть небольшой лаз, который уходит вниз. – Затем начинается сам туннель. Он тянется под землей на несколько миль, и я даже не могу точно сказать, где он заканчивается. Знаю лишь, что если дойти до конца, то можно оказаться далеко за городскими стенами.

– А если туннель обрушился, ведь с тех пор прошла уйма времени, или выход окажется завален, – резонно заметил Весельчак. – Тогда нам уж точно из города ни за что не выбраться.

– Я думаю, маловероятно, – предположила графиня. – Туннель строили на века, чтобы им могли пользоваться не одно поколение Бернсов. А вот с выходом придется немного попотеть. Я слышала, что он заложен валуном. Но для таких силачей, как вы, сдвинуть в сторону

камушек и поставить его на прежнее место не составит большого труда. Что же, вы пока все обдумываете, а я пойду, распорядюсь, чтобы слуги готовили экипаж.

* * *

Заговорщики смотрели из окна длинного заброшенного дома, в котором раньше располагались солдатские казармы, на мрачное здание городской тюрьмы. В комнате пахло затхлостью и плесенью. На полу лежала полувековая пыль. С потолка ключьями свисала дряхлая паутина, напоминающая волосы старухи.

– Апчхи, – Питер вздрогнул от неожиданно громкого звука, который разнесся по коридорам пустого дома, готовый вырваться наружу и выдать их присутствие караульным, дежурившим у ворот Мрачных Чертогов.

– Тссс, – прошипел Бернс гному. – В следующий раз, когда на тебя нападет чих, будь добр, закрывай рот ладонью.

– Извини, просто пыль так и лезет в ноздри, – Расмус для убедительности шмыгнул носом.

– Потри переносицу, говорят, это помогает, – посоветовал Пит.

Кот сидел на подоконнике и к чему-то прислушивался.

– Ты все понял? – Питер попробовал, хорошо ли на кошачьей шее затянут ошейник с болтавшейся на колечке отмычкой. – Дружище, на тебя вся надежда. Скажи Драчуну, чтобы действовали без промедления. Темнота – наш союзник. Мы должны воспользоваться ее помощью и вернуться в особняк до рассвета. Будем ждать вас здесь. Если что, придем на подмогу.

Пушистый пристально посмотрел в глаза человека, и Питер понял, что животное делает все как надо. Котяра спрыгнул с подоконника на улицу и направился к зданию тюрьмы. Пушистый легко взял трехметровую высоту стены, быстро осмотрелся и спрыгнул вниз. Услышав шаги стражника, кот шмыгнул к низкорослым кустам и замер. Человек был невероятно пузатым. Казалось, что каждое движение давалось ему с большим трудом. Примерно через каждые двадцать шагов он останавливался, чтобы передохнуть. Пушистый пристально следил за стражником. Вот он в очередной раз остановился, чтобы перевести дух. Постояв с полминуты, пузатый человек, обливаясь потом, двинулся прочь. Дождавшись, когда страж отойдет подальше, котяра выбежал из кустов и подбежал к стене, где располагались окошки камер, за которыми томились пленники. Подойдя к ближайшему из них, животное напрягло слух. Камера за стенкой оказалась пуста. Зверь не услышал ни храпа, ни дыхания спящих. Только слабый шорох крысиных лап.

Подбежав к следующей камере, Пушистый резко сел, остервенело почесал за ухом задней лапой, выгоняя надоедливую блоху, и прислушался. Из окошка доносился слабый шепот. Разговаривали двое. Один разбойник уговаривал своего товарища взять всю вину за ограбление ювелирной лавки на себя. Взамен он обещал отдать часть спрятанной добычи и выволить друга из тюрьмы. Его подельник не соглашался на уговоры, так как ни на грош не верил своему сокамернику. Когда разговор перешел на ругань, и заключенные сцепились, Пушистый подбежал к следующему отверстию в стене.

Оттуда доносился залиvistый храп, между промежутками которого зверь услышал тихое посапывание. Кот узнал храпуна. Такие трели может выводить только его лесной друг. Немного отойдя от стены, животное напрягло мышцы и совершило прыжок, который сделал бы честь любому циркачу-акробату. Оказавшись на окошке, котяра не спешил спускаться вниз. Он оглядел каждый закоулок камеры и убедившись, что кроме арестантов в ней больше никакого нет, спрыгнул вниз.

– ААА-ааааааа, – Лис истошно закричал, снял ботинок и запустил в Пушистого.

– Чтоб тебя Шахир разодрал, – гневно пробасил проснувшийся от воплей Батька. – Ты чего орешь как полоумный?

– Там, крыса, огрооомная, – Лис показал рукой на темный силуэт посреди камеры.

– Пушистый, – не поверил своим глазам Драчун. – Как ты сюда попал, старина?

– Пушистый? – неуверенно спросил Лис, все еще думая, что это гигантский грызун.

Приглядевшись, бешеный узнал в ночном визитере зверька Драчуна. Котяра сиганул на вудса, радостно замурлыкал и облизал ему нос.

– Эй, зверюга, ты как нас нашел? – Смоки был вне себя от счастья. – Ты что, подкоп сделал?

– А ну тихо, – вудс к чему-то прислушивался.

– Что происходит? – насторожился Батька.

– Ничего особенно, просто Пушистый рассказывает ему новости, – ответил за вудса Смоки.

– Как это? – шепотом спросил Лис.

– У него с котом особая связь, – пояснил гринч. – Они могут понимать друг друга, причем иногда даже без слов.

– Да замолчите вы наконец, – вудс потряс кулаком.

Друзья сидели молча, удивленно уставившись на странную парочку. А удивляться было чему. Пушистый издавал различные кошачьи звуки: мяукал, мурчал, повизгивал. Вудс слушал кота, изредка кивая головой и иногда переспрашивая своего хвостатого друга.

– Ты уверен? Они прячутся в здании напротив? Гениальная идея, а если не получится?

Сама ситуация выглядела нелепой. Но никому из товарищей по несчастью даже в голову не пришла мысль усомниться в здравости своего рассудка. Им не терпелось узнать, о чем же беседуют кот и его хозяин.

– В общем, дело обстоит так, – Драчун потрепал Пушистого по холке и рассказал друзьям план побега.

* * *

Лис стоял на коленях перед дверью камеры и вовсю орудовал отмычкой в замочной скважине. Друзья стояли чуть позади в предвкушении долгожданной свободы. Батька шумно сопел, Смоки в нетерпении переминался с ноги на ноги. Драчун и Пушистый о чем-то переговаривались.

– Может, хватит дышать мне в затылок и топтать, как стадо безумных единорогов, – не оглядываясь прошипел Лис. – Из-за вас я не услышу щелчка.

В миг воцарилась тишина, и арестанты отошли к дальней стене камеры, чтобы не мешать. Раздалось короткое жужжание – отмычка задела пружину. Затем послышался щелчок и замок, наконец, открылся.

– Я смотрю, ты и вправду до того, как податься в бешеные, промышлял воровством, – не удержался от замечания десятник.

– Ну, ты тоже был недобропорядочным подданным королевства, – хмыкнул Лис и осторожно выглянул за дверь.

По ту сторону камеры царил полумрак. В конце коридора слегка потрескивал факел. Бывший вор дал знак товарищам выходить из темницы. Неслышно, будто призраки, они двинулись в сторону караульного помещения. Дверь была слегка приоткрыта. Лис заглянул через небольшую щель в караулку и что-то зашептал Батьке, который передал информацию по цепочке. Смоки, шедший последним, показал большой палец.

В комнате находилось двое тюремщиков, которые играли в кости за единственным столом. Лис молниеносно оказался за спиной у одного из стражей и ловко ударил двумя пальцами в болевую точку в месте сочленения затылка и шейного позвонка. Второй тюремщик замешкался, пытаясь выхватить из ножен короткий меч. Но бешеный кулаком свалил его на пол, а подоспевший Батька ловко отключил противника старым пиратским приемом. Драчун пошарил в шкафу и достал оттуда большой моток веревки. Смоки помог ему связать тюремщиков. Пушистый мигом выскочил на улицу и, вернувшись через минуту, о чем-то «зашептался» с вудсом.

– Один страж стоит на воротах, другой дрыхнет в будке – перевел Драчун. – Обходчиков пока не видно.

– Вудс, – обратился Батька. – До ворот далековато, и пока мы доберемся до стража, тот поднимет такой крик, что сюда сбежится вся городская гвардия. Твой звереныш сможет как-то отвлечь тюремщика?

Драчун еще ничего не успел ответить, как кота и след простыл. Лис наблюдал через приоткрытую дверь караулки, что происходит на улице. Пушистый подкрался к стражу и громко мяукнул. Капрал, стоящий на воротах, вздрогнул и машинально выставил вперед алебарду. Однако увидев, что перед ним всего лишь кот, опустил грозное оружие.

– Эй, киска, ты откуда тут взялась? – страж протянул руку, намереваясь схватить зверя за шкуру.

Едва ладонь коснулась животного, как Пушистый отпрыгнул, а затем вальяжно направился к двери караулки. На пороге он, мурлыча, потерся о косяк и скрылся в помещении.

– Так вот оно что, – охранник направился следом. – Эти два олуха притащили на дежурство блохастую тварь. Ну, они у меня попляшут.

Страж переступил порог караулки и вошел внутрь.

– Что, совсем последние мозги..., – капрал не успел договорить и повалился на пол к своим сослуживцам.

– Вот, Шахир, у этого тоже ключей нет, – обыскав капрала, выругался Лис. – Наверное, они у стражника в будке.

– А отмычка тебе на что? – спросил Смоки.

– С ней долго возиться, обходчики могут заметить.

– Все, кончаем молоть языками, время не ждет, – махнул рукой Батька в сторону двери.

Выбежав из караулки, друзья столкнулись нос к носу с тем самым пузатым обходчиком, от которого прятался в кустах Пушистый. Толстяк уставился на заключенных огромными немигающими глазами, в которых читался страх. Драчун поднял с земли небольшой камень и метнул его в стражника. Пузатый тут же упал с окровавленной головой.

– А нельзя было обойтись без жертв? – недовольно проворчал Батька. – Если на нас повесят еще и убийство, точно сгнием за решеткой.

– Да ничего с ним не станется, – усмехнулся вудс. – Через полчаса уже придет в себя и будет рассказывать начальнику тюрьмы, как он в одиночку пытался задержать четверых арестантов.

– Пошли уже, горемыки, – поторопил товарищей Лис. – Погостили, пора и честь знать.

Бешеный стоял с довольным видом возле будки. Из раскрытой двери торчали ноги охранника, который так и не проснулся от громкого падения толстяка. В руке Лис держал кольцо с ключом от тюремных ворот.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Перед тем, как беглецам спуститься в туннель, тетушка Фелиция дала им последние наставления и пообещала позаботиться о лошадях. Слуги должны были запрячь животных, а в повозки сложить провиант, одежду и упряжь, спрятав все это среди тюков с солью, табаком и специями для полной конспирации. Графиня уверяла, что при выходе из города со стражей не возникнет проблем. Фелиция Бернс слыла в Монервиле знатной купчихой и частенько снаряжала подобные торговые караваны как в города Катерии, так и далеко за пределы королевства. Ну а если все-таки стража начнет совать свой нос не в свои дела, пара-тройка золотых умерит их чрезмерное любопытство.

Слугам было приказано ждать беглецов в трех милях к юго-востоку от города, в подлеске близ Ведьминого холма, где с каждой повозки распрягут по лошади и передадут путникам вместе с их нехитрым скарбом. После чего караван с товаром отправится в Эстрад. Но до этого отряду предстоит пройти долгий и утомительный путь.

В туннеле было холодно, сыро и воняло дохлыми мышами, от чего друзья старались дышать ртом.

– Меня сейчас стошнит, – Лис шел во главе колонны, освещая путь факелом. – Завидую я гринчу. Взобрался на свою оголтелую птицу, и был таков.

– Грифон бы сюда не пролез, – ответил Питер. – К тому же мы можем легко заплутать, отыскивая Ведьмин холм, а Смоки с воздуха с легкостью укажет нам направление.

– Ага, если он нас увидит, – усомнился Дуболом. – К тому же, птичка гринча будет видна с земли, и отряд могут накрыть раньше, чем мы доберемся до своих лошадок. Да еще неизвестно куда выведет это подземелье – ваша тетушка говорила, что туннель здорово петляет.

– Графиня говорила, что туннель вероятней всего выходит между Южными и Восточными воротами, поэтому Смоки будет патрулировать именно этот участок, – ответил за Бернса Драчун. Вудс посильней заправил рубаху в штаны, иначе Пушистый, дремавший у него за пазухой, рисковал сползти вниз.

– Вряд ли Руби заметят с воздуха, – уверенно произнес Питер. – Он может парить на такой высоте, что будет казаться дежурившим на городских стенах солдатам маленькой птахой.

– А что это за Ведьмин холм? – спросил Лис. – Лично мне его название не предвещает ничего хорошего.

– Что, уже в штаны наложил? – засмеялся Пакостник, шедший следом за Лисом.

– За языком следи, а то вырву, – обиделся бешеный.

– Есть у местных одна легенда, – начал припоминать Питер. – Мне ее тетушка рассказывала, когда я был еще ребенком. А правда это или нет – решать вам. В те далекие времена Монервиля и в помине не было. На его месте стояла деревушка. Жила в ней красавица

Лана, дочь кузнеца. От женихов у нее отбоя не было. Приходили к отцу просить ее руки не только местные парни, но и молодые люди из соседних селений. Но девушка отказывала своим воздыхателям – сердце ее было уже занято. Любила она одного пастуха. Парень был сирота. Мать Бранко умерла еще при родах. А отца в лесу медведь задрал, когда мальчишке и десяти лет не было. Кузнец вначале противился такому союзу. Ну, что нищий малец может дать его дочери? А потом смягчился и благословил влюбленных на брак. Несмотря на помолвку и скорую свадьбу, красавица Лана не давала покоя сыну мельника. Йона был с детства влюблен в белокурую богиню. Он всегда болезненно реагировал, когда к девушке толпой хаживали женихи. А когда узнал о скорой свадьбе Бранко и Ланы – совсем обезумел. Что только Йона не делал: умолял пастуха передумать, сулил ему денег, угрожал – все напрасно. Вот тогда и решился сын мельника на отчаянный поступок. В нескольких милях от деревни у холма жила ведьма. Поговаривали, что старуха продала душу Шахиру и якшалась с демонами. И хотя в окружении нечистой силы ее никто не видел, все же местные старались держаться от нее подальше. Достаточно было одного взгляда на чернокнижницу, как у селян внутри все холодело. Глаза ее будто выжигали человека изнутри ледяным пламенем. Обезумевший от пылкой любви Йона решился обратиться к ведьме за помощью. Парень думал, вдруг старуха, ведающая тайным знанием, поможет приворожить непокорную девицу. Йона залез в тайник под полом, где отец хранил золотые монеты, набил ими небольшой кошелек и, когда стемнело, пошел к холму. Подходя к избушке, сын мельника так трясся от страха, что у него клацали зубы. Не успел Йона поднять руку, чтобы постучать в дубовую дверь, как та отворилась сама собой. В избе царил полумрак. Одну единственную комнату освещал огонек свечи. Старуха, ухмыляясь беззубым ртом, с любопытством смотрела на юношу. Йона весь сжался от ужаса и хотел убежать, но любовь к прекрасной Лане оказалась сильнее. Ведьма велела гостю сесть и молвить о причине столь неожиданного визита. Парень, заикаясь, поведал старухе о своем желании. Служительница Шахира обещала помочь его горю. Когда Йона высыпал на стол золотые монеты, хозяйка избушки зловеще рассмеялась. Она потребовала другой платы за свою черную услугу – его душу. Юноша обрадовался, что сумел так легко выторговать себе любовь недоступной девушки и сберечь отцовское золото. Ведьма дала ему приворотное зелье. Старуха заверила, что если девушка выпьет колдовской отвар, то влюбится в того, кому первому посмотрит в глаза. Затем ведьма достала с полки свиток, прочла заклятие и слегка надрезала ножом запястье юноши. Как только первые капли крови упали на свиток, за окном избы грянул гром, и комнату озарили всполохи молний. Через несколько секунд все смолкло. Йона схватил со стола пузырек с зельем и выбежал из ведьмино дома. На утро юноша пришел в дом кузнеца с намерением поздравить девушку с помолвкой. Лана обрадовалась, что сын мельника больше не будет мешать ее счастью. Белокурая красавица предложила гостю выпить чая. Йона согласился. Когда девушка разлила горячий напиток и пошла на кухню за сладостями, юноша подлил ей в чашку колдовское снадобье. Лана принесла имбирное печенье и, угостив им гостя, сделала глоток. И тут их глаза встретились. У деревенской красавицы закружилась голова, и она упала в обморок. Йона испугался, что ведьма его обманула и вместо зелья подсунула яд. Парень склонился над бесчувственным телом своей возлюбленной. Когда девушка открыла глаза и увидела перед собой Йону, она обвила руками его шею и страстно поцеловала. В этот же день зачарованная невеста расторгла помолвку с Бранко и объявила отцу, что выходит замуж за сына мельника. А в день свадьбы случилась трагедия – ведьма потребовала с Йоны должок и призвала его душу. Жених умер прямо за праздничным столом. Приворотное зелье сыграло свою роковую роль. Девушка, обезумев от горя, схватила со стола нож и вонзила его себе в грудь. А спустя два дня Бранко нашли повесившимся на дереве недалеко от собственного дома. Вскоре после печальных событий избушку чернокнижницы вместе с ее хозяйкой сожгли. Сделал это сам мельник со своими братьями. Перед самой свадьбой Йона проболтался отцу,

каким способом ему удалось влюбить в себя девушку. С тех пор у ведьминога холма глубокой ночью путники видят три призрачных фигуры: жениха, невесты, и бедного пастуха.

– Да, жутковатая концовка, – поежился Лис.

– Бу, – крикнул Пакостник ему в ухо и слегка ударил пальцами под ребра.

Лис подпрыгнул и завизжал, едва не выронив факел. По колонне прошелся дружный хохот.

– Вот одно слово, пакость, – буркнул Лис. – Только и способен на всякие гадости. Ну ничего, долг платежом красен. Я когда-нибудь тебе это припомню.

Смех смолк, и в подземелье воцарилось молчание. Туннель повернул влево и резко пошел вниз. Коридор стал шире, а потолка уже не было видно в свете факелов. Далеко впереди что-то мерцало. Словно сотни светлячков носились по подземелью. Чем дальше друзья продвигались вперед, тем отчетливей становилось свечение. Влажность усилилась, а вместе с ней в ноздри начал проникать затхлый запах стоячей воды. С каждым шагом туннель расширялся все больше, и вскоре отряд вышел к небольшому озерцу. Вокруг него действительно летали тучи насекомых.

– Странно, – почесал в затылке Расмус. – Твоя тетушка ничего не говорила про подземное озеро.

– Думаю, что она и сама не знала о его существовании, – ответил Питер.

– Наверное, в этом месте бьют подземные ключи, вот и образовался водоем, – предположил Драчун.

– А откуда взялись эти сверкающие насекомые? – Лис с недоверием разглядывал светлячков.

– Не бойся, не укусят, – успокоил его Весельчак.

– Бзззззззз, – Пакостник изобразил звук насекомого и хотел ущипнуть Лиса, но в полумраке перепутал того с Батькой, за что заработал от десятника подзатыльник.

– Интересно, здесь глубоко? – Дуболом приблизился к краю озерца, в котором отражались мириады светлячков, и опустил дубинку. Та полностью скрылась в воде. – Похоже, что глубина приличная. Я туда не полезу.

– Одолжи на минутку, – попросил дубинку Драчун. – Кажется, у меня есть идея.

– Только не урони, а то сам за ней ползешь.

Вудс зашел с правой стороны черного, как смоль, водоема, и опустил дубину в воду. Раздался тихий всплеск, и Драчун шагнул вперед.

– Ну, что там? – голос у Дуболома был взволнованный. – Это ты плюхнулся или моя дубинка?

– Какого Шахира он делает? – Батька тщетно напрягал зрение, пытаясь разглядеть манипуляции вудса.

– Ну что, долго вас еще ждать? – крикнул Драчун, стоя уже на другом берегу. – Не бойтесь, справа есть небольшой выступ, и вода там всего лишь по щиколотку.

– Молодца, вудс, – похвалил Батька и начал переправляться на другой берег.

– Не нравится мне эта водица, – Лис с брезгливостью смотрел, как ноги гнома скрылись в воде чуть ли не по колено из-за его маленького роста.

– Что, боишься ножки замочить? – засмеялся Весельчак, входя в воду.

– Нет, просто не хочу всю дорогу вонять. Может, ты меня на себе перетащишь, а я тебе разок дам у себя в кости выиграть?

– Ага, нашел дурака. Вон Пакостника попроси. Пусть тебя на своем горбу возит.

– Нет, я лучше сам, – скривился Лис и, зажав двумя пальцами нос, опустил ногу в вонючую жижу.

– Сейчас я его уделаю этого чистоплюя, – Пакостник хотел было войти в воду, но Дуболом преградил ему путь.

– Хватит уже, не до твоих шуточек. Я иду следом, а то, чего доброго, еще скинешь Лиса. У тебя ума хватит.

Пакостник только пожал плечами и дождавшись, когда Дуболом доберется до берега, подошел к выступу. Внезапно мотыльки заволновались, затеяв над озером какую-то дикую пляску. Затем они начали собираться в рой, образовав огромный светящийся шар, который завис у самого верха туннеля. Пакостник остановился, разинув рот. Отряд, стоящий на другом берегу, также не отрывал глаз от шара. Вдруг в наступившей тишине раздался слабый гул. А потом из земляной стены рядом с Пакостником вылез серый червяк размером со змею. Еще два подземных создания показали на уровне колен бешеного и кольцом обхватили его ноги. Пакостник закричал и свалился в воду. Усердно молотя руками, он плыл к своим товарищам.

Тут позади него из черной жижи взметнулось щупальце, похожее на тех самых червяков, только в несколько раз толще и длиннее. На берегу друзья что-то кричали и размахивали руками. Но Пакостник их не слышал. Он плыл, одновременно стараясь увернуться от щупальца, которое норвило его схватить.

Драчун метнул звездочку в неведомого врага. Раздался пронзительный рев, полный боли и отчаяния, от которого резало слух. Преследователь взмыл вверх, и в свете мотылькового шара приятели увидели, чем щупальце издает эти ужасные звуки. Прямо посередине серого туловища у подземного обитателя был рот, полный острых зубов. Пакостник обернулся и похолодел от ужаса. Это неприятное зрелище прибавило ему сил. Он доплыл за считанные секунды

и, стрелой вылетев на берег, дал стрекача, не разбирая дороги. Остальные члены отряда бросились за ним.

Удалившись от водоема на приличное расстояние, друзья остановились, чтобы перевести дух.

– Ух, что это было, – запыхавшийся гном пытался восстановить дыхание.

– Милорд, ваша тетушка не предупреждала нас о монстрах, которые обитают в этом туннеле, – Батка стоял посередине подземного коридора и озирался по сторонам.

– Думаю, леди Фелиция сама не знала про озеро, – Питер вытер пот со лба. – Да здесь никогда и не слышали о подобных тварях.

– Знать бы, какую еще нечисть придется повстречать до выхода из подземелья, – Лис достал кинжал и крепко сжал его в ладони.

– А что, если эти черви вовсе здесь и не обитают? – предположил Расмус.

– Ты это о чем, а, гном? – спросил Дуболом бородача.

– Думаешь, это дело рук Дейтмара? – Питер угадал мысли гнома.

– Я не исключаю такого варианта, – ответил Расмус. – Иначе как объяснить всю эту мистическую чушь, которая с нами приключилась. Тебя же предупреждал магистр, что этот чародей будет строить нам козни, пока не добудет себе амулет. Да посудите сами. Узкий туннель, вдруг ни с того ни с сего резко расширился, и бац – на нашем пути встает зловонное озеро, вокруг которого летают светляки. А потом появляются гигантские черви и хватают нас за ноги.

– Не вас, а меня одного, – поправил гнома Пакостник.

– Это неважно, – отмахнулся гном. – На твоём месте мог оказаться любой из нас. Важно то, что эти черви не знали, у кого находится амулет и кого именно нужно пихать в озеро на съедение клыкастому щупальцу.

– Нападение волков и червей – почерк явно одного мастера, – сказал Весельчак. – Хотя вот так сразу и не подумаешь.

– Пошли, – велел Питер. – И будьте настороже. Держитесь от стен подальше и смотрите под ноги, мало ли, вдруг земля разверзнется, и мы все полетим в пасть к Шахиру.

Батка как можно выше поднял факел, чтобы лучше видеть дорогу. Впереди была все та же тьма и пугающая неизвестность. Шутить уже никому не хотелось. Вечно неунывающий Весельчак шел вслед за Баткой и высматривал из-за плеча десятника скрытую угрозу. Пакостнику тоже отбили охоту издеваться над товарищами. Купание в озере и бегство от водяного обитателя охладили его пыл ко всякому озорству. Он замыкал шествие, так как от его одежды исходило жуткое зловонье, и никому из впереди идущих не хотелось вдыхать все эти «ароматы».

Пакостник заметно нервничал. Он каждую секунду ждал удара в спину и постоянно оглядывался. Бешеный очередной раз оглянулся назад и налетел на Дуболома. Процессия остановилась. Пакостник выглянул за спину товарища и увидел, как Батька освещает факелом левую стену.

– Что там еще? – голос у Лиса был встревожен.

– Опять черви? – Пакостника прошиб холодный пот, и он неосознанно прижался к Дуболому.

– А ну отлипни от меня, вонючка, – бешеный отшатнулся от приятеля.

– Дела принимают необычный оборот, – обратился Батька к отряду. – В этом месте туннель раздваивается. Разглядеть толком ничего не удастся, но боковой рукав шире, чем основной коридор. Что будем делать?

Все уставились на Питера. Молодой лорд не понимал, откуда могло взяться ответвление и, собственно говоря, зачем? Может, строители специально хотели сделать боковое отверстие, чтобы запутать преследователей и пустить их по ложному следу? Или это опять происки Дейтмара? В таком случае навязчивость колдуна пугала и раздражала одновременно.

– Если бы я знал, – развел руками Пит. – Тетушка говорила, что туннель может поворачивать, но ни о каком ответвлении речи не шло. Я думаю, разумней будет идти вперед.

– А если ты ошибаешься? – Драчун был настроен продолжить путь по боковому проходу. – Мы не можем себе позволить тыкать пальцем в небо.

– Ну, если тебе так хочется, иди и проверь, – буркнул Дуболом. – А мы тебя подождем у входа.

Драчун поглядел на Питера.

– Только будь осторожней, – попросил молодой лорд. – Далеко не заходи. Если что-то покажется тебе странным, сразу беги обратно.

– Пит, возьми Пушистого, не хочу лишний раз рисковать его шкурой. – Кот издал протестующее мяуканье, но вудс был непреклонен.

Драчун только собирался шагнуть в боковой коридор, как его окликнул гном:

– Подожди, у меня есть идея получше.

Расмус снял свой сапог и запустил его в сомнительное ответвление. Следом за ним полетел и второй.

– Ты чего, борода, у озера испарений нанюхался? – ошалел Весельчак. – Или тебе сапоги жмут?

Гном поднял руку, призывая Весельчака к молчанию. Все уставились в коридор, кое-как освещенный отблесками факелов. Прошла минута, затем другая.

– Да, затейка оказалась тухленькой, – Расмус подошел к отверстию и хотел было пойти за своими сапогами, как земля по обеим сторонам бокового прохода сошлась со стонущим звуком.

Все отшатнулись назад, в изумлении раскрыв рты. Набравшись храбрости, Лис подошел к тому месту, где только что был проход, и погладил рукой землю – рукава как не бывало.

– Опять колдовство, – только и сумел выговорить потрясенный Дуболом.

– Ну, ты, гном, и голова! – похвалил Батька. – Как догадался о ловушке?

– Сам не знаю. Когда Драчун собирался туда лезть, меня словно молнией шибануло. Сразу понял, что место гиблое.

– Спасибо, приятель, с меня должок, – поблагодарил вудс.

– Сочтемся, – гном хлопнул друга по плечу. – Вот только сапоги жаль. Новые еще были, кожа добротная. Я их на топор выменял.

– Потерпи, вот выйдем из этого проклятого туннеля, раздобудем тебе обнову, – пообещал десятник.

Отряд двинулся дальше. Половина пути была пройдена, и товарищи по оружию перешли на быстрый шаг, желая поскорей покинуть мрачное подземелье. Оставшуюся часть пути они прошагали без происшествий. Ну, или почти без них...

Шедший впереди Лис громко простонал:

– Ооо, только не это.

– Что опять стряслось? – Батька растолкал воинов и подбежал к Лису.

– Здесь тупик, – ответил бешеный. – Похоже, опять колдун потешается.

– Не может быть, – Питер ощупал стену. – Нет, это не колдовство. Кажется, мы все-таки дошли до выхода. Земля утрамбована неплотно и местами уже осыпалась. Я думаю, если мы немного копнем, то через несколько минут будем уже дышать свежим воздухом.

– Чем копать собираешься? – осведомился Смоки. – У тебя что, лопата где-то завалялась?

– А ну-ка, давай все дружно навалимся, – Пакостник первый показал пример и начал пальцами ковырять преграду. Куски земли летели в разные стороны. Пушистый издали смотрел на роющих землю людей, периодически вылизывая мех. Кот явно не собирался принимать участие в этом грязном деле.

– Ай, – Весельчак отскочил от стены, прижимая к рубахе содранные в кровь пальцы. – Я обо что-то поранился.

– Да, здесь огромный валун, – Расмус похлопал по камню. – Как и говорила графиня.

– Он только на вид тяжел, – Питер попробовал в одиночку отодвинуть камень.

Валун немного качнулся в сторону и встал на прежнее место. Батька, Дуболом и Драчун поспешили на подмогу. Навалившись, друзья сдвинули камень с места. В глаза резко ударил солнечный свет, ослепив невольных узников подземелья.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Стол в кабинете наместника Монервиля разлетелся на мелкие щепки. Затем в воздух поднялся стул и полетел в Бонниту. Градоначальник не успел увернуться, и предмет мебели ударил его прямо в голову. По лицу потекла кровь, струившаяся из раны на лбу. Вжавшись в угол, наместник трясся от страха. Он еще никогда не видел в такой ярости своего господина.

В кабинет вбежал секретарь Бонниты и в оцепенении застыл на пороге, уставившись на незнакомца в плаще. Чародей вмиг оказался рядом с потрясенным служкой, сдавил его горло, приподнял над полом так, что ноги секретаря задергались в каком-то безумном танце, и с чудовищной силой отбросил от себя. Тело человека ударилось о стену. Голова раскололась, будто спелый орех. Бонниту вырвало, и он отвернулся.

Дейтмар подошел к своему рабу.

– Смотри, если не настигнешь беглецов, тебя ждет куда худшая участь, чем это насекомое. – Колдун кивнул головой на труп секретаря, сплюнул и вышел за дверь.

Чародей был взбешен. Два раза он пытался заманить в ловушку этих выродков за сегодняшний день, и два раза его оставили с носом. Его – бессмертного чародея, повелевающего судьбами людей. И кто – какой-то сопляк и кучка его приспешников, мнящих себя великими воинами.

Чародей вернулся к событиям последних часов. Он сидел в смежной с кабинетом наместника комнате и находился в трансе. Дейтмар видел, как члены отряда идут по подземному туннелю, но об их местонахождении он не имел ни малейшего понятия. Его астральное тело парило над теми, кого он так жаждал уничтожить больше всех на свете. Молодой Бернс шел в каких-то сантиметрах от него. Достаточно было свернуть шею этому цыпленку и сорвать с него амулет, но бестелесный дух был бессилен что-либо сделать. Ему ничего не оставалось, как добиться своего с помощью природной магии.

Он вернулся в свое тело, представил туннель, по которому движутся ненавистные ему людишки и принялся накладывать чары. Чародей призвал из глубин подземные воды, образовавшие озерцо. Заклинание сделало воду зловонной. Из элементов земли были созданы черви. Их цель – напасть на мальчишку и завладеть амулетом. Очередного монстра он поселил в самом озере. Его задачей было помешать людям перебраться на другой берег, и также по возможности добыть амулет.

Но все пошло не так, как он задумал. Глупые земляные создания, наделенные примитивным разумом, все испортили. Они пропустили почти весь отряд и в итоге схватили не того, кого нужно. А озерное чудовище должно было выпрыгнуть из воды, попытаться сцапать молодого Бернса и утащить его на глубину, а не гнаться за его недоразвитым приятелем. И на все это чародейство он потратил огромное количество энергии. Поэтому на вторую ловушку сил практически не осталось. Пришлось довольствоваться малым – создать обманный коридор. Если бы эти жалкие людишки зашли в западню, то через минуту с ними было покончено. Они бы просто оказались погребены под толстым слоем земли. Остальное – дело времени: разыскать потайной коридор, откопать мертвецов и взять амулет. Но нет. Этот бородатый кривоногий гном все испортил.

Теперь вся надежда на недотепу Бонниту и его людей. Выход в астрал упростил бы поиск беглецов, но последние крохи силы были израсходованы на метание мебели в кабинете наместника. На восстановление уйдет день, максимум два, так что в интересах Бонниты лучше справиться самому, иначе он приведет свою угрозу в действие. Хотя кого он обманывает, наместник оказался слишком слаб и неисполнителен, и его все равно придется уничтожить.

* * *

Пока одни устанавливали на место валун, другие бегло оглядывали местность. Пушистый отправился на разведку и вернулся с хорошими вестями – Ведьмин холм оказался всего в полумиле от выхода из подземного туннеля.

Добравшись до подлеска, где располагался холм, отряд услышал ржание лошадей. Навстречу воинам вышли несколько человек с обнаженными мечами. В руках Расмуса тут же оказался его чудо-арбалет. Гном прицелился, но опустил оружие.

– По-моему, торговцы твоей тетушки, – сказал он.

Отряд двинулся навстречу слугам графини. Питер посмотрел вверх, крутя головой, тщетно ища в синеве небес грифона с его бесшабашным наездником. Бернс всерьез беспокоился за Смоки.

«Куда это парочка запропастилась, – думал он. – Вдруг с ними что-то случилось. При взлете Руби могли ранить лучники, дежурившие на городских стенах, а раз так, то сейчас гринч находится в руках наместника и его сумасшедшего хозяина».

В голову Питера лезли самые страшные мысли. Он пытался отогнать их, но они прочно засели в его мозгу, и воображение рисовало ужасные картины.

– Волнуешься за Смоки, – догадался Драчун. – Он тертый калач. Я думаю, что скоро объявится.

– Очень на это надеюсь, потому что если он не вернется до вечера, я обратно пойду в город.

– Чародей на это и рассчитывает, – подслушал разговор Батька. – Нам нужно продолжать идти, милорд. Мы и так задержались в Монервиле дольше, чем хотели. Помните, от чумы каждый день гибнут подданные Катерии.

– Я знаю, десятник, знаю, – вздохнул Питер.

– Доброго дня, милорд, – к Бернсу подошел управляющий графини, сопровождавший караван. – Леди Фелиция передала вам два бурдюка с вином, а также вяленую телятину, сыр, хлеб и теплую одежду. Мы распределили поклажу на всех поровну. Лошади уже запряжены. Ах, да, ваш меч.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил Питер, крепя на поясе клинок. – Передайте графине, что я перед ней в неоплатном долгу.

Управляющий кивнул. Молодой лорд потрепал своего гнедого по холке и забрался в седло.

– Как нам выйти на какой-нибудь заброшенный тракт? – спросил Питер.

– Идите вдоль подлеска до самого конца, – ответил управляющий. – Дальше по тропе между холмами. Там будет кладбище Великанов. Сразу за ним – заброшенный тракт.

– А что за кладбище? – поинтересовался Лис. – Там действительно покоятся кости великанов?

– Не знаю, – пожало плечами доверенное лицо графини. – Лично я думаю, что никто там не похоронен. Просто место немного похоже на кладбище гигантов. Там из земли торчат огромные, хорошо отшлифованные камни, напоминающие надгробия. Да ветер так воет, как будто мертвецы стонут.

– Не нравится мне все это, – буркнул Дуболом. – Чую, что местечко явно колдовское.

– Можно, конечно, поехать в объезд, но вас наверняка уже ищут, поэтому рисковать не стоит, – посоветовал управляющий.

Среди караванщиков раздались удивленные возгласы. Посмотрев вверх, Питер с облегчением вздохнул. В небе, нарезая круги, шел на посадку грифон. Маленькая фигурка размахивала руками, норовя свалиться вниз.

– Вот остолоп, – покачал головой Драчун. – Даже сейчас дурачится.

– Как только спустится, я ему его длинные уши оборву, – Питер погрозил Смоки кулаком.

– Тебя где носило, – Расмус подскочил к гринчу. – Мы уж думали, что вас подстрелили лучники.

– Ха, меня голыми руками не возьмешь, – Смоки был явно горд собой. – Мы с Руби летали на разведку. Наместник устроил на нас настоящую облаву. Послал целый отряд на поиски.

– Насколько далеко от нас солдаты наместника? – спросил Батька.

– В нескольких милях отсюда, – гринч показал рукой в западном направлении.

– Сколько их? – поинтересовался Пакостник.

– Человек сорок, может, пятьдесят, я не считал.

– У меня есть план, – вмешался в разговор управляющий. – Мы пойдем в направлении преследователей. У них наверняка возникнут вопросы относительно вас. Мы скажем, что видели какой-то странный отряд и пустим их по ложному следу.

– А это не будет слишком рискованно? – Весельчак поправил меч в ножнах.

– Вовсе нет, – успокоил караванщик. – Нас они не тронут.

– Еще раз спасибо, – поблагодарил Питер. – Храни вас Тог.

Отряд повернул лошадей и направился вдоль подлеска. Караванщики поехали в другую сторону.

– Смоки, полетай по округе, посмотри, а то вдруг наши недоброжелатели решили поменять место поиска.

– Будет сделано, Пит, – гринч шутливо отдал честь и запрыгнул на грифона. Остальные пустили лошадей галопом, пытаясь как можно дальше уйти от преследователей.

Руби поднялся в воздух. С земли он казался не больше ворона. Питер лишний раз подивился зоркому глазу его наездника. Разглядеть с такой высоты людей можно было разве что только с помощью подзорной трубы. Молодой лорд вспомнил случай, как в замке проходил боевой турнир. На состязания съехались воины со всего королевства. Участники дрались на мечах, показывали мастерство владения пращой, метали копья, ну и конечно, стреляли из лука. Смоки тоже приехал на турнир в качестве лучника. Вояки подняли его на смех, когда он записался в участники. И не удивительно. Ведь речные жители не слыли воинами и не владели никаким видом оружия, разве что только ножом, да и тем чистили рыбу. Но гринч с улыбкой стерпел все ехидные шуточки в свой адрес. Когда настала его очередь стрелять, он попросил отодвинуть мишень как можно дальше. Судья отказался это сделать, сославшись на правила. Тогда один из королевских стрелков решил поиздеваться: он выдернул из земли небольшой столб, на котором крепилась мишень, и отнес ее на такое расстояние, с какого обычный лучник в лучшем случае попал бы в «молоко». В адрес речника полетели очередные насмешки. Гринч ничего не ответил. Он лишь показал язык своим соперникам и трижды выстрелил из лука. Когда некоторое время спустя судья принес мишень, все так и ахнули – три стрелы угодили прямо в яблочко. Самый задиристый из лучников тогда подошел к Смоки, сломал на глазах у всех свой лук и пожал руку победителю, таким образом признав его превосходство.

Быстро проскочив подлесок, отряд попридержал коней. Дальше тропа вилась вдоль холмов. Земля здесь была неровная, поэтому всадники шли не торопясь. В безоблачном небе показалась темная точка. С каждым новым кругом она все ближе приближалась к отряду. Это Руби шел на снижение. Друзья остановились. Перед самым приземлением грифон яростно замахал крыльями и выставил задние лапы.

– Они нагоняют нас, – громче, чем нужно, выкрикнул Смоки, оглушенный хлопаньем крыльев своего зверя. – Похоже, план торговца не сработал.

– Тогда нам нужно быстрее добраться до кладбища Великанов, – сказал Питер. – Устроим им там теплый прием.

– Как скоро они будут здесь? – спросил Батька.

– У нас есть фора минут в пятнадцать, не больше, – выдохнул гринч. – Хорошо, что кладбище совсем близко, вон за тем холмом. Высота некоторых камней действительно впечатляет. За ними легко могут укрыться сразу несколько человек вкупе с лошадьми.

Спустившись в небольшой овраг, отряд поднялся на холм, с которого открывался вид на кладбище Великанов. Гигантские валуны стояли на ровной каменной площадке группой и поодиночке. Одни походили на скульптуры мифических существ, другие напоминали непонятные строения, в которых некогда жили карлики. Позади платформы росла небольшая группа деревьев. За ними виднелся тракт. Миновав плато с валунами, путники привязали коней к деревьям и вернулись на площадку.

– Батька, принимай командование, – сказал Питер.

Десятник кивнул и тут же начал отдавать приказы.

– Лис и Пакостник, вы прячетесь за первым валуном слева. Весельчак и Дуболом – справа. Милорд мы встанем вон за той группой камней, что посередине. Теперь, гном и вудс – ваше место вон за тем крайним камушком. Как только неприятель ступит на площадку – не жалейте стрел и метательных ножей. Драчун, твой заветный пояс при тебе?

– Да, Батька, ножи, сюрикены, кунаи, короче, полный арсенал, – вудс похлопал по поясу.

– Отлично. Как только Драчун и Расмус внесут переполох в ряды врага, вы четверо обходите неприятеля с флангов.

Бешеные согласно кивнули.

– Затем в бой вступаем мы с милордом, – десятник крепче сжал палицу. – Теперь гринч. Будешь прикрывать с воздуха. В самую гущу не лезь. Лучше коси их на расстоянии. И вот еще что: ни один из них не должен уйти живым, иначе не успеем и глазом моргнуть, как придет подмога.

– От нас с Руби никто не убежит, – Смоки достал из заплечной сумы трубку и плотный мешочек с дротиками.

В который раз за сегодня гринч поднял грифона в небо. Остальные заняли свои позиции в ожидании отряда неприятеля. Прошло не больше десяти минут, как на холме появился первый всадник. Разведчик осмотрелся по сторонам и спустился вниз, практически дойдя до платформы. Потом развернул коня и поскакал в обратном направлении.

– Неужели догадался, – шепнул Питер на ухо десятнику.

– Вряд ли, – Батька почесал бороду. – Я не думаю, что среди солдат и обрюзгшей городской стражи есть опытный следопыт.

Батька оказался прав. Через несколько минут с холма спускался отряд в четыре десятка воjak. Питер про себя отметил, что преследователи были вооружены мечами. Лучников не наблюдалось, а это значительно упростило задачу скорейшего разгрома неприятеля.

Как только вояки ступили на платформу, Батька подал знак к началу атаки. Из-за дальнего валуна показались две фигуры. Звякнула тетива, и один из всадников свалился с седла с болтом в груди. Рядом с ним упал еще один воин, схватившийся за рукоятку ножа, торчащую из горла. Пока преследователи метались в поисках укрытия, Расмус и Драчун поразили еще с десятков живых мишеней. Солдаты и стражники Монервиля наконец сориентировались и спрятались от летящих стрел и ножей за теми камнями, за которыми с противоположной стороны притаились бешеные. Внезапно выскочив из укрытия, Лис и Пакостник набросились на ничего не подозревавших воинов. Следом обрушились на правый фланг неприятеля Дуболом и Весельчак.

Батька и Питер разделились и, размахивая оружием, набросились на врага. Расмус понял, что от арбалета уже толку никакого нет и с воинствующим кличем, сжимая в руках топор, кинулся в самую гущу сражения. Удар, и голова стражника покатила к подножию холма. Драчун достал из-за пояса пару длинных ножей и ринулся в бой, перерезав горло замахнувшегося на него мечом солдату. Второй нож он вонзил в спину стражника, который как раз собирался проткнуть острием клинка живот зазевавшегося Пакостника. Дуболома прижали к валуну двое солдат, и бешеный не мог размахнуться дубиной для нормального удара. Вдруг один из нападавших с криком бросил меч и попытался сбросить со спины какое-то рычащее существо. Воспользовавшись заминкой, Дуболом отступил чуть в сторону и нанес мощный удар по голове неприятеля. Раздался хруст, и череп солдата раскололся на две половинки. Второй вояка так и не понял, кто напал на него сзади. Секунда, и он упал с разорванным горлом. Пушистый прыгнул на ближайший камень, и как ни в чем не бывало, принялся облизывать морду.

Питер заметил, что Лис, косивший врага своими смертельными саблями, весь в крови. Молодой лорд увернулся от меча, сделал ложный выпад, вспоров бок своему противнику, и бросился на подмогу раненому товарищу. Однако помощь не понадобилась. Двое вояк, наседавших на Лиса, спрыгнули с платформы и побежали в сторону холмов. С десятков живых солдат и стражников последовали их примеру.

Панику в рядах противника посеял Смоки, который на своем грифоне завис в нескольких метрах над землей и посылал в неприятеля дротики. Расмус спрятал топор и достал свой арбалет. Пока стражники взбирались на холм, гном успел снять пятерых. Остальным удалось уйти.

– Выходите на тракт, – с высоты крикнул Смоки. – Как только разделаюсь с этими трусами, я вас догоню.

Отряд направился к деревьям, где стояли привязанные лошади.

– Лис, ты как, сильно ранен? – взволнованно спросил Питер.

– Нет, милорд, это не моя кровь, – ухмыльнулся бешеный.

– Повезло нам, – Пакостник вытер пот со лба.

– Это еще почему?

– Милорд, если бы среди них были наемники, нам бы этот бой стоил очень дорого, – ответил за товарища Батька. – Отряд состоял их городской стражи и нескольких солдат. А это, как

правило, бывшие крестьяне, которые еще вчера пахали поле и собирали урожай. Вот в офицере, командовавшим отрядом, чувствовалась рука мастера. Ух, и попотел я с ним. Еле уложил, негодника.

– Жаль мне их, – Питер опустил голову.

– Что поделаешь, такова жизнь, – десятник дружески хлопнул молодого лорда по плечу. – Они знали, на что шли, когда нанимались на службу. К тому же мы не могли их отпустить живыми. Иначе по нашему следу Боннита послал бы очередных шавок, а их было бы куда больше, нежели разбитый нами отряд. Тела, конечно, найдут, но у нас будет колоссальная фора, и мы успеем замести следы.

– Когда устроим привал? – спросил Питер у десятника, отвязывая коня.

– Ну, это уже не мне решать, – подмигнул Батъка. – Я свою миссию выполнил, так что, милорд, принимайте командование.

Питер подмигнул в ответ и что есть мочи заорал:

– По коооням!!!

Десятник улыбнулся, забрался в седло и направил лошадь в сторону заброшенного тракта.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

После битвы и безоговорочной победы на кладбище Великанов прошло два дня. Сперва отряд ехал по заброшенному торговому пути, не встретив ни единой души. Смоки с грифоном несколько раз поднимались в небо на случай погони. Однако опасения путников были напрасными – никто за ними не гнался. Питер не мог поверить, что Боннита вот так просто отказался от преследования.

Но разве мог молодой лорд знать, что наместник больше никогда не пошлет своих ищеек по их следу. После того, как были обнаружены мертвые солдаты на плато, Дейтмар привел свою угрозу в исполнение. Вечером того же дня патруль городской стражи нашел тело Бонниты в сточной канаве. Правда, в протухшей воде плавало только одно туловище. Голову обнаружили чуть позже в загородном доме наместника. На страшную находку наткнулась кухарка. Когда женщина открыла кладовую, чтобы взять немного сыра и овощей, то увидела на полке окровавленную голову своего хозяина.

На тракте отряд надолго не задержался. Друзья взяли курс немного восточнее намеченного пути и прошли с десяток миль по равнине. От скуки Весельчак травил байки, чем немало развлекал товарищей по оружию.

Пакостник также внес свою лепту во всеобщее веселье. Во время привала он незаметно подсыпал Дуболому в чай соли, отчего Лис, который кашеварил в тот вечер, получил пинка. Жертвой розыгрыша стал и Драчун. Однако злобной шутки не получилось. Пакостник кинул ему в заячий суп жирную муху. Вудса наличие насекомого в еде несколько не смутило. Он зачерпнул варево и вместе с мухой отправил его к себе в рот. Затем Пакостник переключился на гринча. Когда Смоки после сытного ужина захрапел у костра, бешеный засунул ему в штаны маленький уголек. Гринч вскочил как ужаленный, опрокинул котелок с оставшимся супом на сидевшего у костра Питера. Затем достал уголек и отбросил его прямо на спящего Батьку. Огненная головешка застряла в курчавой бороде десятника, изрядно ее подпалив, отчего в лагере запахло горелым поросенком. Батька тут же просек, чьих это рук дело, и чтобы впредь было неповадно, срезал с близлежащего кустарника несколько прутиков, велел Весельчаку и Дуболому связать шутника. Пакостник носился вокруг лагеря, стараясь избежать позорной участи. Однако в погоню включились Драчун и Смоки. Гринч достал веревку, сделал петлю и с легкостью заарканил бегуна, а затем связал ему руки. Уже через пару минут Пакостник стоял на коленях со спущенными штанами и вопил, когда Батька лупил прутьями по его голому заду. Эта картина вызвала всеобщее одобрение и смех. После экзекуции Пакостник, потирая свое седалище, обвинил всех в отсутствии чувства юмора и отправился спать. Однако порка ничему шутника не научила. Под утро лагерь огласил дикий рев. Десятник прыгал по земле, выделывая причудливые па, а потом повалился на землю, стянул сапоги и принялся вытаскивать из ног впившиеся колючки.

На третий день друзья вышли к реке Делси, протекающей по изрезанной оврагами равнине, изобилующей болотами и старицами по правому берегу. Левобережье, по которому продвигался отряд, поросло сосной, елью, дубом, березой, ольхой и мелким кустарником. Поодаль раскинулись заливные луга. На одном из многочисленных песчаных пляжей было решено сделать привал. Пока Батька разводил костер, а Драчун снимал с лошадей поклажу, остальные поскидывали одежду и бросились в реку. Первым в прохладную воду сиганул Пушистый. Камышовый кот проплыл немного вдоль берега, нырнул, и на минуту скрывшись под водой,

ловко выбрался на берег. В пасти животного была зажата огромная плотва. Зверь бросил рыбу и вновь побежал к реке. Батька стоял с открытым ртом, не веря своим глазам.

– Наверно я никогда не привыкну к его сюрпризам, – сказал десятник. – Вудс, твой зверь просто настоящая находка. Мало того, что он вызволил нас из тюрьмы, бился на кладбище Великанов, так еще и собирается накормить целый отряд рыбой.

– Как насчет ухи? – Драчун пропустил восхищение десятника мимо ушей.

– Я только за, – у Батьки заурчало в животе. – Графиня снабдила нас всем необходимым продовольствием, в том числе луком и специями. Ставь котелок с водой, а я пока схожу наберу хвороста.

Когда десятник вернулся с целой охапкой сушняка, в котелке уже варились лук и кусочки сушеной моркови, а на земле лежало с десятков выпотрошенных рыб. Сам рыболов сушил у костра шерстку, уминая при этом здоровую плотву.

Батька подкинул хворост в огонь. Вскоре по берегу разнесся душистый аромат рыбного супа. Почуввав запах жратвы, купальщики вышли из воды и направились к костру.

Хлебая деревянными ложками рыбную похлебку, отряд всюду нахваливал пушистого рыбака. Котьяра довольно урчал и после каждой похвалы в его адрес отвечал ленивым мяуканьем.

– Полчаса на отдых – и в путь, а мы пока с вудсом ополоснемся, – Батька начал скидывать одежду.

– А я бы тут до утра задержался, – Смоки сладко зевнул.

– Неплохо перебраться на ту сторону реки, – заметил Лис. – Мы прилично отклонились от намеченного курса.

– Надеюсь, нам удастся наткнуться на деревушку. Может, кто из местных жителей занимается переправой, – с надеждой предположил Питер.

– Да, плавсредство не помешает, – гринч достал из сумы трубку и закурил. – Река широкая, берега почти не видно.

– А что на том берегу? – поинтересовался Расмус.

– Там живет племя охотников на гномов, – мрачно ответил Пакостник и тут же осклабился, видя, как у Расмуса отвисла челюсть.

– Недалеко от реки расположен монастырь, а в милях двадцати от него несколько крупных поселений, – ответил Дуболом.

– Верно, – кивнул Батька. – А там уже недалеко и до границы с Ренином.

– Чтоб ему пусто было, – сплюнул Дуболом. – Вот где надо держать ухо востро.

– Ничего, прорвемся, – десятник дружески хлопнул Дуболома по плечу, а после вместе с Драчуном направился к реке.

* * *

Найти деревеньку было ни таким уж простым делом. Путники проехали мимо двух селений, но они оказались давно покинутыми. Дома взирали на воинов черными глазницами окон, щетинились гнилыми бревнами и провожали покосившимися крышами. Сумерки обволакивали окрестности своими темным крыльями, и с ними таяла надежда перебраться на другой берег. Друзья хотели было устроиться на ночлег у реки, когда Драчун подъехал к Питеру и Батьке, которые скакали во главе отряда.

– Пушистый вернулся из разведки, – доложил вудс. – Он говорит, что примерно в четверти мили отсюда есть деревня.

– Отлично, – обрадовался Батька. – Есть шанс сегодняшней ночью неплохо выспаться на пуховых перинах.

– Хорошо бы, а то честно, у меня от лежания на земле уже все бока болят, – признался Питер.

– Надеюсь, там найдется знойная красotka, – размечтался гринч. – Я подарю этой деревенской дурочке незабываемую ночь любви.

– Голодной куме – одно на уме, – рассмеялся Весельчак. – Смотри, а то испортишь какую-нибудь барышню, так ее папашка вмиг заставит тебя на ней жениться.

– Во-во, и наш дорогой гринч будет пахать поле на своем грифоне, и раскидывать коровий навоз, – поддакнул Пакостник.

Впереди показались огни. Отряд подъехал к двухэтажному деревянному строению, походившему на постоялый двор. Собственно, им он и оказался. На железной вывеске, стучавшей на ветру о фасад, красовался единорог. Под ним была надпись, которую друзьям не удалось разобрать. В свете неполной луны слова сливались в одно продолговатое размытое пятно. Дуболом слез с лошади, поднялся на крыльцо и забарабанил в дверь:

– Эй, хозяйева, есть живые? Кое-кто хочет осчастливить вас своим присутствием и парочкой дукатов.

С минуту в доме стояла полная тишина. Затем послышались шаркающие шаги, лязгнул засов, и дверь со скрипом отворилась. Дуболом отшатнулся. Чья-то лошадь испуганно заржала. Хозяин постоялого двора, возникший на пороге, был не совсем человек в обычном понимании этого слова. Все его тело оказалось каким-то непропорциональным. Один глаз был глубоко посажен, другой, казалось, вот-вот вывалится из глазницы. Волосы на голове отсутствовали, однако кожа на ней была не гладкая, как попка младенца, а вся в морщинах. Довершал общую картину нос, выросший посередине лица огромной картошкой.

– Чего изволите, господа хорошие? – просипел урод.

– Эээ, мmmm, уuuуу, – Дуболом, стоящий ближе всех к странному человеку, что-то бес-
связно промычал.

– Любезный, мы бы хотели заказать ужин и чистую постель, – Батка первым вышел
из оцепенения. – Но думаю, что не вправе стеснять вас своим присутствием.

– Что вы, – ослабился хозяин. – Наша семья всегда рада гостям. Мои сыновья сейчас же
расседлают ваших лошадей и накормят превосходным овсом. А пока вы выпьете для аппетита
моего фирменного винца, жена быстро приготовит жаркое.

– Надеюсь, не из человечины? – шепнул на ухо Расмус стоящему рядом Драчуну.

– Лично я буду держать ухо востро, – ответил вудс. – Если что, вспорю ему брюхо.

– Эй, бездельники, а ну бегом сюда, у нас новые постояльцы, – что есть мочи заорал
хозяин.

На крик прибежали два заспанных увальня, под два метра ростом, взяли упирающихся
лошадей и повели их в конюшню. Питер успел заметить, что юноши тоже были отмечены урод-
ством, как и их отец. Уши одного парня оказались заострены кверху, словно у эльфа, а одна
часть лица была обожженной. Его брат вместо пяти пальцев имел всего два, от чего рука выгля-
дела крабьей клешней. На лице «красовалась» заячья губа.

Один из сыновей вернулся и покосился в сторону грифона.

– Оставь, я потом сам отведу его в конюшню. И приготовь для Руби сырого мяса. А то
если он будет голодным, то запросто слопает тебя и твоего братца, – пошутил Смоки.

Мальчишка нервно сглотнул и скрылся в темноте.

Путники прошли в таверну, где на грубо сколоченном столе их уже ждали несколько кув-
шинов. Преодолев отвращение к странным хозяевам постоялого двора, гости подняли до краев
наполненные кружки.

– Недурно, – крякнул Батка, попробовав вино.

– Немного необычный вкус, – причмокивая, высказал свое мнение Лис.

– Эх, хозяин, как там тебя? А хорошее пойло ты нам поставил, – Смоки выглядел доволь-
ным. – Из чего сей напиток? Ты явно его делал не из винограда.

– Зовите меня Морща, судари, – отозвался уродец. – А что касается напитка, то правда
ваша. В этих местах виноград созревает неважный. Что ни гроздь, то кислятина. Поэтому вино
мы делаем из лесных ягод и некоторых кореньев. Извините, пойду, потороплю жену с ужином
и приготовлю вам комнаты. Только боюсь, что для всех вряд найдется отдельная опочивальня.

– Не беспокойся, любезный, – ответил Питер. – Сколько найдется, столько и зайдем.

Хозяин кивнул и поспешил удалиться. Появившись через минуту, он поднялся по лестнице, ведущей на второй этаж. Когда наверху хлопнула дверь, Пакостник произнес:

– К кому это в гости нас Шахир занес? Не нравится мне эта семейка уродцев.

– Лично у меня от их вида совсем аппетита нет, – Дуболом от души вливал в себя вино.

– А мне плевать, я собираюсь плотненько подзакусить.

– Посмотрю я на твою физиономию, когда тебе в блюде попадетя человеческий палец, – сказал Весельчаку Пакостник.

– По-моему, вы все преувеличиваете, – Лис пожал плечами. – Я слышал про такие деревни уродов. Они есть не только в Катерии, но и по всему свету. Разве они виноваты, что родились такими? Общество их отторгло от себя, вот они и создают вдаль от больших городов свои поселения и никому не мешают.

– Ну живи, кто же запрещает, вот только зачем плодить себе подобных? – Дуболом вертел в руках пустую кружку.

– Они тоже люди, только другие, – вступился Батька. – И так же, как и все, хотят иметь семью, рожать детей, пускай и таких.

Скрипнула дверь. Из кухни вышла хозяйка постоялого двора, держа в руках поднос с дымящимся мясом. Друзья так и ахнули. Женщина была абсолютно нормальной. Ее можно даже было назвать красивой. Она поставила на стол горшок, разложила мясо по тарелкам и, пожелав постояльцам приятного аппетита, пошла обратно на кухню. Только когда женщина повернулась к ним спиной, друзья поняли, что ошибались на ее счет. Сзади голова «красотки» была гладко выбрита, и оттуда на путников смотрел огромный немигающий глаз.

* * *

Питер проснулся от дикого ржания лошадей и криков, доносившихся с улицы. Одновременно с ним вскочил с кровати Расмус и Драчун. Выглянув в окно, друзья увидели, как Руби пытаются взять в кольцо несколько десятков уродцев, вооруженных чем попало. Двое из них уже лежали мертвыми. Третьего грифон терзал клювом и одновременно отбивался лапами, лягнув львиной задней одного из нападавших, который хотел проткнуть зверя вилами. Тело отлетело, ударилось об угол дома, и раненый протяжно застонал. Друзья кинулись во двор, столкнувшись в коридоре с остальными членами отряда. Увидев до зубов вооруженных людей, уродцы рассредоточились по всему двору. В толпе Питер заметил хозяина постоялого двора и его сыновей.

– Что здесь происходит? – взревел Батька, подняв палицу.

Уроды хотели броситься на постояльцев, но Морща поднял руку, останавливая жителей страшной деревни.

– Простите, я не хотел причинять вам никаких неудобств, – начал хозяин таверны. – Но старейшина поселения распорядился иначе. Мы не хотим драки. Отдайте нам своих лоша-

дей, оружие и этого диковинного зверя, и можете идти с миром. Даю слово, что никто вас не тронет и...

Морща не успел договорить. Из его выпученного глаза торчал нож, который метнул Драчун. Толпа на миг опешила, а потом, взревев, бросилась на постояльцев.

Питер ловко увернулся от кинжала одного из сыновей Морщи и отрубил тому руку-кляшню. Грифон пронзил клювом морщинистую шею одного уродца и бросился на очередного врага. Дуболом ударил дубинкой человека по лицу, на котором отсутствовал нос. Батяка выбил нож у одного из нападавших и врезал палицей по его отвратительной голове, обезображенной гнойными буграми. Смоки и Расмус взобрались на крышу конюшни и вели обстрел. Пакостник и Весельчак стояли спина к спине, отражая атаки и нанося смертельные удары. В толпе дерущихся то там, то тут, мелькал юркий Лис, виртуозно убивая саблями. Один Пушистый не участвовал в схватке. Кот сидел на ветке дуба и следил за боем, готовый в любой момент прийти на помощь. Зверь справедливо считал, что столь мелкая заварушка обойдется и без него.

Вскоре уродцы дрогнули и бросились врассыпную.

– Вот и понежились на пуховых перинах, – Смоки прыгнул с крыши конюшни.

– Ведите лошадей, – приказал десятник бешеным. – Пора улепетывать отсюда. Вдруг эти полоумные очухаются и снова полезут драться.

– Смоки, ты куда? – крикнул Питер вслед убегающему другу.

– Я сейчас, – махнул рукой гринч и скрылся в таверне.

– Милорд, что понадобилось там этому малахольному, – спросил Батяка.

– Кажется, я знаю, – ответил Драчун вместо Пита.

Когда все было готово к отъезду, из таверны показался гринч и вприпрыжку побежал к товарищам. Под мышкой у него был зажат небольшой бочонок с ягодным вином.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Утро встретило отряд дождем. Поначалу небеса пролили на землю редкие слезы печали, но потом расплакались не на шутку, и дождь полил как из ведра. Старая ель с раскидистыми ветвями-лапами приютила путников во время ненастья. Пушистый забрался под рубаху вудса и с неодобрением смотрел на разбушевавшуюся стихию.

Через пару часов ливень прекратился, но тучи не собирались уступать место светилу, норовя вновь штурмовать землю ледяной водой. Однако повторная атака не удалась: поднявшийся ветер все же разогнал с небес серую пелену, и между рваными облаками показалось солнце.

Друзья брели вдоль левого берега Делси в надежде отыскать заветную переправу. После битвы с уродцами всем хотелось оказаться по другую сторону реки. Гринч пару раз поднимался в воздух, но не приносил хороших вестей. В этих местах река была полноводной, и перебраться на другой берег самостоятельно не представлялось возможным.

Возвращаясь с очередной воздушной разведки, Смоки огласил окрестности радостным ревом, показывая вверх большой палец. В метрах двадцати от берега друзья увидели огромный плот, на котором возвышалась небольшая хижина. Гринч закружил над плавучим домом и что-то закричал. Из жилища показалась маленькая фигурка и спряталась обратно. Но уже через секунду вновь вылезла из своего укрытия. Издалека было видно, что всадник на грифоне и владелец плота о чем-то переговариваются. Смоки махнул рукой и набрал высоту. Человек засуетился и принялся совершать какие-то манипуляции, бегая от одного края плота к другому.

– Какого Шахира там происходит, – Батка усиленно напрягал зрение.

– Понятия не имею, – пожал плечами Питер. – Но ясно одно, что мы наконец-то нашли плавсредство, с помощью которого переберемся на ту сторону реки.

Гринч замахал руками, на этот раз уже своим товарищам, призывая их поторопиться. Когда путники подъехали к Смоки, незнакомец уже подогнал плот к берегу, закрепив его веревками за вбитые в землю кольшки.

Хозяин плавучего дома оказался немощным стариком. Однако немощь была обманчива. Цепкий и пронзительный взгляд говорил о том, что, несмотря на почтенный возраст, он даст фору любому молокососу, который осмелится оспорить право на его плот.

– Этот добрый человек любезно согласился перевезти нас, – Гринч кивнул головой в сторону речного жителя.

– Вот и чудненько, – потер руки Лис. – Никогда не плавал на такой большой деревьяге.

– Задарма не повезу, – буркнул старик. – Так что если нечем расплатиться, в милях двадцати отсюда река сужается, там и сможете перебраться.

– Вот, держи, – Питер бросил ворчуну серебряную монету.

Старик ловко поймал дукат и сунул его в карман.

– Значит так, перебираться будем в два захода, иначе плот может не выдержать. Когда будете готовы?

– Да хоть сейчас, только..., – запнулся Батька. Десятник увидел, как глаза незнакомца из голубых превратились в карие.

– Что за дела? – Весельчак настороженно смотрел на старика.

– Ты что, оборотень? – Дуболом потянулся за оружием.

– Ну почему все происходит в самый неподходящий момент, – вздохнул хозяин плавучего дома, и его цвет глаз резко стал зеленым.

– А ну говори, кто ты, или клянусь Тогом, что вот этим самым кинжалом я собственноручно выколю твои глазищи, – пригрозил Батька.

Старик часто заморгал. Его тело затряслось, и на беднягу с испугу напала икота. Он хотел что-то сказать, но слова не желали складываться в предложения.

Питер сжалился над речником и протянул ему бурдюк с вином. Старик сделал несколько глотков и немного успокоился.

– Ты ведь из них? – Пит показал рукой в сторону деревни уродцев.

Хозяин плота кивнул и вновь припал к вину.

– Милорд, если он сейчас напьется, то ничего толком не сможет рассказать, – сказал Весельчак.

– Да и нас на другой берег перевезти, – добавил Пакостник.

– Обещаете, что не станете выкалывать мне глаза? – старец трясущейся рукой протянул бурдюк молодому лорду.

– Никто не причинит тебе вред, – пообещал Питер. – Просто мы немного сбиты с толку. Сегодня ночью на нас напали твои соплеменники. И приятного, признаюсь, было мало.

– Да, я один из них, но все же не такой, как они, за это меня и выгнали из деревни, – старик смахнул слезу. – Я расскажу вам историю моего изгнания, которую пытаюсь забыть на протяжении вот уже пятидесяти лет. Никто уже точно не помнит, когда в эти места пришли жить люди. О, не смотрите на меня так. Первые поселенцы действительно были нормальными людьми. Поначалу мои предки рождали здоровое потомство. Но одно поколение сменяло другое, и в деревне начали практиковать смешанные браки. Брат мог взять в жены родную сестру, а отцы женились на собственных дочерях. Тогда-то и стали появляться на свет дети с физическими отклонениями. Первоначально отклонения были незначительными: шесть пальцев на руке или недоразвитый хвост. Но когда уже уроды начали создавать свои семьи, то от них стали рождаться настоящие монстры. Вскоре нормальных людей совсем не осталось. И вот

после стольких лет кровосмешений в поселке появился на свет обычный ребенок. Старейшина отдает приказ убить малыша, так как в то время по законам деревни такие младенцы считались нечистыми. Перед казнью кто-то из селян заметил, что у мальчика меняется цвет глаз. Большинство жителей встали на сторону ребенка. Вот благодаря этой необычной особенности мне даровали жизнь. Шли годы, и я все больше становился белой вороной среди своих соплеменников. Меня стали сторониться. Казалось, что одиночество неизбежно. Но нашлась та, которая полюбила меня. Моя будущая жена была единственной дочерью старейшины. Внешне девушка была почти такой же нормальной, как и я. За исключением хвоста и шести пальцев на обеих руках и ногах. Мы вместе связали свою жизнь, и у нас родилась дочь. Девочка, к моему глубокому сожалению, появилась на свет уродкой – у нее была яйцевидная головка и два огромных рыбьих глаза. Но я все равно души в ней не чаял. После этого по деревне поползли слухи, что якобы ребенок не от меня, раз он появился на свет «нормальным». Я не принимал всерьез их глупые домыслы, но как оказалось, зря. Жена призналась, что изменила мне с сыном мясника, который имел самый безобразный вид в деревне. А вскоре она забрала дочь и ушла к своему любовнику. Надо мной начали посмеиваться, а потом и вовсе открыто издеваться. В отчаянии я решил отомстить тому, кто разрушил мое счастье. Я взял топор и зарубил уродка прямо во дворе его дома. Никто не видел, как я убивал разлучника. Но все подозрения пали на меня. Когда его братья пришли ко мне с вилами в руках, чтобы учинить самосуд, я расправился и с ними. Но те, кого я считал своим народом, изгнали меня из поселка. Я тайком пробирался в деревню, чтобы хоть одним глазком увидеть свою дочь. И однажды, когда она работала на огороде, набрался смелости и вышел к ней. Хотел ей все рассказать. Но она запустила в меня мотыгой и подняла крик, на который сбежалась чуть ли не половина односельчан. Вот с тех самых пор я больше туда ни ногой, живу здесь один, безо всякой надежды на возвращение.

– Глядя на тебя, не скажешь, что ты такой жалкий и обиженный на весь белый свет, – Пакостник прищурился от яркого солнца.

– Время неплохой лекарь. – Старик встал и направился отвязывать веревки удерживающие плот. – В памяти потускнели некогда яркие картины прошлого, и уже душа не так болит, как прежде.

– Тогда хватит унылых воспоминаний, – Батька хлопнул по плечу старика. – Что прошло, то прошло.

– Твоя правда, воин. Ну, милости прошу на корабль.

Первые в плавание по полноводной Делси пустились бешеные. Речной перевозчик командовал, кому и куда лучше встать, чтобы плот, чего доброго, не накренился и все пассажиры не оказались в реке. Лошади испуганно ржали, чувствуя под собой шаткую поверхность – плавсредство изрядно покачивалось на воде. Смоки, посмеиваясь, оседлал грифона, поднялся в воздух и уже через несколько минут был на другом берегу, покуривая трубку. Старик взял огромное весло и, оглядев своих пассажиров, спросил:

– Эй, ребяташки, кто из вас готов поработать руками?

Глядя на недоуменные лица, речной отшельник протянул весло Дуболому.

– А чего ты хотел? Один я столько живого мяса далеко не увезу.

Бешеный отдал дубину Весельчаку и взяв весло, принялся грести в такт со стариком.

Лошади продолжали испуганно ржать и недовольно всхрапывать. Ветер подгонял плот, и работать веслом было намного легче. Старик насвистывал какой-то незатейливый мотивчик. Дуболом быстро уловил мелодию и начал подпевать. Лис решил внести свою лепту в необычный концерт и принялся аккомпанировать ладошками. Весельчак тут же сочинил несколько четверостиший и звонко запел:

В далекие края судьба нас завела

Мы каждый новый день встречаем боем.

Поет клинок, свистит стрела,

И враг бежит от нас неровным строем.

А по ночам нам снится отчий дом,

Поля, что от пшеницы златы,

Но солнце встанет, разгоняя сон,

И вновь в дорогу, облачившись в латы.

Сверкают молнии, и оглушает гром,

Грууны вновь глумятся над отрядом

Но мы не дрогнем, воздадим злодеям поделом,

И книга будет нам наградой.

– Эх, давно я так не развлекался, – прошепелявил старик. – А вы, ребята, не так уж и плохи, как кажется. Если бы не годы, махнул бы с вами, да намял бы кости ненавистным груунам.

– А ты откуда знаешь, куда мы направляемся? – насторожился Лис.

– Так из песни вашего стихоплета.

Батька отвесил Весельчаку хорошего подзатыльника.

– Значит так, проболтаешься кому-то и..., – десятник поднял руку и большим пальцем как бы перерезал себе горло.

– Ну вот, опять угрожают, – старик сделал обиженное лицо. – Сперва хотели глаза выколоть, теперь горло грозят перерезать. Что за денек сегодня выдался.

– Отец, я не шучу, – пробасил Батька.

– Да кому я здесь расскажу? К тому же, кто поверит выжившему из ума старику. А если серьезно, не извольте беспокоиться. Вы – ребята что надо. Буду нем, как могила.

Батька кивнул, и все остальное время они плыли молча. Когда плот причалил, Смоки тут же подбежал к берегу. Старик кинул ему веревки, чтобы тот привязал плавучий дом к кольям.

– Мне нужен помощник на обратную дорогу, – обратился к Батьке старик.

– Бери любого, – ответил десятник.

– Тогда, если не возражаете, пусть останется вот этот здоровяк, – речной отшельник показал на Дуболома. – У него хороший голос, будет подпевать по дороге.

Дуболом сделал страдальческое лицо и посмотрел с надеждой на Батьку. Десятник расмеялся и отдал приказ:

– Концы в воду!

На том берегу реки в томительном ожидании скучала вторая группа. Питер то и дело озирался по сторонам: он всерьез опасался, что в любую минуту могут показаться вооруженные вилами, мотыгами и прочими крестьянскими орудиями труда уродцы. Тогда без помощи бешеных и грифона, который оказывал существенную поддержку с воздуха, выдержать такой натиск будет просто невозможно. Молодой лорд вздохнул с облегчением только тогда, когда в дали речной глади показались очертания шалаша на плоту.

Драчун и Расмус нашли себе забаву и, начертив на земле круг, кидали в него нож. При попадании лезвия на территорию противника игрок оттяпывал себе солидный кусок чужих «владений». Пушистый зря времени не терял. Он поймал рыбу и терзал ее своими острыми клыками, издавая при этом странные утробные звуки, несвойственные кошкам. Вскоре плот приблизился к берегу, и Дуболом, отбросив весло, кинул на дно каменный якорь и швырнул веревки приятелям. Питер поймал одну из них и привязал швартовый к кольешку. Вторая веревка осталась в реке. Молодой Бернс хотел было полезть за ней в воду, но его опередил Пушистый. Котяра, зажав толстую бечевку в пасти, отдал ее Питеру. Бернс подмигнул зверю, и основательно закрепил плот.

– Я смотрю, ты на подработку устроился, – ухмыльнулся гном, глядя на Дуболома. – Не знал, что бешеные влачат нищенское существование.

– Иди, борода, я тебе сейчас вот этим все и растолкую, – бешеный взвесил в руке весло.

– Доплыли без происшествий? – спросил Питер, ведя к плоту упирающегося жеребца.

– Так точно, милорд, – ответил Дуболом. – К тому же всю дорогу песнями развлекались.

– Ваши люди настоящие менестрели, – старик дождался, когда последний из отряда возвратился на плавающий дом, отвязал концы и лихо запрыгнул на «палубу».

– Это ты о чем? – вудс приподнял бровь.

– Потом расскажу, – ответил за деда Дуболом, правя веслом. – Надо как-нибудь повторить.

– Когда поедете обратно, милости прошу, – хихикнул старик. – За такое представление я с вас даже платы не возьму.

Любопытство овладело и Питером. Он хотел попросить Дуболома рассказать о речном представлении, как в дно плота что-то ударило. Через секунду звук повторился.

– Это еще что такое? – Дуболом глядел на воду, которая начинала бурлить.

– Понятия не имею, – пожал плечами старик.

– Может, коряги? – предположил вудс.

– Да откуда им тут взяться, – ответил дедушка. – Я эти места знаю как свои пять пальцев. Мы на середине реки. Тут глубина метров тридцать, не меньше.

– А бурлит что? – показал пальцем гном.

– Колдовство прям какое-то. – Старик сделал охранный жест, отгоняя злые силы.

Друзья переглянулись.

– Дейтмар? – спросил гном. Питер в ответ лишь пожал плечами.

Снизу кто-то или что-то остервенело бил по днищу. Вода вокруг плота забурлила еще сильнее, и плавсредство начало раскачиваться из стороны в сторону. Расмус издал предостерегающий крик, адресованный Дуболому. Бешеный отскочил в сторону и, обернувшись, увидел, как за край плота ухватилась человеческая рука. Кожа, обтягивающая кисть, была синюшной.

– Утопленники..., – только и сумел шепотом произнести хозяин плавучего дома.

Дуболом не растерялся и от души хрястнул по руке мертвеца веслом. Острие древесины обрубило фаланги пальцев, оставив их лежать на «палубе». Обрубок кисти исчез под водой, но через мгновение появились с десяток таких же рук и принялись раскачивать плот. Друзья кинулись рубить синие скрюченные пальцы. Оставленные без присмотра лошади взбесились. Жеребец Питера налетел на своего хозяина и, сбив его с ног, сиганул в реку. Питер покатился по плоту и упал в воду. Он ухватился за край плавающей посуды, возблагодарив Тога, что на его стороне не оказалось утопленников. Драчун подбежал к товарищу и принялся втаскивать его на «палубу». Когда Питер почти вылез из воды, что-то из глубины схватило его за ногу и силой дернуло вниз.

– Драчун, тяни, – заорал Пит. – Какая-то тварь хочет утащить меня на дно.

– Попробуй врезать ей свободной ногой, – вудс изо всех сил тащил друга, крепко держа за шиворот.

– Не получается, – в отчаянии крикнул Питер.

Мимо них что-то пролетело и плюхнулось в воду, взметнув вверх сотни брызг.

– А, Шахир, – схватился за голову Расмус.

Это лошадь гнома в испуге прыгнула за «борт», унося с собой все припасы с едой. Питер попытался еще раз отпихнуть ногой намертво присосавшуюся к его лодыжке руку утопленника. Попытка удалась. Правда, пришлось расстаться с сапогом, но это уже была незначительная мелочь, по сравнению с потерей двух лошадей и провизией на целую неделю.

Внезапно качка прекратилась. Мгновение спустя перестало бурлить за «бортом». На реке воцарилось спокойствие. Казалось, что и не было никакого нападения. О битве с утопленниками напоминали лишь лежащие на «палубе» отрубленные пальцы, которые начали издавать жуткое зловоние, да отсутствие лошадей.

Старик был белый как мел. Его руки дрожали. Но он все же сумел совладать с собой, и бешено заработал веслом, направляя плот к берегу. Дуболом едва успевал поддерживать темп, взятый хозяином плавучего дома – отшельник желал как можно скорей сойти на землю и оказаться подальше от страшных обитателей Делси.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Как ни уговаривали путники остаться Арата, старик стоял на своём. Он ни за что не хотел больше жить на реке, кишасей утопленниками. Отшельник первым соскочил с плота. Он даже не посчитал нужным его привязывать, отбежав как можно дальше от сверкающих на солнце вод Делси. Бешеные, ожидавшие друзей на берегу, покосились на старца, но ничего не сказали.

Питер последним спрыгнул с плота прямо в воду, которая доходила ему до пояса. Увидев недоуменные взгляды, он повел отряд прочь от реки, оставив все объяснения на потом. И только после того, как Делси скрылась за ближайшим холмом, поведал о нападении утопленников.

– Дейтмар весьма изобретателен, а я нисколько не сомневаюсь, что это его проделки, – Смоки был просто ошарашен новостью. – Я начинаю побаиваться этого ублюдка.

– Сдрейфил, гринч? – усмехнулся Пакостник.

– Да пошел ты, – огрызнулся тот.

– Твои ухмылки ни к месту, – прорычал Дуболом. – Я, когда увидел этих мертвяков, сам чуть полные штаны не наделал. У всех и так нервы на пределе, не хватало выслушивать еще твои едкие замечания.

– Что будем делать? – спросил Лис. – Мы лишились трех лошадей и всех припасов. Какие предложения?

– Наш новый друг подкинул хорошую идею, где можно разжиться если не лошадьми, то хотя бы провизией. – Питер кивнул в сторону старика. – Зная твою жажду общения, не стану лишать тебя удовольствия рассказать все самому.

– Премного благодарен, милорд, – начал Арат. – Примерно в четырех милях отсюда находится монастырь «Колыбель Тога». Тамошние обитатели разводят коров, коз, овец, птицу, выращивают овощи, коптят мясо, делают сыр и творог. А еще у них лучшее ягодное вино, которое я когда-либо пробовал. Раз в три месяца я навещаю служителей Тога в их обители. Меняю вяленую рыбу и шкуры бобров на вино, овощи и сыр. Думаю, они охотно поделятся с вами едой. А вам, милорд, за то, что взяли меня с собой, я раздобуду пару отличных сапог.

– Спасибо, Арат, – Питер был тронут заботой старика. – Но учти, дальше наши пути разойдутся. Мы не можем взять тебя с собой.

– Да я и не настаиваю. Останусь при монастыре. Аббат Рудл много раз звал меня поселиться в обители добра и света. Но я всегда вежливо отказывал ему. Не хотел покидать насиженные места. Может, тешил себя надеждой, что когда-нибудь вернусь в родную деревню. Но на этот раз назад пути нет, и я с радостью воспользуюсь приглашением его преосвященства.

Питер, лишившийся своей лошади, ехал вместе с Батькой. Арат, Драчун и Пушистый сидели за Смоки на крепкой спине грифона. Зверь был вовсе не против четверых ездоков. Руби шагал впереди отряда и что-то высматривал. Расмус примостился на кобылке вместе с Лисом.

А Дуболом разделил лошадь с Весельчаком. Только Пакостник ехал в гордом одиночестве. Отшельник хотел было пересечь к нему, но от одежды бешеного еще немного попахивало. Запах после купания в подземном озере не желал выветриваться. Несмотря на то, что Арат лишился своего плавучего дома и надежды вернуться в деревню уродцев, он был в приподнятом настроении и всю дорогу до монастыря не переставал рассказывать забавные истории и всячески хохмить. Путники от души смеялись над стариком. Особенно, когда тот изображал звуки разных животных. Когда отшельник показывал кошку в брачный период, Пушистый, повисший на плече вудса и дремавший в такт размеренной походке грифона, заслышав зазывное мурчание, враз оживился. Однако, поняв, откуда «ветер дует», снова впал в дрему. Пакостник, ехавший рядом с Руби, попытался изобразить загулявшую кошку и протянул руку, как бы дразня Пушистого. Кот отреагировал молниеносно. Он пронзительно мяукнул и ударил по ладони бешеного когтистой лапой. Воин тут же одернул руку. Из неглубокой ранки показалась кровь. Отряд захохотал. Кто-то даже ударил в ладоши, как бы одобряя действия Пушистого. Пакостник скорчил рожицу, показал коту язык и пообещал животному при случае напоить его прокисшим молоком или подсунуть протухшую рыбу.

Бездорожье, по которому ехали путники, закончилось, и отряд вышел на хорошо утоптанную широкую тропу.

Вскоре показалась «Колыбель Тога». Питер думал, что монастырь состоит из ряда небольших строений с кельями монахов, трапезной и стандартным храмом, не отличающимся особыми изысками. Но перед его взором предстал настоящий комплекс. Даже издали было видно, насколько он величественен.

Арат, увидев изумленные взгляды, сразу взял на себя роль гида. Оказалось, что на территории монастыря находится резиденция аббата – двухэтажное каменное здание, фасад которого украшен скульптурами святых. По соседству расположено строение со стеклянной крышей, которую облюбовали голуби, использовав ее в качестве отхожего места. В нем расположились монастырская библиотека и копировальные комнаты, где монахи переводили труды святых отцов и переписывали древние манускрипты, аккуратно выводя вычурные буквы на пергаменте. Рядом возвышался огромных размеров храм. Одна из стен была выложена мозаикой, повествующей о жизни Тога в райских куцах. Золотистый купол венчала раскрытая ладонь.

Внутреннее убранство святыни не поддавалось описанию. Стены храма были украшены удивительной красоты фресками, повествующими о прелестях загробной жизни. Арат утверждал, что неизвестные художники изобразили на них сынов Тога в окружении прекрасных нимф, пьющих божественный нектар из золотых кубков. Этим они хотели показать, что праведника на небесах ждет беззаботная жизнь, полная сладостных утех.

К храму жалось низенькое строение – молельные комнаты и трапезная. Особняком от всего религиозного комплекса стояло продолговатое одноэтажное здание, обустроенное под монашеские кельи.

Путники подъехали к воротам, глядя на которые можно было с уверенностью сказать, что не каждому тарану будет по зубам этот крепкий орешек. Да и сам монастырь представлял собой неприступную твердыню с бойницами. Толщина стен была не менее двух метров, а высота составляла аж три человеческих роста. На направленной на четыре стороны света башне дежурил монах, вооруженный луком. В Обители Тога всегда были готовы к неожиданным

гостям. Впрочем, воинственность монахов было легко объяснить. Места здесь дикие. На этих землях издавна селились всякие лихие людишки. К тому же в нескольких днях пути начинается граница с Ренином. И хотя нападение солдат вражеского королевства на святыню казалось маловероятным, все же служители Тога опасались за свое богатство и были во всеоружии.

Арат поднес кулак к железной обшивке ворот и забарабанил. Окошечко отворилось, и в нем показалось небритое лицо служителя Тога.

– Добра и Света, странники, – обратился монах к отряду с традиционным приветствием.

– Любви и Милосердия, – ответил за всех Арат.

– Что ищите вы в обители Тога? – Монах не собирался их впускать, так как должен был сперва удостовериться в добрых намерениях путников.

– Помощи, брат Орту.

– Откуда ты знаешь мое имя? – любезность затворника тут же улетучилась.

– Разуй глаза, – усмехнулся старик. – Или ты забыл, кто простил тебе долг в кости? Так я могу назад потребовать свои законные пять дукатов.

– Арат, мой старый друг, прости, не признал, – монах прищурился, чтобы получше разглядеть лицо приятеля. – А это кто с тобой?

– Просто хорошие люди, которые попали в беду. Так ты наспустишь, или мне придется орать во все горло имя его преосвященства, чтобы он дал пинка в твою тощую задницу?

Брат Орту крякнул, с трудом отодвинул прочный засов и открыл ворота, пропуская путников во двор.

– А ты, я смотрю, пришел налегке, – заметил брат Орту. – Я-то надеялся отведать твоей славной копченой форели.

– Думаю, ты не скоро побалуешь свое брюхо рыбкой, – вздохнул Арат. Заметив удивленный взгляд монаха, старик пояснил. – Я остаюсь в «Колыбели Тога».

Орту присвистнул.

– Решился наконец стать благочестивым?

Арат кивнул. Он не собирался рассказывать монаху о нападении уопленников. Достаточно обо всем будет поведать аббату, а тот пусть сам решает, посвящать ли затворников в это дело или умолчать. Еще неизвестно, как поведут себя рядовые члены общины. У многих, конечно, хватит ума остаться за стенами монастыря и продолжать осыпать молитвами небесного Отца, но некоторые наверняка струхнут и предпочтут убраться восвояси, подальше от страшной реки.

Мысли старика прервал зычный бас. К гостям вышел мужчина в серой сутане, подпоясанной красным кушаком с бархатом на концах. На шее у незнакомца висела длинная золотая цепь, на которой болталась раскрытая ладонь (знак Тога и как следствие, символ высшей власти духовенства), инкрустированная драгоценными камнями. Арат подошел к аббату Рудлу. Старик преклонил колени и поцеловал руку его преосвященству. В свою очередь аббат положил ладонь ему на голову и прочитал молитву.

Подобный ритуал проделывал каждый рядовой прихожанин, как бы испрашивая благословение у духовника. Питер и его спутники не были особенно набожными, а поэтому подобная церемония показалась для них несколько унижительной. Впрочем, Рудл и не ожидал, что воины падут ниц и примутся его лобызать. Члены отряда просто слегка поклонились аббату. Тот также уважительно ответил кивком. Во дворе собралось монахов пятьдесят, не меньше. Затворники побросали свои дела и с любопытством разглядывали пришлых.

– Что, у вас нет больше никаких дел? – прикрикнул на них аббат, да так, что Питер невольно вздрогнул. – А ну расходитесь, иначе я перестану замаливать перед Всевышним ваши грехи. Тогда-то Шахировы прихвостни вмиг поджарят вам пятки.

Угроза подействовала, и двор опустел. Видимо, никому не хотелось жариться в огне целую вечность.

– Арат, я очень рад тебе, – поприветствовал Рудл. – И вам, дорогие друзья. Добро пожаловать в «Колыбель Тога». Честно признаться, не ожидал увидеть тебя в такой разношерстной компании. Если только не произошло что-то страшное...

– Ваше преосвященство, – перебил аббата Питер.

– О, умоляю вас, оставьте сие обращение для моих олухов, – улыбнулся Рудл. – Я обычный аббат и никакой святостью не обладаю. Пойдемте в трапезную. Скоро будет готов молодой барашек с рисом, шпинатом, луком и прочими вкусностями. К тому же будет подано ягодное вино, от которого у нашего друга Арата всегда текут слюнки. Вот там и расскажете, что привело вас в нашу скромную обитель.

– Вот это другое дело, – шепнул Смоки на ухо Питу, потирая ладони в предвкушении еды и вина.

– Ратни, Жаром, – аббат окликнул монахов пропальывающих огород. – Возьмите лошадей. Накормите и напоите животных.

Те побросали мотыги и кинулись исполнять приказ духовного наставника.

– Позвольте полюбопытствовать, а куда пристроить этого зверя? – спросил Рудл. – Если не ошибаюсь – это грифон. Говорят, их осталось так мало, что скоро они станут легендой для Руны.

– К сожалению, вы правы, господин аббат, – ответил Смоки. – Грифонов можно пересчитать по пальцам. Хотя, конечно, я утрирую. Сотня-другая все же наберется. Но детеныши у них рождаются крайне редко, да и некоторые охотники промышляют добычей этого зверя. Ловят для того, чтобы устраивать гладиаторские бои. Поэтому их численность медленно, но верно

сокращается. А о Руби не беспокойтесь. Он ведет себя прилично и никого из монахов не обидит. Только распорядитесь, чтобы ему выдали хороший кусок мяса. Он налопается и уснет сном праведника.

Аббат рассмеялся и дал соответствующее распоряжение монахам, которые застыли с поводьями в руках.

В трапезной витал аромат жареного мяса, приправ и специй. Аппетитный запах щеко-тал ноздри, заставляя желудки играть марш. На грубо сколоченном столе стояли кувшины с вином и фрукты. Арат налил до краев в кружку вина и опрокинул напиток в себя. Затем наполнил еще раз и уже только смаковал вино маленькими глотками, слегка причмокивая, зажевывая терпкий вкус чуть кисловатыми виноградинами. Дверь трапезной была раскрыта настежь, и со двора доносилось громкое щелканье клюва и звуки, похожие на рык хищного зверя: то грифон терзал кусок телятины. В углу трапезной налегал на нежное мясо индейки Пушистый. Пока друзья наслаждались монастырским вином, старик поведал про нападение утопленников. Аббат слушал молча, не перебивая рассказчика, закусив губу и уставившись в одну точку.

– Надеюсь, что эта история не дойдет до ушей монахов, – сказал Рудл, когда старик закончил свой рассказ. – Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь здесь сеял панику.

– Аббат Рудл, можете не беспокоиться, – заверил его Питер. – От нас никто ничего не узнает.

– А как по-вашему, откуда взялись мертвяки и почему напали на вас? – аббат сверкнул глазами в сторону Питера. – В этих местах никогда не водилось подобной нежити.

– Для меня это такая же загадка, как и для вас, почтенный аббат.

Рудл слегка наклонил голову и как-то странно улыбнулся.

– Что ж, у каждого есть свои секреты, – молвил он. – И я не стану больше лезть к вам в душу. Но если вы хотите дойти до пункта назначения, вам нужно быть предельно осторожными.

– Что вы имеете в виду, ваше преосвященство? – Батка вопросительно приподнял кустистую бровь.

– О, ничего особенного, – аббат казался невозмутимым. – Я просто имел в виду, что путь до Таинаки очень опасен и...

– Откуда вам известно, куда мы направляемся? – спросил Питер тоном более грубым, чем следовало.

Лис вскочил из-за стола и обнажил сабли. Пакостник и Весельчак также потянулись за оружием.

– Спрячьте мечи и сядьте, – приказал аббат. – Я вам не враг, а союзник. Вы оскорбляете меня и мое гостеприимство, бряцая в священном месте своими железьяками. Если бы я знал, как вы поведете себя, то ни за что не согласился на уговоры Патиаса помочь вам.

– Вы знакомы с магистром? – изумился Питер. – Но откуда...

– Молодой человек, – аббат сделал страдальческое лицо и закатил глаза. – Я уже много лет дружу с Его Магичеством, как впрочем, и другие мои соратники по вере из высшего духовенства. Мы были предупреждены о цели вашей миссии и получили священный наказ содействовать вам во всем.

– Но как вы узнали, что мы пройдем именно этой дорогой? – задал резонный вопрос Расмус.

– А я и не знал, пока не увидел вас у себя в обители.

Аббат резко замолчал. В трапезную вошел монах. В руках он держал огромный поднос, на котором дымился барашек.

– Ну что, отдадим должное этой скромной трапезе, которую нам ниспослал всемогущий Тог. – Рудл соединил ладони в молитвенном жесте, склонил голову и произнес хвалу божеству, после чего изголодавшиеся путники накинулись на еду.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

После сытного ужина аббат пригласил своих гостей прогуляться по саду. Правда, никого из отряда эта идея не впечатлила, кроме Питера, который хотел узнать мнение священнослужителя относительно козней Дейтмара и всего путешествия в целом. Остальные воины решили провести вечер по собственному усмотрению. Лис и Пакостник сели играть в кости, втянув в азартную игру Арта и брата Орту, освободившегося с дежурства. Весельчак предложил Расмусу поупражняться в мастерстве владения оружием – меч против боевого топора. Монахи, многие годы лишённые всякого рода развлечений, взяли сражающихся в кольцо и подбадривали их задорными криками. Кто-то из затворников даже пытался делать замечания и давать советы. Из этого следовало, что не все монахи в «Колыбели Тога» были в прошлом мирными жителями.

Драчун и Дуболом ушли в небольшую оливковую рощицу, посаженную основателями монастыря пару столетий назад – бешеный попросил вудса научить его технике метания сюрикенов. Первые несколько звезд, которые бросил Дуболом, пролетели мимо толстого ствола старой оливы. Но после парочки ценных советов и часовой тренировки, бешеный метал сюрикены с колоссальной точностью.

Батька было хотел пойти спать, но Смоки отговорил его, соблазнив покататься на Руби. Десятник даже не ожидал такого предложения от гринча, считая того хитрым и жадноватым малым. Но когда оседлал грифона, враз поменял о нем свое представление.

Пушистый посчитал, что заниматься всякими глупостями, которыми так увлечены люди, ниже его достоинства, и решил осмотреть местность, а заодно и здания монастыря на случай чего-нибудь интересного.

Первым делом Пушистый решил пробраться в монастырскую библиотеку. Кот, как и все его сородичи, относился с изрядной долей презрения к жалким листам, исписанными непонятными каракулями и загогулинами. Но справедливо полагал, что подобные читальные заведения хранят в себе какие-то тайны. Здесь всегда полно чудаковатых людей со стеклянными глазами и шепчущими что-то себе под нос. Такие люди всегда вызывали у Пушистого подозрения. Мало ли кто может прятаться в этой библиотеке.

Кот одним прыжком преодолел несколько ступенек, ведущих в хранилище знаний, и оказался перед дверью. Пушистый попробовал открыть ее лапой, но преграда не поддалась. Пустив в ход когти и сделав немалое усилие, ему удалось немного приоткрыть дверь, при этом петли предательски заскрипели. Животное юркнуло в появившуюся брешь. Дверь с силой захлопнулась, едва не прищемив зверю хвост.

В коридоре было темно, но не для кошачьих глаз. Впереди виднелся арочный вход в огромное помещение. Несмотря на то, что лучи заходящего солнца еще били в окна и проникали через стеклянную крышу здания, здесь горело несколько десятков свечей. Над столом, заваленным манускриптами, сгорбился человек в рясе. Монах что-то писал в книге, с определенной периодичностью макая гусиное перо в чернильницу. За стеллажами мелькнула тень. Пушистый прижался к стене и крадучись пошел в том направлении, надеясь раскрыть тайну века или хотя бы обнаружить книжного воришку. Но, увидев добродушное лицо затворника, расставляющего по полкам фолианты, направился вглубь библиотеки. Дойдя до последних

рядов, где на стеллажах стояли покрытые плесенью и пылью книги, на Пушистого напал чих. Если не считать скрип гусяного пера по бумаге и редких шорохов монаха, перебирающего манускрипты, то звук от чихания произвел эффект, подобный грому в тихую ясную погоду.

– Будь здоров, Эл, – сказал затворник, сидевший за столом.

– Жур, а я думал, что это ты никак не можешь прочихаться.

– Ты что, меня разыгрываешь? – нахмурился переписчик.

– Кто здесь? – угрожающе произнес Эл, поняв, что они с братом не одни. Монах не дождался ответа, взял самую тяжелую книгу и пошел вдоль стеллажей.

Жур отложил в сторону перо и смотрел за действиями своего брата по вере. Было забавно наблюдать, как сгорбившийся монах с приподнятой над головой книгой вертится в разные стороны в поисках невидимого чужака. Сам Жур полагал, что Эл решил подурачиться. Работать в библиотеке – всегда скукотища, и затворники иногда развлекали друг друга всякими розыгрышами.

– Смотри, сзади вор, – шутливо предупредил Жур монаха, как будто заметил предполагаемого похитителя бесценных фолиантов.

Эл обернулся как раз в тот момент, когда Пушистый решил, что пора уносить лапы от этой сумасшедшей парочки.

«Вот он, закон всемирного свинства», – подумал кот и понесся прочь от испуганного книжника к выходу.

– Крыыысааа... – Эл завизжал как уличная баба, размахнулся и кинул книгу в убежавшего кота.

Не рассчитав силы, монах угодил книгой прямо в голову Жура, который так и не понял, что в библиотеке был реальный посетитель. После чего фолиант упал на стол и опрокинул флакончик с чернилами на рукопись, над которой затворник трудился не один месяц, аккуратно выводя каждую букву. Жур взревел и понесся на «шутника». Только после пятого тумака, Эл все же сумел убедить брата, что и не думал его разыгрывать, а в действительности видел здоровенную крысу.

Пушистый тем временем с разбегу толкнул дверь передними лапами. Зверюга стрелой вылетел в открывшийся проем на свежий воздух. Желание исследовать монастырские помещения пропало напрочь. Хотя игривое настроение его не покинуло. Пушистый помчался на городской двор, где Лис и Пакостник играли с монахами в кости. Котяра подошел, лег рядом с чурбаном для колки дров, который временно приспособили под доску для костей, и стал выжидать благоприятного момента для какой-нибудь шутки. Зверю особенно хотелось как-то подгадать Пакостнику, считавшегося в отряде непревзойденным мастером злых розыгрышей. Вскоре такой момент настал, и Пушистый не преминул им воспользоваться. Пакостник только бросил кости, и в этот самый миг из конюшни с воплями выбежал монах. Все внимание людей было приковано к орущему человеку. Оказалось, что затворник, кормивший лошадей, бросил сена и грифону. Руби, посчитав себя оскорбленным такой «пищей», слегка клюнул его

в ногу. Смоки пошел отчитывать своего любимца за недостойное поведение, а игроки вернулись к прерванному занятию.

– А, слабак, – ухмыльнулся брат Орту потянувшись за костями.

– Стоять! – стукнул по его руке Пакостник. – Ты что, мухлевать удумал?

– Вы это про что? – Лис непонимающе переводил взгляд с товарища на монаха и обратно.

– Да у него две шестерки выпало, – Арат показал пальцем на Пакостника.

– Верно, – кивнул бешеный. – А здесь я вижу почему-то только две единицы.

– А я-то тут при чем? – возмутился брат Орту.

– А что, не при чем? – не унимался Пакостник. – Ты проиграл больше всех, а сейчас на кону стоят почти сто динаров. Мы все отвлеклись на то, как твой безумный братец орал и чихвостил на чем свет стоит грифона. За это время ты мог быстренько поменять шестерки на единицы.

– Слабенький довод, – хмыкнул Арат, поддержав монаха. – Это мог сделать кто угодно из нас троих.

– Чего зубоскалишься? – обиженно спросил бешеный у усмехающегося Лиса. – Твоя работа?

Лис покачал головой, давая понять, что не имеет ко всему этому никакого отношения.

– Да ну вас всех, такую игру испоганили. – Пакостник встал и хотел было забрать свои деньги, поставленные на кон, но Лис накрыл медяки ладонью.

Сплюнув, бешеный со злости пнул чурбан и пошел спать в отведенную ему келью. Всю дорогу он поносил мухлевщиков и успокоился только тогда, когда лег на кровать и заснул. Пушистый, наблюдавший за всем этим спектаклем, был необычайно доволен собой. Он поднялся, распушил хвост и с довольным видом удалился, оставив троицу грызться за горстку медяков.

В саду, куда кот направился в поисках очередных приключений, весело щебетали птицы. Монастырские птахи словно решили перед сном похвалиться всему миру своими звонкими голосками. Но стоило коту забраться на дерево, как стая «певцов» вспорхнула с веток.

Этот старый дуб Пушистый выбрал неслучайно. Под ним стояла беседка, где друг против друга расположились аббат Рудл и Питер. Разговор был весьма интересен, и зверь, наострив уши, ловил каждое слово.

– Ваше преосвященство, дело принимает очень серьезный оборот, – сказал Пит.

– Милорд, несмотря на то, что вы еще не так далеко ушли от Монервиля, заместника вам не стоит опасаться. И вряд ли уже за вами пошлют погоню.

– Что вы имеете в виду?

– В городе у меня свои люди, – пояснил аббат. – Я ежедневно получаю самые последние новости от местного священника. Служитель Тога присылает информацию с голубем. Это крылатая почта работает лучше любого королевского глашатая. Сегодня утром я узнал, что наместника нашли мертвым. И умер он при весьма странных обстоятельствах. Предполагаю, что без помощи вашего «доброжелателя» здесь не обошлось.

– Одним врагом больше, одним меньше, – пожал плечами Питер. – У чародея везде свои люди. Впрочем, они мне не страшны, хотя и будут вставлять палки в колеса на всем пути. А вот их хозяин на меня порой наводит панический ужас. Эти гигантские черви в подземелье, а теперь еще и утопленники. Что будет дальше? Армии оживших мертвецов, вампиры, оборотни?

– Дейтмар, конечно, очень сильный маг, – ответил Рудл. – Он способен управлять стихиями, животным миром и даже возвращать к жизни мертвую материю. Но его силы небезграничны. Воскрешая утопленников, он израсходовал почти всю свою мощь. Так что несколько дней можно не опасаться его магических угроз. Ну, а поднять из земли целую толпу мертвецов ему не под силу, Впрочем, как и подчинить вампиров и прочую нечисть. Для этого нужен с десяток чародеев, обладающих не меньшей силой, чем он сам.

– Но что ему стоит разделаться со всеми нами в два счета, не прибегая к посторонней помощи?

– Разве Патиас вам ничего не говорил? – искренне удивился Рудл. – Его сдерживает ваш амулет.

– Это я слышал неоднократно, но каким образом он действует? – задал волнующий вопрос Питер.

– Я не могу точно этого сказать, но знаю одно, что когда свет противостоит тьме, та всегда отступает. В этом амулете заложена не только сила великих магистров Ордена. Сам Тог благословил его, оставив в нем частичку своей души.

Питер раскрыл от удивления рот, уставившись на аббата глазами размером с блюдца.

– Именно так, – лицо Рудла стало благоговейным. – Когда амулет был готов, его принесли в главный храм Тога в Эстраде. Магистр положил Око Петры на алтарь, священник произнес старинную молитву, и произошло чудо – из раскрытой ладони Тога, которая возвышалась над жертвенником, вырвался луч света и ударил прямо в амулет. Это было одно из немногих проявлений Всевышнего на этой земле. Тог благословил Око Петры, наделив его толикой своего могущества.

Питер был поражен откровением аббата до глубины души. По коже бегали мурашки, а в глазах стояли слезы. В душе молодого лорда рождалось какое-то новое чувство. Он впервые в жизни ощутил в себе некое подобие религиозного трепета перед божеством Руны, и ростки веры потянулись к всеильному Создателю. Внутри него все пело и кричало. С каждой секундой росла уверенность в том, что этот поход не напрасен и отряд дойдет до пункта назначения,

добудет книгу и спасет королевство от чародейского проклятия. Ведь с ними Тог, сила которого живет в амулете, спрятанного у него под рубашкой. И он как будто почувствовал, что Бог слышит радостный крик его души. Амулет слегка запульсировал, и его хозяин ощутил прилив неземных сил. Молодой Бернс словно воспарил над всей землей, пронесся ураганом по Руне, окунулся в Океан Безмолвия, распугав русалок.

Тут Пит почувствовал, что его кто-то бьет по щекам. Нереальная дымка рассеялась, и он увидел обеспокоенное лицо аббата.

– Хвала Всевышнему, – с облегчением выдохнул он. – Ну и напугали вы меня, милорд. Ваш взгляд вдруг стал таким отрешенным, а потом вы и вовсе перестали дышать. Что произошло?

– Я почувствовал на себе благословение Тога, если так можно выразиться. – Питер рассказал аббату о своих внетелесных переживаниях.

– С ума сойти, – теперь пришла очередь Рудлу удивляться. – В священных книгах написано, что подобное испытывают праведники. Их души словно возносит над землей невидимая длань, и в таком состоянии они способны видеть картины будущего, которые Тог открывает им. Вы ничего такого не узрели?

– Увы, – пожал плечами Питер. – Может быть, мне и открылось бы что-нибудь запретное, но вы своими пощечинами привели меня в чувство.

– Вот старый осел, – аббат с размаху ударил о беседку кулаком. – Если бы я только знал...

– Не вините себя. Кто знает, чем все могло закончиться. Хотя конечно, узреть будущее не помешало. Может, Тог хотел показать мне что-то очень важное, например, смертельную опасность подстерегающую в дороге или...

– Мы исправим эту ошибку, – перебил Питера аббат и звонко щелкнул пальцами. – Ну конечно.

Пит в недоумении уставился на Рудла.

– Нет, я не сумасшедший, хотя в эту минуту, наверное, таким и кажусь, – улыбнулся он. – Вы слышали про «Обряд Сна»?

– Об этом что-то говорится в Кависти, – припомнил Питер.

– Именно, – воскликнул его преосвященство. – Обряд проводится в полночь, в Святылице храма, куда имеет право входить только священник или праведный человек. Там, принимающему участие в обряде, Тог открывает будущее посредством символов.

– Но я не священник и уж тем более не святой, – запротестовал Питер.

– На вас печать Всевышнего. Не вы решили отправиться в этот опасный путь, а Бог избрал вас для этой миссии. Вопрос в другом, хотите ли вы приоткрыть завесу тайны и заглянуть в неведомое?

Питер замер в нерешительности, раздумывая над предложением аббата. Легкий укол страха пронзил его сердце, но тут же исчез, разрываемый любопытством.

– Я готов совершить священный обряд, – согласился молодой лорд.

– Тогда сегодня в полночь готовьтесь к самому увлекательному приключению в вашей жизни. А сейчас я бы хотел расспросить вас вот о чем. Какие дела в столице и что за новый закон собирается издать Его Величество? Я слышал, что он касается игорных заведений королевства...

Пушистый потерял интерес к беседе, слез с дерева и помчался разыскивать келью, выделенную Драчуну, чтобы поведать другу о своих вечерних похождениях.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Войдя в храм Тога, Питер поразился великолепию внутреннего убранства. То, что рассказывал Арат, не шло ни в какое сравнение с увиденным. Рассматривая с восхищением фрески забытых художников, ему казалось, что еще немного, и настенные герои оживут и утащат его в загробный мир.

Вот старший сын Тога – Рамис, развалился на роскошном балдахине в окружении трех прекрасных дев, которые всячески убажуют своего господина. Средний сын – Аструа, восседает во главе стола, зажав в руке золотой кубок с вином. Вокруг божества расположились воины, погибшие за истинную веру с приспешниками Шахира. Младший и любимый сын Тога – Карим, изображен со священной книгой Кависти. Бог мудрости простирает со стены длань, как бы благословляя прихожан. На потолке изображен сам властитель жизней и судеб – Тог. Он сидит в повозке, запряженной львами, а рядом с ним его супруга и верная спутница – лучезарная Петра. Лицо Всевышнего сурово, но в его глазах пылает огонек доброты. Богиня держит своего повелителя за руку, а с ее губ нисходит обворожительная улыбка.

Взглянув на противоположную стену, Питер содрогнулся. Сцены из жизни подземного мира совершенно не радовали глаз. Повсюду на фресках были изображены маленькие, худые, морщинистые и безволосые существа с длинным оттопыренным хвостом с кисточкой на конце. Каждый из них был вооружен трезубцем. Из него вырывалось голубое пламя, поражающее грешников и причиняющее им невыносимые страдания. Одни люди корчились в агонии, у других из глаз текли кровавые слезы.

Питер отвернулся от мрачной картины. Вообще, подобные фрески были не характерны для храмов Тога. Обычно на стенах изображали только сцены из райской жизни. Он никак не мог понять, зачем в молельне понадобилась писать подобные ужасы.

«Может быть, потому, чтобы лишний раз напомнить людям о той невидимой грани, что отделяет их от света и тьмы?» – предположил Пит.

Повернувшись, он пошел в сторону алтаря. Жертвенник Тога был высечен из темного гранита, украшенного узорами, символами и непонятными письменами. Вверху над алтарем, на специальной нише, покоилась огромная ладонь Тога – символ веры большинства жителей Руны. Питер преклонил колени, подивившись внезапно возникшему религиозному порыву и попросил Всевышнего о благословении. Когда молодой лорд закончил молиться, голос сзади заставил его вздрогнуть от неожиданности:

– По вере твоей да будет тебе.

– Вы напугали меня, ваше преосвященство. – Питер чувствовал себя так, будто его застали за каким-то постыдным занятием.

– Вам нечего стыдиться, – заметил аббат. – Молитва сближает нас с Господом и дает силы быть твердыми в своих решениях.

– Просто не знаю..., – замялся Пит.

– Не стоит оправдываться, – Рудл положил руку на плечо собеседнику. – Поверьте, это прекрасный порыв и не нужно его душить в себе. Я рад, что вы ощутили благодать Всевышнего.

– Скоро полночь, – Пит напомнил аббату о цели встречи.

– Идемте, – Рудл повел молодого лорда вглубь храма.

Подойдя к ширме, его преосвященство отодвинул плотную ткань, за которой скрывалась дверь. На деревянной поверхности были изображены те же непонятные письмена и знаки, что и на жертвеннике.

В Святилище было просторно. Здесь горели свечи и пахло благовониями. У входа стоял умывальник в виде чаши. Аббат намочил ладони, омыл лицо водой и снял сандалии. Питер последовал его примеру – умылся и стянул новые сапоги, подаренные местным монахом. Посреди Святилища находилась маленькая купель, наполовину заполненная водой с зеленоватым отливом. На стене с левой стороны висели полки. На них громоздились десятки различных коробок, стеклянных баночек и прочих емкостей. По углам возвышались четыре бронзовых подсвечника по семь свечей в каждом.

– Вам необходимо раздеться и натереть себя вот этой мазью. – Аббат протянул стеклянную баночку с каким-то желеобразным веществом внутри. – Только после этого мы приступим к обряду.

Питер скинул на пол одежду, открыл банку и понюхал содержимое. Запах был отвратительным. Пахло дохлыми мышами, птичьим пометом и еще бог знает чем. Натирая тело, он старался дышать ртом – так вонь меньше ощущалась. Когда вся кожа блестела от странной мази, аббат велел ему спуститься в купель.

Вода была теплой. На ее поверхности плавали лепестки цветов. Погрузившись всем телом, Питер ощутил приятную истому. Как будто кто-то невидимый делал ему успокаивающий массаж. Волна блаженства прокатилась по телу, и тут он понял, что не может сконцентрировать свое внимание на предметах Святилища. Подсвечник раздвоился и стал одним сплошным сияющим огненным пятном. Где-то вдалеке доносился монотонный голос аббата. Видимо его преосвященство возносил молитву или читал отрывок из священной книги Кависти. Питер хотел привстать, но его тело было словно кисель. Рука с трудом поднялась и обратно плюхнулась в воду. Голова пошла кругом и перед глазами все поплыло.

«Так вот он каков, Обряд Сна», – подумал молодой лорд перед тем, как провалиться в небытие и уйти из этого мира.

Питер очнулся в сверкающей пещере. Он лежал на прохладном полу, а вокруг него носились разноцветные огоньки, как будто играя в пятнашки. На потолке вспыхивали огненные символы и затухали, чтобы потом набраться сил и разгореться еще ярче. Он пытался взглянуть в эти таинственные знаки, но его мозг отказывался понимать послание. Затем он все же различил буквы, которые постепенно сложились в слова. Питер потер глаза, но приказ четко «горел» на потолке и не желал исчезать.

– Следуй по коридору и перехитри Знающего Путь, – прочитал вслух молодой лорд. – Интересный сон, ничего не скажешь. Аббат мне ни о чем таком не говорил.

Пит огляделся и увидел выход. Вставать и куда-то идти, чтобы потом еще и кого-то перехитрить ужасно не хотелось. Однако нереальность сильно действовала на нервы. К тому же желание поскорее получить совет Тога, сбросить с себя оковы сна и оказаться в своем привычном мире, было куда сильнее.

Гость сновидений вышел из пещеры в тускло освещенный коридор. Источник света было трудно определить. Казалось, что луч бьет прямо с потолка. Но стоило поднять голову, и призрачный свет уже мерцает на стенах, чтобы через секунду переместиться на пол.

Идти пришлось недолго, так как внезапно перед путником встала глухая стена. Питер оглядел ее шершавую поверхность, но не обнаружил никаких скрытых рычажков.

«Неужели нужно было двигаться в другую сторону. Не хватало еще шататься всю жизнь по этому подземелью. И какого Шахира я послушал аббата и дал себя втянуть во всю эту авантюру», – с горечью подумал Бернс.

Питер от досады ударил о стену, и та отъехала в сторону на три-четыре сантиметра. Изучив то место, куда угодил его кулак, он заметил ничем не приметную выпуклость и надавил на нее большим пальцем. Стена продолжила свое движение в сторону, открывая взору небольшую комнату, в конце которой находилось странное существо. Питер узнал в нем получеловека-полульва.

Сфинкс сидел на каменном троне, закинув одну лапу на другую, и широко улыбался своему гостю. Передней лапой существо сжимало полуобгрызенную ногу какого-то животного. Человеческие губы сфинкса были окровавлены, и Питеру сделалось немного дурно. Хоть пища и попадала в звериный желудок, но жевал сырое мясо все-таки человеческий рот. Сфинкс заметил к своей персоне брезгливое отношение и отложил ногу в сторону.

– Будешь на меня так презрительно пялиться, я отгрызу твою ногу, – сказал человек-лев, хищно сверкнув глазами.

Питер отшатнулся, и сфинкс зашелся лающим смехом, перешедшим в кашель.

– Не бойся, я не ем человечину, – прослезилось существо. – Зачем пожаловал?

Бернса этот вопрос поставил в тупик. По крайней мере, он не собирался посвящать сфинкса в свои планы относительно цели пребывания в этой «Стране Снов».

– Не хочешь отвечать, не надо. Мне и так все известно. Но знай, чтобы пройти дальше и получить ответ на свой вопрос, ты должен будешь ответить на мои вопросы, – человек-лев с любопытством разглядывал чужака.

– И что же ты хочешь узнать? – поинтересовался Питер.

– Мне не нужно ничего узнавать. Я – Знающий Путь. Мне и так подвластны все тайны мироздания.

– Тогда к чему этот фарс?

- Таковы правила, – сфинкс слегка потянулся. – Я задаю вопрос, ты – отвечаешь.
- А если скажу неправильный ответ?
- Тогда вернешься назад, откуда пришел.
- Что ж, валяй, – Питер сел на пол напротив сфинкса и поджал под себя ноги.
- Ты слишком самоуверенный, – подметил сфинкс. – Обычно я ем таких на завтрак. Но ты мне нравишься и возможно...
- Кто-то тут говорил, что не ест человеческое мясо, – перебил Питер.
- Ладно, поймал на слове, – хмыкнуло существо.
- Может, уже начнем? – поторопил молодой лорд. – Если ты и настроен общаться со мной целую вечность, то я таким временем не располагаю.
- Какой же ты все-таки вредный, – сфинкс сделал обиженное лицо. – Раз ты так хочешь, вот мой первый вопрос...
- А позволь спросить, сколько их будет? – перебил его Пит.
- Хочешь поговорить об этом? – с издевкой спросил человек-лев.
- Нет, извини, можешь продолжать.
- Какое великодушие, о боги, он разрешил мне сделать мою же работу, – сфинкс театрально воздел лапы к небу. – Бог может познать самого себя?
- Что-что? – переспросил Питер.
- Ты оглох? – Я просил: Бог способен познать самого себя?
- Нет, – ответил Питер.
- Вот как? – сфинкс получал огромное удовольствие от такого разговора. – Так про-свети же меня, с какой стати ты так решил?
- Бог не может познать самого себя по той причине, что он изначально знал о себе все, – Питер пустился в пространные размышления.
- Что значит изначально? Да будет тебе известно, ничего во вселенной изначально нет. Всевышний сотворил человека по образу и подобию своему, ведь так написано в вашей священной книге? Человек смертен и Бог тоже, увы, не вечен. Просто ваши и его измерения живут по разным временным ритмам.
- Не понимаю, – Питер смотрел на сфинкса, как на сумасшедшего.

– Все очень просто. Когда в вашем мире проходит один день, то в том измерении, где живет Бог, этот отрезок времени длится тысячу лет. Это и создает ощущение бессмертности Творца. Но в конечном итоге Всевышний также умирает, пусть и живет бесконечно долго.

– Стоп, – осек Питер сфинкса. – По-моему вопрос стоял так: «Может ли Бог познать самого себя?». А ты несешь всякую чепуху про время и какие-то изм... эээ...

– Измерения, – напомнил человек-лев.

– Да какая разница, – вспылил Питер. – Я ответил верно, а ты пытаешься запудрить мне мозги.

– Ты себе льстишь, юноша, – снисходительно улыбнулся сфинкс. – Я просто пытался тебе объяснить смертную природу Бога, а соответственно, твою неправоту. Ведь если Всевышний не может жить вечно, значит, его не существовало изначально, и следовательно, он познает себя на протяжении всей своей, казалось бы, бесконечно долгой жизни.

– Тогда кто после него правит миром? – спросил Питер.

– А ты что, плохо читал Кависти? – притворно изумился Знающий Путь. – Конечно, его сыновья. Если ты запомнил, то я с удовольствием напомню – у Тога их три. Из всех их мне больше нравится Карим. Он единственный в семье отличается хоть каким-то целомудрием. Думаю, Тог на смертном одре вручит именно ему бразды правления миром. Те двое совсем ни на что не годятся. Первоначально выбор был сделан в пользу Аструа, но тот в последнее время совсем помешался на битвах. Мотается по измерениям, собирает воинства и сражается в свое удовольствие. Да заодно доставляет Рамису из разных миров прекрасных дев, которых и так в небесных чертогах собралось хоть пруд пруди. Тог, конечно, закрывает на сладостные утехи своего старшего сына глаза, но чувствует мое львиное сердце, что когда-нибудь его божественное терпение лопнет, и он кастрирует своего отпрыска. По мне, так идея просто великолепная. Может, он тогда, наконец, возьмется за ум.

– По-моему, мы отвлеклись от темы.

– Есть немного, – сфинкс заерзал на троне. – Но когда, а главное от кого, ты еще услышишь о жизни богов.

– Давай ты оставишь свою лекцию до следующего раза. Мне действительно пора идти.

– А куда это ты собрался, – удивился Знающий Путь. – Ты дал неверный ответ, а значит, я отправлю тебя назад, в твой мир.

– Считаю, что ответ был верным, – стоял на своем Питер. – Или если уж на то пошло, то мы оба правы. Если верить твоему утверждению о смертности богов, то на чем основываются твои знания?

– Это же очевидно, я приближен к богам, – ответил человек-лев. – К тому же я сам имею божественную природу. И раз уж на то пошло, то Тог мой близкий родственник. Он приходится мне...

– Мне все понятно, – перебил Питер божественного болтуна. – Ты прав потому, что являешься приближенным Всевышнего. Хотя твое утверждение я все еще ставлю под сомнение. Моя же правота в том, что в мире Руны человека учат жить по Кависти, а в ней говорится, что Бог изначален, а соответственно – бессмертен. Так что вопрос: «Может ли познать себя Бог?», имеет два разных варианта ответа, и оба правильные.

– Неплохо для человека, – хмыкнул человек-лев. – Ты можешь идти.

Сфинкс потерял всякий интерес к собеседнику и вернулся к прерванной трапезе.

– Ну и куда мне идти? – растерялся Питер. – Здесь нет выхода.

– А почему меня это должно волновать? – существо прекратило жевать и уставилось на своего гостя.

– Ну, если ты не Знающий Путь, а обыкновенное трепло, то попробую отыскать выход самостоятельно, – со злостью бросил Пит.

– Испытание мудростью пройдено. – Сфинкс улыбнулся, сделал лапами какие-то магические пассы и Питер провалился в небытие.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Он лежал на опушке леса. Редкие листья колыхались на ветру. Странно. Он не чувствовал даже малейшего дуновения ветерка. И, тем не менее, листья устроили свой последний танец перед тем, как упасть на землю и забыться беспечным сном.

Стояла поздняя осень. По крайней мере, Питеру казалось, что в этом месте, куда его забросил Знающий Путь, властвует его высочество ноябрь. Он поднялся с земли и отряхнул одежду. Однако на ней не было ни пылинки. Из рта вырывались клубы пара, но он не чувствовал холода. Ночь давно вступила в свои права. Посмотрев на небо, путешественник по сновидениям не увидел знакомых созвездий. Вдобавок вместо одной луны на черном полотне небес сияли целых два ночных светила. Одно дарило этому необычному миру белый свет, другое – бледно-розовый.

В нескольких шагах от него стоял трехэтажный деревянный дом. Строение выглядело заброшенным. Окна оказались заколочены досками, на которых отчетливо виднелись следы гнили. Крыльцо покосилось от времени. Крыша напоминала решето, будто гигантский град подверг ее массивованной атаке.

Питеру не хотелось приближаться к этому дому. От него веяло злобой, в душе рождался животный страх.

Позади высился мрачный лес, в который тоже не было желания без надобности ступать.

«Если из двух зол выбирать меньшее, то лучше уж прогуляться по лесу. Хотя кого я обманываю, наверняка, чтобы выбраться отсюда и попасть в другое сновидение, нужно войти в дом», – рассудил Питер.

Он сделал несколько шагов в сторону разваливающегося особняка, и строение издало стонущий звук. Страх взял верх. Питер резко повернулся на сто восемьдесят градусов и, что есть сил, припустил к лесу. Вбежав в мрачную чащобу, он перешел на быстрый шаг. Широкая тропинка вела его среди древних дубов и молодых осин, мимо орешника к голым кустам малины. Он старался не смотреть по сторонам, а глядел только вперед на бесконечно тянущуюся тропку. После бессмысленного блуждания, он вышел на опушку. Внутри все похолодело. Невдалеке стоял его недавний «знакомый» и как будто насмехался над ним. Дом не отпускал его, манил к себе, приглашая войти и вкусить сполна тех ужасов, которые могут таиться в старых стенах.

Питер медленно начал приближаться к своему врагу. Он обошел особняк, стараясь держаться от него как можно дальше, и направился в противоположную сторону. Луны осветили путнику такие же древние, как дом, постройки. Бернс прошел мимо развалившегося сарая, об истинном предназначении которого можно было только догадываться. По другую сторону он заметил конюшню, а точнее то, что от нее осталось. Затем миновал еще несколько непонятных построек. Поравнявшись с трухлявой виселицей, на которой болтался скелет какого-то существа, Питер споткнулся и во весь рост растянулся на земле. А когда встал, вновь увидел перед собой проклятый дом.

– Видимо от судьбы не уйдешь. – Блуждающий во снах усмехнулся и, собравшись с духом, направился к особняку.

Он стал подниматься по крыльцу. Прогнившие ступеньки скрипели под ним. Одна из них издала предсмертный хрип и проглотила ногу непрошеного гостя. Питер с трудом вытащил сапог и ужаснулся увиденному – в провале зияла черная дыра, в которой вихрем пронеслись мириады звезд. Одним прыжком он преодолел последние три ступени и оказался у двери. Взявшись за ручку, он попытался открыть ее, но та не поддавалась. Пит захотел спрыгнуть с крыльца (желание спускаться по ступеням отбило напрочь) и обойти вокруг дома, в надежде отыскать другой вход. Но, обернувшись, увидел страшную картину. Лес и лужайка исчезли, уступив место черной бездне, которая стремительно надвигалась на старый особняк, желая его поглотить. Собравшись с силами, он было хотел выбить дверь плечом, но та с режущим слух скрипом открылась сама, все же решив впустить настойчивого гостя.

Молодой лорд влетел внутрь. Перед тем как захлопнуть дверь, он разглядел в темноте огромные зеленые глаза, хозяин которых явно имел не самые добрые намерения.

Питер огляделся. Он оказался в коридоре, освещенным серебристым светом.

Бернс пошел вперед, рассматривая то небольшое, что было здесь: старые светильники с почерневшими от копоти свечей стеклами, табуретка, готовая рассыпаться от малейшего прикосновения, картина, на которой лежал не один слой вековой пыли. Произведение древнего мастера заинтересовало гостя. Он аккуратно стер пыль рукавом и от удивления раскрыл рот: на полотне была изображена знакомая сцена: лес, лужайка, и молодой человек, стоящий у крыльца старинного дома. Причем художник выполнил все в мельчайших деталях, вплоть до одежды Питера и ее расцветки.

– Что все это значит? – спрашивал себя Пит. – Может, картина это знак, и я получу откровение Тога именно здесь и сейчас? Хотелось бы в это верить. Блуждание во снах начинает порядком надоедать. Я не..., а это еще что???

Молодой лорд уставился на очередную картину на стене. На полотне за игровым столом сидел он сам, а напротив него незнакомец показывал ему игральную карту. К сожалению, лицо игрока по милости художника разглядеть было невозможно – тот нарисовал его сидящим спиной.

Тут взгляд Пита упал на такое, от чего по телу пробежали мурашки: в петле, перекинутой через вделанный в потолок крюк, болталось тело женщины. Питер не на шутку испугался. Если первая картина четко показывала его прошлое, то второе полотно явно предсказывало будущее. Он пошел дальше по коридору, который казался бесконечным.

«Где же лестница, ведущая наверх или хотя бы дверь, через которую можно попасть в гостиную», – подумал он.

Его мысль тут же стала материальной. Слева, откуда ни возьмись, возникла дверь.

«Идти дальше смысла нет. Если кому-то вздумалось поиграть, то придется принимать чужие правила, иначе меня просто не выпустят из особняка», – решил Бернс.

С этими словами он открыл дверь и вошел в комнату. Здесь все было так, как изображено на картине. За исключением того, что место второго игрока пустовало, а женщина-самоубийца сидела в углу и смотрела безумными глазами на свисавшую с потолка петлю, как будто пыталась разглядеть в ней нечто сакральное.

– Где ты ходишь? – недовольно спросил незнакомец. – Садись, карты не могут больше ждать, ибо их раздала сама судьба.

– Ты кто? – Питер обошел игровой стол, чтобы увидеть лицо человека.

– Я сама судьба, – ответил мужчина. – А ты всего лишь инструмент в моих руках. Проиграешь, и она умрет. Выиграешь – подарить жизнь. Хотя в ее теперешнем состоянии смерть для нее будет верх блаженства.

– Но почему я должен вообще играть? – спросил Питер.

– А разве не заманчиво сыграть с самой судьбой? К тому же у тебя все равно нет выбора. От судьбы не уйдешь. Играем?

– Я не против игры, но к чему такая высокая ставка – человеческая жизнь?

– Не тебе решать о ставках в моей игре, – судьба недовольно скривила лицо. – Разве ты способен познать мое предназначение – повелевать людскими судьбами.

– Я видел картину в коридоре, – Питер сел за стол. – Художник изобразил эту женщину повешенной. Значит ли то, что если я откажусь играть, она будет жить?

– Возможно, – уклончиво ответила судьба. – Но тогда ты останешься здесь навсегда.

– Такова моя судьба? – спросил молодой лорд.

– Твоя судьба играть со мной, – теперь лицо мужчины было бесстрастным. – А ее жизнь зависит напрямую от твоего выигрыша или проигрыша.

Питер посмотрел на женщину – в ее глазах плясало безумие.

– Каковы правила игры?

– Я показываю карту, а твоя задача угадать цифру – от единицы до девяти. – Судьба, вытащив из колоды карту, показала ее рубашкой молодому человеку.

– Тройка, – выпалил Питер.

Судьба хитро улыбнулась, показав белоснежные зубы, и произнесла:

– Да будет так.

Женщина как по команде встала, залезла на стул и накинула на шею петлю. Затем поджала под себя ноги и одной из них ударила по стулу. Тот отлетел в сторону. Самоубийца захри-

пела, хрустнули шейные позвонки, тело задергалось в конвульсии и безвольно повисло. Питер резко вскочил из-за стола и попытался схватить ноги женщины в надежде ее спасти. Однако руки ухватили только воздух – тело исчезло, а петля бешено болталась из стороны в сторону. Судьба смотрела с некоторым восхищением на Питера, а потом заявила:

– В твоём сердце живет самоотверженность и человеколюбие. Испытание судьбой пройдено.

Незнакомец исчез. Дверь комнаты открылась, давая понять гостю, что пора идти дальше.

Выйдя в уже знакомый коридор и сделав десяток шагов, Питер наткнулся на лестницу. Он мог бы поклясться чем угодно, что раньше ее здесь не было. Но гость странного дома не собиравшись отступить назад. Что бы ни ожидало его наверху, очередная безумная судьба, толпа разъяренных монстров или сама смерть, он примет их игру и поборется за победу. Пит начал подниматься по ступеням, осторожно ставя ноги, чтобы ненароком не провалиться. Однако произошло нечто другое. Миновав несколько ступеней, он услышал жуткое завывание, как будто после векового плена душа призрака вырвалась на свободу в надежде испугать свою жертву до смерти. Питер похолодел от ужаса и бросился вниз. Визг прервался. Отдышавшись, он вновь начал подъем. Дойдя до злополучной ступеньки, визжание повторилось, но он хладнокровно поставил ногу на следующую, и в доме воцарилась гробовая тишина. Однако стоило ему подняться чуть выше, как сверху донесся звериный рык. Нервы Питера сдали, и он вновь сбежал вниз. Рев тут же прекратился, но его сменило завывание призрака.

«Так вот оно что. Определенные ступеньки издают устрашающие звуки, если на них наступаешь. А я-то, балбес, чуть в штаны от страха не наложил», – хихикнул молодой лорд.

Питер уверенно зашагал вверх по лестнице. Дойдя до визжащей ступени, он поставил ногу, затем вторую и с игривой улыбкой остановился. Визг повторился. Через полминуты завывание стихло.

– Ха, нашли, чем испугать, – выкрикнул Питер.

Только он продолжить путь, как заметил, что на стене появилась выпуклость. Уже через мгновение можно было разглядеть страшное лицо, которое рвалось наружу, желая показаться во всей своей красе замершему на лестнице человеку. Питер что есть мочи дал деру, перескакивая сразу через две-три ступени, и остановился только тогда, когда миновал пролет. Обернувшись, он увидел, как странное существо вылезает из стены. Оно чем-то напоминало человека, вот только в какой-то извращенной вариации. Пришелец стоял на четвереньках, а его голова была повернута на 180 градусов, словно ему свернули шею. Пит припустил наверх. Однако нога встала не на твердую поверхность, а на что-то желеобразное. Вторая ступня также увязла в вязкой жидкости. Раздалось противное чавканье, и Пит с трудом высвободил ногу. Таким способом он преодолел половину пролета.

Кинув взгляд через плечо, он заметил, что уродливое создание идет следом. Бернс схватился за меч, но вспомнил, что изначально путешествовал в стране сновидений без оружия.

Пришелец начал повизгивать. Эти звуки казались Питу скорее не устрашающими, а противными, даже раздражающими. По нормальной поверхности существо передвигалось крайне медленно, но стоило ей опустить ноги в студень, как оно запрыгало по нему, будто кузнечик.

Монстр уверенно нагонял свою жертву. Он проворно передвигался на трех конечностях, а четвертой пытался достать беглеца. Ухватив его за штанину, уродец издал победный клич. Крепко держась за перила, Питер с чавканьем вытянул из желе ногу и двинул существо по голове. Удар был настолько сильным, что пришелец отлетел к стенке. Пока монстр пытался наверстать упущенное преимущество, Пит немного поднажал и выскочил на площадку. Дальше ступенек не было, впрочем, как и входа на этаж. Пришелец уже практически был на площадке, вытянув вперед шишковатую руку и отвратительно ухмыляясь. И тут внезапно Питу пришла в голову одна мысль. На первый взгляд, совершенно нелепая, даже попахивающая идиотизмом, но он ухватился за нее, как утопающий за соломинку. Поборов страх и отвращение перед неизвестным существом, блуждающий во снах кинулся на своего преследователя, схватил за голову и повернул ее. Послышался хруст, и голова встала на свое прежнее место. Пришелец на секунду обмяк, а затем встал с четверенек на ноги и подмигнул ошарашенному человеку.

– Воистину, ты достоин совета Повелителя Небес, – произнес пришелец. – Испытание страхом пройдено.

Незнакомец ушел сквозь стену, а Бернс, не мешкая, открыл невесть откуда взявшуюся дверь и шагнул в неизвестность.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Из глубин подземелья, куда очередное испытание занесло блуждающего во снах, доносился странный гул. Он то приближался, стараясь проникнуть в мозг путнику, то удалялся, становясь кротким и ненавязчивым.

Питер лежал в позе зародыша, словно находился в чреве великанши. В подземелье было нестерпимо жарко. Вдалеке мерцал красный свет, будто там работал кузнец, раздувая огромные меха, заставляя плясать пламя в горне. Питу ничего не оставалось делать, как идти к этому путеводному маячку. Здесь не было ничего такого, что действительно могло привлечь внимание. Разве что только черные как смоль сталагмиты и сталактиты, которые не росли прямо, а причудливо изгибались.

Пещера оказалась небольшой, и Питер уже направлялся к выходу в очередной зал, как случилось то, что часто происходит в кошмарных снах. Особенно уродливый сталактит начал с ужасающей быстротой расти, приближаясь к Питу. Каменное «нечто» извивалось из стороны в стороны. Сталактит не отличался грациозностью змеи или щупальцем осьминога, а выполнял угловатые движения. Подземный гость думал, что успеет добежать до выхода, но сталактит преградил ему путь. Пит хотел проскочить под ним, но тот внезапно изменил траекторию своего роста и направил «щупальце» вниз, чуть не придавив голову человека. Затем каменный «червь» атаковал пришельца в живот. Питер увернулся, но в ту же секунду сталактит сильно врезал ему по колену. Следом огнем боли обожгло правый бок. Бернс кинулся назад, но обнаружил, что пещера заметно уменьшилась в размерах – бежать было некуда. Оглядевшись, Пит взял камень и бросил его в надвигающийся сталактит, который из-за постоянного роста загордил и без того небольшое пространство пещеры. Раздался тупой звук, каменное щупальце завибрировало и замерло. Прошло не более полминуты, как сталактит вновь начал подавать признаки жизни и устремился на свою жертву. Питер не растерялся и, ухватив камень поуверсистей, кинул в неведомое чудище. Сталактит опять замер, а подземный узник, не теряя драгоценного времени, забрался наверх переплетенного в причудливые фигуры щупальца и бросился в сторону выхода, балансируя на тонкой каменной кишке. Он не успел добежать каких-то нескольких метров, как сталактит вновь пришел в «сознание». Видя, что жертва вот-вот соскочит с крючка, щупальце начало втягивать само себя. Однако человек оказался проворнее. Он спрыгнул вниз и, преодолев оставшееся расстояние до выхода, буквально влетел в следующий зал. Сталактит издал шипящий звук, и в последней попытке достать беглеца бросился за ним. Однако отверстие сомкнулось, и Питер услышал только глухой звук удара камня о камень.

В следующей пещере не было ни сталактитов, ни сталагмитов. Вместо них громоздились, чуть ли не друг на друге, огромные каменные изваяния. Питер осторожно шел, то и дело глядя по сторонам. Молодому лорду не хотелось попасть впросак: мало ли какая тварь может выпрыгнуть из темноты. Слева послышался чей-то слабый стон. Пит насторожился.

– Эй, кто здесь? – Голос эхом разнесся по подземелью, и Питер уловил в нем нотки страха.

Стон повторился, но уже громче. Этот слабый звук казался настойчивым, как будто попавший в беду совсем и не нуждался в помощи, а наоборот, хотел заманить путника в ловушку. Тем не менее Питер не мог проигнорировать призыв. Он пошел в сторону, откуда доносился стон, переступая через валяющиеся камни. За огромным валуном оказался обрыв.

Внизу было небольшое озерцо. На поверхности воды без движения плавало чье-то маленькое тельце.

«Ребенок! Но как он сюда попал? Или это очередная уловка невидимого игрока, который хочет испытать меня», – подумал Бернс.

Пит спустился к водоему и окликнул ребенка. Маленький пловец повернул голову и улыбнулся. Молодой лорд резко отшатнулся, не веря собственным глазам. На него смотрело нечеловеческое дитя. Глаза крохи светились зеленоватым огнем. В них отчетливо читалось безумие и жестокость. Рот малютки был усеян рядом острых зубов. Ребенок помахал ему, и Питер увидел, что его пальчики заканчиваются острыми когтями. На крохотной головке виднелись два ороговевших нароста. Питеру сразу вспомнилась легенда о том, как жителей Сперониума погубили похожие твари, именуемые детьми Шахира. Он попытался взять себя в руки и, подавив дрожь в голосе, спросил:

– Это ты звал на помощь?

Вопрос, безусловно, был наиглупейший, так как из них двоих, если кто и нуждался в помощи, то явно не ребенок. Существо ничего не ответило, а поплыло к берегу. Молодой лорд медленно попятился назад. Его спина уперлась в холодный камень.

– Не бойся, – проскрежетал младенец. – Я с удовольствием вгрызся бы в твою нежную шейку и попробовал твоей благородной крови, но Отец велел мне не трогать тебя. Ты любимчик Тога и если с тебя упадет хотя бы один волосок, нам всем не поздоровится. Но не обольщайся, мы с тобой обязательно еще увидимся и мило поболтаем.

– Кто ты? – еле слышно спросил Питер.

– Думаю, ты и так знаешь, кто я такой. До встречи в мертвом городе, – прорычало шахиромо отродье, и молодой лорд ощутил на себе смрадное дыхание младенца.

Внезапно Питер очутился на том самом месте, где впервые услышал стон ребенка. Случившееся казалось каким-то наваждением, но он был уверен, что встреча с дитем Шахира была реальной. Пришло осознание того, что в этом путешествии за книгой груунов заложено нечто большее, чем спасение целого народа от чумы. Здесь замешаны куда более могущественные силы, нежели бессмертный чародей и все маги Ордена вместе взятые. Встреча с шахирским созданием ясно дала это понять. Благо сам Тог покровительствует ему, иначе он бы уже лежал на полу пещеры с зияющей раной в горле, оставленной дитем бога тьмы и ночи. Правда, он никак не мог взять в толк, зачем высшим существам – властителям жизни и смерти, понадобилась это проклятая книга.

Покинув пещеру, он очутился в широком коридоре. Жара здесь была совсем невыносимой. Во рту пересохло, гул стал еще громче, а красный свет настолько озарял подземелье, что глазам не нужно уже было привыкать к полумраку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.